

ЛУИ ЖАКОЛИО
БЕРЕГ
ЧЕРНОГО ДЕРЕВА
И СЛОНОВОЙ КОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1989

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ
ЛУИ ЖАКОЛЛО

БЕРЕГ
ЧЕРНОГО ДЕРЕВА
И СЛОНОВОЙ
КОСТИ

Роман

Перевод с французского

•ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА•

ББК 84.4Фр
Ж23

Louis Jacolliot
LA COTE D'EBENE, 1876
LA COTE D'IVOIRE, 1877

Сокращенный перевод с французского.

Текст печатается по изданию:

Жаколио Л.

Берег черного дерева и слоновой кости. —

М.: Географгиз, 1958

Предисловие А. Зубарева

Художник С. Яровой

Ж $\frac{4804010100 - 047}{M101(03) - 89}$ 458 — 89

ISBN 5-08-000350-2

©Предисловие. Иллюстрации.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

ЛУИ ЖАКОЛИО — ПИСАТЕЛЬ, ПУТЕШЕСТВЕННИК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Луи Жаколио был одним из самых любимых авторов русских мальчиков конца XIX столетия. Им зачитывались целые поколения читателей. Его очень высоко ценил П. И. Чайковский. А в 1910 году в Петербурге вышло полное собрание романов Жаколио в восемнадцать книг — целая библиотека приключений. В его книгах рассказывалось о благородных, смелых и бесстрашных людях, о путешественниках и исследователях, о борцах против социального гнета и работорговли. Для читателей тех лет имя Жаколио стояло в одном ряду с именами Жюль Верна и Майн Рида. В двадцатые годы у нас были переизданы книги Жаколио, но сегодня их не найти даже на полках крупнейших библиотек страны. Длительное время его книги не переиздавались. Сегодня имя Луи Жаколио практически забыто. Однако нет сомнения, что лучшим книгам писателя — а их у него немало — суждена долгая жизнь и они снова вернутся к тому, для кого и были написаны: к детскому и юношескому читателю.

О жизни самого Жаколио нам известно немного. Мы знаем, что писатель родился в 1837 году во Франции. Умер в 1890-м, там же. Но что стоит между этими двумя датами? Очень большая, насыщенная путешествиями, исследованиями и литературой, трудная жизнь. Жизнь в Индии и Океании. Путешествия по Африке, Азии, Америке. Жаколио занимал судебные должности во французских колониях. С огромным интересом изучал культуру, историю и языки народов мира. Оставил интереснейшие исследования по сравнительному изучению культуры За-

пада и Востока. Работал над большим трудом по естественной и общественной истории человечества.

Он не только просто путешествовал, не только жадно изучал флору и фауну экзотических уголков земли, этнографию и культуру больших и малых народов Африки, Азии, Океании. Луи Жаколио был человеком пытливого ума, благородным, смелым, непримиримым ко всяческому гнету и несправедливости. Это был один из тех европейцев, кто, подобно Ливингстону, человечно, уважительно, гуманно относился к культуре и истории народов других цветов кожи. В книгах Жаколио постоянно и очень органично пересекается энтузиазм путешественника и исследователя того золотого века натуралистов и географов, этнографов и археологов, когда еще многое было открыто буквально впервые, и гнев демократа и гуманиста, который становится современником и свидетелем разгула колониального грабежа и насилия со стороны европейских держав вкупе со всеми ужасами на словах осуждаемой, а на деле поощряемой работорговли.

Литературное наследие Луи Жаколио обширно и многообразно. Помимо культурно-исторических исследований и путевых очерков он писал романы и вошел в историю мировой литературы главным образом как классик приключенческого жанра. К лучшим его книгам принадлежат: «В трущобах Индии» — о борьбе индийцев против британского владычества, «Затерянные в океане», действие которой происходит в Китае и Голландской Индии, и африканская трилогия «Берег черного дерева», «Берег слоновой кости», «Песчаный город», в которой изображается Африка накануне колониального раздела. Из числа других наиболее известных книг Луи Жаколио можно назвать «Пожиратели огня», «Грабители морей». Разумеется, во всем многообразии написанного им творчество Луи Жаколио — особенно на взгляд современного читателя — и не равноценно, и не бесспорно. Что-то, возможно, да и наверное, устарело.

Перед вами книга, состоящая из сокращенного перевода двух романов Луи Жаколио из его африканской трилогии: «Берег черного дерева» и «Берег слоновой кости». В ней как раз мы и видим, как Жаколио сумел до тонкостей, исключительно подробно изучить и раскрыть тот сложный комплекс всепроникающей деятельности рыцарей наживы из Европы, их взаимоотношения с противоречивым и разнородным миром африканской действительности, который и предопределил колониальную трагедию Африки.

В какой степени книга отвечает тогдашнему и сегодняшнему научному представлению об африканской истории и культуре? Какова реальная география приключений героев Жаколио? Разумеется, книга Жаколио по многим частным и общим оценкам африканской истории, этнографии и культуры принадлежит своему времени, когда исследование континента только начиналось. Не было еще ни достоверных карт, ни установившейся топонимики, не была изучена этнография. Недостаток достоверных сведений об Африке иной раз восполнялся различными слухами, иногда уж и совсем фантастическими. Разумеется, сегодня ни в коей мере не следует представлять себе этнографию Африки по Жаколио, как, впрочем, и этнографию Америки по письмам Америго Веспуччи.

Однако неточности и вымысел автора в географии и этнографии, вызванные пробелами тогдашней африканистики, вовсе не перечеркивают достоинства хорошей, умной и интересной книги: все-таки удач и находок у автора было значительно больше. Это очень важно отметить при итоговой оценке, а она, несомненно, может и должна быть положительной. Перед нами действительно классика приключений.

Во-первых, мастерски выстроенный напряженный приключенческий сюжет, удачно сочетаемый с занимательными экскурсами из истории, географии и ботаники. Живые и психологически убедительные образы героев

Барте и Гиллуа, развитие конфликта добра и зла с трудным, но закономерным торжеством добра. Во-вторых, очень рельефные и запоминающиеся картины природы, объемные, полные живых красок, создающие впечатляющий образ Африки. Наконец, несомненное чувство юмора в описании трудного и опасного путешествия героев, никогда не теряющих присутствия духа, общая нравственная атмосфера среди путешественников. Все это, безусловно, позволяет включить книгу Жаколио в один ряд с книгами Жюль Верна и Майн Рида, в частности с «Пятнадцатилетним капитаном» и романом «Пять недель на воздушном шаре» и африканской трилогией Майн Рида.

С Жюлем Верном Жаколио роднит прежде всего огромный интерес к исследованию неведомых глубин Африканского континента. В XIX веке именно там были сделаны крупнейшие географические открытия. Причем все эти экспедиции были сопряжены с немалым риском, опасностями, тем более что внутренние области Африки оставались почти неизученными. И вот именно в этих-то областях Африки путешествуют герои книги.

Кто не помнит романов Жюль Верна и Майн Рида? Почти каждый из них сопровождается географической картой. Если условно вычертить эту карту для героев Жаколио, то их путь будет лежать от реки Рио-дас-Мортес (река Корока в Анголе), затем мыс Негро (совпадает с мысом Понто Албина), через реки Кунене и Кванза, по местности Серра-де-Шелла (маршрут каравана Гобби) и в бассейне реки Конго, откуда путешественники добираются до Габона, проходя через земли жителей Нижнего Заира и Габона.

Конечно, книга Жаколио — это роман, а не географический справочник по Африке, так что такая карта включает и вымышленную топонимику. Но пафос географических открытий и исследований сопровождает героев не просто как фон, но и как цель их путешествия.

Автор касается таких острых тем, как работорговля, присутствие европейцев в Африке, связь крупнейших европейских держав и Америки с реальной африканской действительностью. Несколько слов необходимо сказать и об отношении Жаколио к колониализму. Работорговля, ставшая настоящим бичом Африки в XIX веке, опустошала целые регионы огромного континента (с ней связан и сам термин «черное дерево» — обычай работорговцев брать дань с племен рабами). В этих условиях у части европейцев (среди них был и Жаколио) возникли иллюзии, что покончить с работорговлей, а заодно и служить распространению достижений европейской цивилизации среди африканцев сможет колониальная политика европейских держав. К чему эта политика приведет, об этом Жаколио, понятно, еще не знал, но иллюзии у него были.

Луи Жаколио имел уникальный личный опыт пребывания во французских колониях Азии, Океании, Африки, глубоко знал изнутри социальную среду, ее характеры и типы. Это не могло не сказаться на творчестве писателя. Книга насыщена историческими реалиями того времени, построена на живом материале, хорошо знакомом автору, хотя, конечно, образы африканцев даны на уровне представлений своего времени. Типы европейцев в Африке Жаколио знает и изображает превосходно. Например, образ капитана работоргового корабля Ноэля очень ярок, хотя и вымыслен. Этот капитан Ноэль не так прост, как Гаррис и Негоро из «Пятнадцатилетнего капитана». Чтобы обосновать право на работорговлю, он цитирует Шопенгауэра. Сам он — из южных штатов США, хотя и француз по имени, уходит от правосудия, так как у него огромные деловые связи в Европе и в Америке.

Далее. Галерея колониальных чиновников Французской империи. Автор характеризует их как сброд, словно специально направляемый в колонии, чтобы на колониальной службе они лично обогащались. Этот аспект — огромная удача Жаколио как художника.

Еще один пласт: связи деловых кругов Старого и Нового Света при колонизации и работорговле. История торгового дома Ронтонаков — это картина первоначального накопления капитала, написанная острым пером политического публициста. Очень зримо, ясно, детально и достоверно даны невидимые звенья цепи: «капитал — работорговля — пиратство».

Наивно думать, что сегодня работорговли уже нет. Этот кровавый бизнес и сегодня имеет место в Африке. Так что книга Жаколио — это отнюдь не экспонат из музея старой беллетристики. Это книга очень актуальная и в оценке работорговли, и в оценке европейского социального порядка в целом, и в оценке, например, религий. Полны горечи и гнева страницы, посвященные кровавым следам грабителей-работорговцев в Африке.

Нет, рано еще сдавать Жаколио в архив!

Прекрасно дано в книге и то ощущение взаимосвязи всего живого на Земле — от почвы и атмосферы до флоры и фауны, до человека, высшего создания природы. Ощущение того, как прекрасна и уникальна наша Земля, как замечательны и величественны картины ее природы, какое счастье быть путешественником и исследователем на этой удивительной Земле, — это ощущение отлично передано в книге.

Когда Жаколио размышляет о взаимосвязи человека и климата, о всеобщей географии и ботанической географии, это и интересно, и увлекательно, и умно, и актуально сегодня. Он не забывает упомянуть о законе у африканцев — не убивать животных больше, чем это нужно для пищи. Кстати, именно европейцы спровоцировали массовую гибель африканских слонов, сделав слоновую кость предметом обмена.

Интересны историко-географические и экологические страницы романа Жаколио: сейчас, когда животный мир Африки (вернее, то, что от него уцелело вопреки хозяйничанью колонизаторов) находится под угрозой исчезно-

вения, книга Жаколио звучит более чем актуально. Еще бы! Даже книга такая вышла на Западе — о состоянии дикой природы в Африке: «Конец охоты».

Интересны по-своему и образы африканцев в романе Жаколио. В том числе и образы сатирические, отрицательные. Это прежде всего король Гобби, жестокий, кровавый, хитрый деспот, верный поставщик рабов для белых работорговцев. Король Гобби — это вообще гениальная карикатура на деспотическую монархию. То, что он щеголяет в каске французских пожарных и в костюмах швейцаров, надевая изредка на себя и белый цилиндр, хотя и босиком, лишь подчеркивает в глазах автора анахронизм монархической власти в середине XIX столетия.

Совсем по-другому, с симпатией, рисует автор 'обыкновенных жителей страны, хотя жизнь африканских народов показана примитивнее, чем она была в действительности.

Эта колоссальная привлекательность Африки — ее прекрасной природы, ее во многом таинственных и неизвестных, опасных и трудных дорог, перевалов, лесов, водопадов, рек, озер, — этот «африканский магнит» очень хорошо прочувствован и передан автором.

Вот почему в финале книги два смелых, бесстрашных, честных и благородных молодых француза — Барте и Гиллуа — снова, после всех страшных приключений и опасностей, мечтают об Африке.

И вместе с автором книги о новых встречах с таинственным Черным континентом мечтаем и мы, ее благодарные читатели.

Но значение книги Жаколио шире какой-то одной темы. Оно в том, что эта книга учит бороться и мечтать, находить и не сдаваться. Эта книга для тех, кто мечтает о судьбе путешественника и исследователя, для тех, кто и сегодня мечтает стать первопроходцем. Эта книга для тех, кто мечтает о встречах с Африкой, до сих пор еще не открытой, где хватит неведомого на долю всех путеше

ственников — настоящего и будущего. Тот, кто прочитает книгу Жаколио, наверняка откроет и книги о других европейских путешественниках по Африке. А сколько среди них было замечательных русских исследователей!

А сколько поучительного в житейской сметке, практической любознательности и неутомимой жажде исследования юных героев, с которыми предстоит познакомиться читателю...

Мы начали наш разговор о Жаколио с фразы о том, что им зачитывались мальчишки в конце XIX века. Но ведь из этих мальчишек вышли те, кто закрывал последние (впрочем, нет: великие, а не последние — последних никогда не будет!) «белые пятна» на карте мира, штурмовал Северный и Южный полюс, шел к Джомолунгме, обживал куда как не гостеприимную Арктику, осваивал громадные пространства Земли. Но разве мальчишкам конца XX века Жаколио нужен меньше? Еще как нужен! Ведь все дороги, во всяком случае — многие, ведут современного исследователя именно в Африку — археолога, этнографа, антрополога, геолога, историка и врача, художника и композитора, эколога и писателя.

В школе часто география кажется скучным предметом, второстепенным. Книги Жаколио возвращают нам сегодня великое предназначение географии — быть суммой знаний, умений и, если угодно, призванием, вдохновением человека-путешественника, человека-исследователя, быть наукой для всех. Книги Жаколио передают мальчишкам XX века горячую мысль и биение сердца тех, кто открывал нашу Землю, кто открывает ее и сегодня вместе с нами.

А. Зубарев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ПЕВОЛЬПИЧЬЕ СУДНО

1. Шхуна «Оса»

25 июня 185* года шхуна «Оса», принимавшая в Руайане груз для Габона, Конго, Лоанго, Анголы и Бенгелы, получила от своих отправителей в Бордо, братьев Ронтонаков, приказание отплыть в море.

Трехмесячная стоянка на рейде этого судна давала пищу для разговоров рыбакам, которые занимались ловлей сардинок и часто посещали небольшой порт Жиронды. Они находили, что корпус шхуны слишком поднят, водорез чересчур тонок, мачты с их принадлежностями слишком высоки и чересчур уж кокетливо наклонены к корме для простого торгового конвоира, а борт, хотя и без малейшего намека на люки, высок, как на военном судне. Два румпеля — один впереди мачты, другой на задней части кормы под гиком грота — ясно обозначали, что при строении шхуны арматоры имели в виду, чтобы она в любую погоду могла смело идти на все опасности морских переходов. В ней было около

шестисот тонн, что необычайно для простой шхуны; над ней развевался усеянный звездами флаг Америки.

Одно обстоятельство еще более усиливало недоумение моряков, собиравшихся по вечерам в кабачках на морском берегу: за всю долгую стоянку шхуны ни один человек из ее экипажа не сходил на берег. Каждое утро капитан садился на один из пароходов, ходивших по реке, ехал в Бордо и каждый вечер тем же путем возвращался на свое судно. Каждый день можно было видеть, как помощник капитана молча расхаживает на корме, между тем как вахтенные под надзором боцмана убирают судно, чинят паруса или покрывают палубу тройным слоем смолы.

Любопытные пытались разговориться с негром, корабельным поваром, который аккуратно каждый день отправлялся за провизией в деревню, но им скоро пришлось отказаться от своих попыток, потому что повар ни слова не понимал по-французски — по крайней мере, никогда не отвечал, когда с ним заговаривали на французском языке, что, впрочем, нимало не мешало ему в торговых сношениях, так как он отлично объяснялся с торговцами с помощью международного языка, заключавшегося в трех словах: франк, доллар и шиллинг. Закончив свои покупки, он знаками приказывал перенести все в шлюпку, окрещенную моряками оригинальным прозвищем — «Канустная почта», и, управляя искусно задним веслом, приближался к борту шхуны, а минуту спустя бывал уже поднят на судно со всей своей провизией. А чего бы не рассказали добродушные руайанские рыбаки, если бы знали, что таинственное судно, значившееся по формальным документам американским, было заполнено разноплеменным экипажем и находилось под командой американца французского происхождения капитана Ле Ноэля!

После самых странных предположений общественное любопытство успокоилось из-за отсутствия фактов. Однако все пришли к единодушному выводу, что это загадочное судно со своими изящными формами, продолговатым и узким корпусом, высокими, как на корвете, мачтами, роскошными парусами должно быть первоклассным ходяком и что все эти достоинства очень редко встречаются на скромных береговых судах, предназначенных для меновой торговли по берегам Сенегамбии и Конго.

Однажды к шхуне подвели на буксире шесть плашкоутов, которые были размещены вдоль борта, и привезенные

грузы стали немедленно выгружать на шхуну; все это были обыкновенные товары для торговли с африканскими берегами: ром, куски гвинейской кисеи, медный и железный хлам — старые сабли, литихские ружья по шести франков за штуку, а также кожи, стеклянные изделия, ящики с сардинками, одежды, обшитые галуном, для вождей, трубки глиняные и деревянные, удочки, сети и прочее. Мало-помалу «Оса» погрузилась до грузовой ватерлинии и после разгрузки последнего плашкоута могла оставить порт по первому сигналу.

Утром, накануне того дня, когда шхуна должна была сняться с якоря, капитан Ле Ноэль, сойдя с парохода на Балканскую набережную, направился, по обыкновению, прямо в магазины своих арматоров. Лишь только он переступил порог, Ронтонак-старший молча махнул ему рукой, чтобы он следовал за ним в кабинет.

Дверь тихо затворилась за ними, и негоциант сказал моряку без всякого предисловия:

— Капитан, мы должны высадить четырех пассажиров в Габоне.

— Четырех пассажиров, господин Ронтонак? — повторил капитан, совсем ошеломленный. — Но вам известно...

— Тише! — сказал арматор, приложив палец к губам. — Не было никакой возможности устранить эту помеху; я получил требование от главного комиссара адмиралтейства; малейшее колебание подало бы повод к бесчисленным подозрениям, которые возбуждаются против нас недоброжелателями; они ожидают только случая, чтобы предать их огласке.

— Никто не знает, что «Оса» принадлежит вам, потому что в портовых книгах записан я как хозяин и капитан; судно построено в Новом Орлеане, где я родился у французов, натурализовавшихся в Америке; я плаваю по морям под флагом, усеянным звездами; для целого мира вы только мой товаротправитель. Отсюда следует, что никто не имеет права навязывать нам пассажиров и что вы поступили очень неблагоприятно: это может вам стоить пятьсот или шестьсот тысяч франков, а меня со всею командою отправят на реи английского фрегата!

— Говорят вам, я никак не мог отвратить эту беду. Известно ли вам, что мы обязались перевозить почту и транспорты между Бордо и французскими колониями Тихого океана?

— Не понимаю, какое отношение существует между этим и...

— Дайте же мне кончить. Морское министерство по заключенному между нами контракту предоставило себе право за условленную плату требовать отправления своих пассажиров, колониальных солдат и чиновников на всех судах, отправляемых нами во все страны мира, в числе двух человек на сто тонн груза. «Оса» — в шестьсот тонн, и правительство имело право заставить нас взять двенадцать пассажиров вместо четырех.

— Но, господин Ронтонак, вам следовало бы отговориться вашим мнимым званием простого отправителя товаров.

— Я так и сказал, что судно не мне принадлежит, но что я постараюсь заручиться вашим согласием.

— Что за загадки? Признаюсь, я не понимаю.

— Послушайте, капитан, вы так сметливы, что должны понимать на полуслове. Через каждые два года «Оса» приходит в Руайан за грузом всегда по одному и тому же назначению, и вот в наших краях уже носятся слухи, что в продолжение столь долгого отсутствия никогда никто не встречал ее на берегах Конго и Анголы; на этот раз клевета обозначилась еще резче...

— О! Вы могли бы сказать просто: злословие! — перебил его Ле Ноэль, улыбаясь. — Мы свои люди.

— Ну вот вы и поняли, — подхватил Ронтонак, — нускай будет так: злословие... Я хотел разом ответить на него, согласившись принять этих пассажиров. Вчера, выставив на бирже объявление о времени отплытия шхуны, я мог уже лично убедиться, что эта мера произвела превосходное действие.

— Может быть, вы правы, однако мы подвергаемся большой опасности.

— Все уладится, если принять некоторые предосторожности. Кто мешает вам высадить этих почтенных господ в Габоне и потом уже продолжать путь?..

— Мне придется бороться со страшными опасностями, которых вы, кажется, не в состоянии и предвидеть; если внешность моего судна успела возбудить здесь некоторые подозрения, то в море дело принимает совсем другой оборот. Когда шхуна идет под ветром, вся оснащенная парусами, со средней скоростью двенадцать узлов, глаз моряка не ошибется и тотчас поймет, что это не какое-нибудь дрянное суденышко на веслах, перевозящее арахис, буйволовы рога

и пальмовое масло. Следовательно, весьма опасно приближаться к берегам, находящимся под надзором европейских крейсеров, в особенности с тех пор, как морские державы предоставили себе право осматривать чужие суда. Из этого вы можете понять так же хорошо, как и я, какой опасности мы подвергаемся. Нельзя иметь в трюме двенадцать нарезных орудий, ружья, аптеку со снадобьями на четыреста человек и целый склад цепей, которые совсем не похожи на те, которые изготовляют для быков. А эта винтовая машина, искусно скрытая в трюме, а эти железные кольца, привинченные на равных расстояниях под кубриком!.. Неужели вы думаете, что самый глупый морской офицер мог бы обмануться в их назначении?

— Не можете ли вы снять их временно?

— К чему это послужит? И без них остается еще двадцать тысяч причин, чтобы повесить меня со всею моею командою! Первое, что потребует от нас военный крейсер,— это страховой полис, потому что все хорошо знают, что подозрительные суда не могут подвергать себя этой формальности, а когда мы ответим, что судно не застраховано, немедленно начнется обыск сверху донизу. Вам известно, какие ужасные преследования я выдержал; мы указаны с подробными приметами всем флотам, хотя ничего еще не известно об имени и национальности судна... Поверьте мне, господин Ронтонак, вы сделали огромную ошибку! А мы надеялись на такое приятное плавание! Король Гобби обещал нам сто штук черного дерева¹, а вам хорошо известно, что в Бразилии дадут в настоящее время около трех тысяч франков за штуку.

— Увы! — вздохнул Ронтонак. — Даже при том предположении, что какой-нибудь десяток из них испортится на море, все же это принесло бы нам около миллиона барыша!

— А я-то рассчитывал уже бросить это ремесло, чтобы зажить, наконец, честной жизнью в ранчо, которое устроил себе на берегах Миссисипи.

— И действительно, это должно быть вашим последним путешествием — в настоящее время так трудно вести это дело.

— Однако дело уже сделано, и так как нет средства отступить, то надо придумать средство вынутаться из этой бе-

¹ Черное дерево — общепринятый в то время эвфемизм, заменяющий понятие «черпокожий раб».

ды так, чтобы вы не потеряли вашего корабля и товара, а я не расстался бы со своею шкурой.

— Что же остается делать?

— У меня созрел план... Ведь вам только нужно, чтобы пассажиры были доставлены на место, но все равно когда и как?

— Конечно, только с одним условием...

— Чтобы они остались в целости и сохранности?..

— Именно так.

— Я ручаюсь за них!

— И за плавание тоже?

— И за плавание тоже, со всеми его выгодами; но после этой операции нам следует расстаться. Это решено?

— Решено! И когда «Оса» вернется на рейд Руайана, я пошлю ее за треской к Ньюфаундленду.

— Поверьте моему опыту и позвольте продать ее в Бразилии: это будет безопаснее.

— Пожалуй, действительно лучше ей не возвращаться сюда.

— Господин Ронтонак, если вам нечего более сообщить мне, то позвольте мне иметь честь проститься с вами.

— Все ли документы вам выданы?

— Брат ваш уже позаботился об этом.

— Так теперь у вас все в порядке?

— Совершенно!

— В каком часу пассажиры должны явиться?

— Сегодня же до полуночи, потому что я намерен отплыть завтра на рассвете.

— Кстати, когда вы продадите груз черного дерева, то капитал, по обыкновению, положите в банк Сузы де-Рио, за исключением вашей доли и доли команды, и вышлите мне переводной вексель.

— Все будет сделано по-прежнему.

— Ну, желаю вам благополучного плавания и успеха в делах!

Капитан Ле Ноэль немедленно вышел на набережную, намереваясь отправиться прямо на шхуну. Кусая кончик погасшей сигары, он проворчал сквозь зубы:

— Вот пассажиры, которым предстоит приятное нутешствие!

На другой день рано утром, едва взошла заря, легкокрылая «Оса» неслась на всех парусах, оставив далеко за собой воды Гасконского залива.

2. Братья Ронтонаки и К°

Купцы и судовладельцы Ронтонаки проживали из рода в род на Балканской набережной. Администрация фирмы изменялась с каждым поколением: был старший Ронтонак, были Ронтонак и племянники, была даже фирма «Вдова Ронтонак и сын», но никогда этот дом не уходил от семейства Ронтонаков: потомки и родственники жили вместе, как бы в общине, предоставляя ведение дела и права первенства искуснейшему из своей среды. Сыновьям, братьям, племянникам и кузенам — всем было место в многочисленных конторах набережной; а все служащие и капитаны были тоже Ронтонаки по рождению или по брачным союзам.

Когда Ронтонак-старший, со своим величавым лицом, обрамленным длинными белыми волосами, сидел во главе вечернего стола, шестьдесят человек садилось вокруг него. Остальные разъезжали по морям или управляли конторами во всех странах света — повсюду, где можно было продавать и менять.

Конторы Ронтонака на Замбези охранялись отрядом в две сотни негров, которые были перевезены из Конго на восточный берег.

Торговая флотилия Ронтонака состояла из транспортов, быстрых клиперов, бригов, шхун и речных шлюпок для перевозки товаров — всего более шестидесяти судов. Его актив по последней описи был выше восьмидесяти миллионов, его пассив — ничтожен: дому Ронтонаков все должны, но дом Ронтонаков никому не должен. Эта патриархальная семья жила, подобно людям древних времен, под властью одного вождя, который поддерживал всех связанных с ним узами крови, но не протянул бы пальца по другую сторону своей конторы, чтобы спасти утопающего. Семейство Ронтонаков процветало в животном эгоизме: никогда никому не оказывая услуги и ни от кого ее не требуя. С неизменной точностью исполнялись все данные обязательства, но зато своим должникам Ронтонаки не давали ни отсрочки, ни поблажек. Горе тому, кто должен дому Ронтонаков!

Своим безмерным богатством семейство Ронтонаков было обязано торговле неграми.

Основатель дома Ронтонаков в 1640 году совершил путешествие к гвинейским берегам, и двести несчастных негров, выгодно проданных им на рынке Антильских остро-

вов, послужили фундаментом коммерческого благосостояния дома.

Когда Пенсильвания в 1780 году торжественно запретила торговлю неграми, дом на Балканской набережной достиг уже высшей точки своего благосостояния; вея Африка была покрыта его конторами, и ежегодно им вывозилось от пятнадцати до двадцати тысяч негров во все страны мира.

Однако Ронтонаки — люди весьма осторожные — были озабочены возникающим движением против работорговли и стали мало-помалу видоизменять свои операции. Не прекращая торговли людьми — напротив, продолжая ее с еще большим ожесточением, — они вместе с тем стали посылать свои суда для торговли в Индию, Китай и Японию.

После разнообразных мер, принятых для уничтожения торговли людьми, Франция и Англия решились соединить свои силы для борьбы с этим промыслом. Право взаимного освидетельствования вошло в силу в 1830 году и дало повод ко многим злоупотреблениям.

Начиная с этого времени, Ронтонаки, казалось, совершенно бросили торговлю людьми и всю свою деятельность перенесли на коммерческую эксплуатацию Дальнего Востока и островов Тихого океана, где и завели многочисленные фактории. Некоторые суда, еще отправляемые Ронтонаками на африканские берега, производили открытую торговлю только променным товаром. Подозревая эти суда и в торговле рабами, крейсеры останавливали их на дороге, производили самый тщательный обыск, перерывали все до основания, но никогда не находили ничего, что могло бы оправдать подозрение.

Постоянное преуспеяние старинного дома, его обширное поле деятельности, торговля сахаром, кофе, тропическим деревом, орехами, каучуком, буйволовыми рогами, кожами, перламутром, рисом и кокосовым маслом доказывали, что Ронтонаки могли бы без убытка отказаться от опасной торговли черным деревом. На деле же оказывалось иное.

В тайном совете, в котором принимали участие важнейшие члены семейства, отец торжественно заявил, что Ронтонаки положили основание своему благосостоянию посредством работорговли и что долг чести и выгоды заставляет их не покидать этого дела до тех пор, пока под небом останется хоть один уголок земли, способный дать убежище рабству. Было решено, что один из Ронтонаков отправится в какой-либо из невольничьих штатов Америки, выберет несколько

капитанов, отличающихся умом, энергией, искусством и отвагой, и поручит каждому из них по судну, предусмотрительно записанному в роспись на имя капитана. Таким образом, торговля людьми будет продолжаться без всякой опасности для бордоского дома, который внешне ограничится ролью простых товароотправителей.

Цезарь Ронтонак на основании этих предписаний основал контору в Новом Орлеане, якобы для закупки всего хлопка, выращиваемого в Луизиане.

Он постепенно вооружил и отправил до шести быстрых шхун, которые были приспособлены для перевозки от трехсот до четырехсот негров. Каждое из этих судов было снабжено двигателем в двести лошадиных сил, искусно скрытым в трюме, и могло, презирая опасность, ускользнуть от лучших крейсеров.

Такая машина, тогда еще не известная европейским флотам, была изобретена одним из искуснейших инженеров в Бостоне по заказу Цезаря Ронтонака:

— Сделайте мне пароход, но без боковых колес, так, чтобы по виду своему он ничем не отличался от простого парусного судна.

Янки принялся за дело и разрешил задачу тем, что скрыл под корпусом судна единственное колесо с твердыми стальными лопатками. Это не был еще винт в настоящем его виде, но первый шаг к нему.

Капитаны этого странного флота никогда не видали друг друга и никогда не должны были встречаться. Каждое снаряженное судно уходило из Нового Орлеана немедленно, с тем чтобы никогда уже туда не возвращаться; нагружалось оно в Руайане и отправлялось в путь, конец которого был известен только капитану.

Первое плавание погашало расходы по покупке судна и вооружения; барыши трех следующих путешествий делились следующим образом: одна треть отдавалась капитану со всею его командой, две трети представлялись арматорам. Экипаж обязывался сделать четыре кампании; по окончании последней капитан возвращал свободу своей команде и продавал судно на берегах Чили или Мексики, в первом же удобном порту.

Все в этих смелых предприятиях было удивительно предусмотрено: команда была убеждена, что имеет дело с капитанами-собственниками, а капитаны не имели ни ма-

лейшего клочка бумаги, по которому можно было бы в случае захвата крейсером уличить их.

Так обстояло дело Ронтонаков на море, а на суше множество агентов, поселившихся в Маюмбе, Лоанго, Луанде, Бенгеле и в устье Конго, скупали официальным путем слоновую кость, золотой песок, каучук, но под шумок вели торговые сношения со всеми королями и начальниками внутренних земель. За несколько месяцев до прихода судна они обозначали посредством шифрованной корреспонденции пустынное место на берегу, где надлежало произвести мену и принять груз. Этим объясняется, почему шхунам приходилось иной раз простаивать в Руайане по три-четыре месяца, прежде нежели они узнавали место своего назначения.

Капитан Ле Нозль был, может быть, искуснейшим из капитанов, находившихся в эту пору в распоряжении Ронтонаков, а шхуна «Оса» — лучшим ходоком их флота.

Она начинала свое четвертое плавание.

3. Пассажиры «Осы»

В корабельных книгах «Осы» записаны были четверо пассажиров от правительства в следующем порядке: Тука, помощник комиссара адмиралтейства; Жилиас, доктор второго разряда; Барте, подпоручик морской пехоты; Урбан Гиллуа, чиновник адмиралтейства.

Все четверо отправлялись в Габон.

Помощник комиссара и доктор родились в Тулоне почти в одно время; в продолжение всей своей жизни — а им обоим было по пятидесяти лет — они постоянно были соперниками, не переставая оставаться друзьями.

Будучи детьми, они бросали камешки в воду, стараясь перешеголять друг друга в кругах и рикошетах; в отрочестве они считали своим долгом подталкивать друг друга, чтобы вечно пребывать в арьергарде своего класса, так что остроумный инспектор, прочитывая еженедельные баллы, никогда не упускал случая добавить: «А последними — господа Тука и Жилиас пополам». Весело было слышать общий смех, возобновлявшийся каждую субботу в Тулонском училище.

Восемнадцати лет оба покинули школьные скамьи, чтобы не вернуться на экзамены, венчающие курс учения: инспектор дал понять их родителям, что совершенно бесполезно посылать двух тупиц за дипломом бакалавра.

Как бы там ни было, надо было приняться за какое-нибудь дело. Оба поступили на службу: один помощником письмоводителя в канцелярию морского министерства, другой — помощником аптекаря в госпиталь Сен-Мандрие.

Через десять лет они оба все еще были на тех же местах. Тука не мог выдержать самый пустой экзамен, который требовался от сверхштатного служащего, для того чтобы сделаться чиновником с окладом.

Что касается Жилиаса, то прямой начальник однажды позвал его в кабинет и сказал: «Любезный друг, мне кажется, что вы не имеете никакой склонности к фармакологии и что ваши блистательные способности гораздо более клонятся к медицине и хирургии».

Тогда наш приятель перешел с одной службы на другую со званием студента медицинского морского училища, но не прошло и двух недель, как профессора стали убеждать его, что, напротив, он обладает всем необходимым, чтобы сделаться превосходным аптекарем.

В морской службе бывает пора, при наступлении которой периодически выползают жалкие пресмыкающиеся из тины гаваней и неисследованных глубин административных трущоб; это та пора, когда следует отправление в колонии. Сколько хитростей употребляют служащие, к каким прибегают интригам и протекциям, чтоб избежать назначения туда. Тут-то представляется случай выдвипуться всем недоучкам: они являются на экзамен, заведомо благоприятный им, и после этого отправляются к месту назначения с почетным званием от правительства. Вот каким образом Тука и Жилиас выкарабкались, наконец, из чина вечных искателей места.

В один прекрасный день потребовались помощник морского комиссара и врач третьей степени в Бакель, находящийся в верховьях Сенегала. Командир двадцати пяти человек, защищающих тамошнее управление, потребовал комиссара и врача под тем предлогом, что сам он путается в делах отчетности и что ящик с аптекарскими снадобьями не включает в себе руководства, какие лекарства употреблять в случаях болезни, а потому приходится прибегать к врачам из негров.

Тука и Жилиас условились насчет поездки вечером в кофейной Данеан и на другой день утром явились к начальству заявить о своей готовности к самопожертвованию.

Тука давно мог бы уехать из Тулона в колониальный комиссариат — это убежище бездарностей метрополии, но ему не хотелось разлучаться с Жилиасом, а так как медицина не имела, подобно администрации, колониального отделения, чтобы спроваживать туда своих недоучек, то ему пришлось подождать более благоприятного случая, который доставил бы возможность бывшему аптекарскому помощнику вступить на поприще хирургии через заднюю дверь.

Их прошения были охотно приняты. Экзамены объявлены, и два друга предстали пред судьями их знаний с полной на этот раз уверенностью, что дело в шляпе. Это событие долго оставалось в памяти Тулона. Все, кто участвовал в управлении порта, собрались на эти экзамены. Тука, надменный и высокомерный, проявил здесь полное презрение к математике и административным уставам. О Жилиасе и говорить нечего: всех ошеломило, когда он стал излагать свои теории насчет применения слабительных и кровопускания. В последнюю минуту господа экзаменаторы пришли в некоторое недоумение: на что же, наконец, решиться? Но ввиду торжественного обещания, заранее данного Тука и Жилиасу, пришлось увенчать их желания, и вечные искатели штатного места выкарабкались, наконец, на свет: один — с патентом корабельного комиссара колонии и серебряным галуном на рукаве; другой — с золотым галуном и дипломом лекаря третьего разряда.

Две недели спустя оба уехали в Сенегал на транспорте. В течение восьми лет они наслаждались прелестями колониальной жизни. Многочисленные досуги они употребляли на то, чтобы менять бутылки тафии на слоновую кость и золотой песок, и, таким образом, положить основание своему благосостоянию.

Члены царствующих фамилий и их сродники, жители Каджааги, Кассона, Фута-Торо, Уало, отправляясь в Подор-Дагапу и Сен-Луи, по дороге через Бакель, очень хорошо знали, что в большом доме белых всегда можно угоститься стаканом тафии, и в благодарность за внимание усвоили привычку оставлять за то своим белым друзьям щепотку золотого песку, обломок слоновой кости или хороший буйволовый рог.

Орест Тука и Пилад Жилиас все это прикапливали и в конце года отправляли в Европу четыре-пять пребольших

ящиков, а там некий их общий приятель променивал все присылаемое на новенькие, звонкие денежки.

Когда решено было, наконец, дать им высшее назначение, оба с сожалением покинули эту стоянку.

Тука был назначен помощником комиссара адмиралтейства, а Жилиас возведен в звание медика второй степени. По обоюдному их желанию они не были разлучены и отправились вместе на остров Майотту, близ Мадагаскара.

Тут оба друга, следуя своим привычкам, стали собирать коллекции всякого рода плетеночек и туземных шелковых изделий, а также приняли участие в частных предприятиях по доставке скота в Бурбон. После этого они не могли уже жаловаться на перемепу места жительства.

В Сен-Пьере и Микелоне они довершили свое благосостояние, занявшись торговлею треской.

Наконец, когда приближалось уже время отставки и пенсии, их служебная деятельность была увенчана новым назначением: Тука был назначен помощником комиссара и интендантом в Габон, а Жилиас — главным начальником медицинских и аптекарских чиновников в то же место.

В таком важном сане отправились они на шхуне «Оса» к месту своего назначения.

Знакомство с двумя остальными пассажирами не требует продолжительных объяснений.

Подпоручик Барте был юноша с многообещающей будущностью; только что выпущенный из Сен-Сирского училища, он, к удивлению товарищей, вздумал поступить в морскую пехоту — немножко из желания путешествовать по белому свету и больше из честолюбия, потому что повышение в чинах нигде не совершается так быстро, как в этом корпусе.

Что касается Урбана Гиллуа, то скажи ему кто-нибудь три месяца тому назад, что он отправится к берегам Африки, он бы очень удивился. Окончив школу с дипломом бакалавра, он поступил в педагогический институт, когда преждевременная смерть отца выбросила его, одинокого и без всяких средств к жизни, на парижскую мостовую. Одаренный мужественным характером, он не поколебался бросить все мечты о блистательной будущности... В это время происходили экзамены в морском министерстве для набора чиновников в колониальный комиссариат. Он явился на экзамены,

выдержал первым и был назначен в Габон помощником Тука.

Вот история четырех действующих лиц, за которыми мы последуем на шхуну «Оса» и на берег Конго.

4. В открытом море... — Главный штаб «Осы»

Снявшись с якоря и распустив паруса, «Оса» быстро огибала берега Испании, подгоняемая сильнейшим ветром с северо-востока, от которого гнулись ее изящные мачты. Люди, свободные от дежурства, предавались разнообразным развлечениям. Кабо, главный кормчий, старый моряк, знавший наизусть морские проходы целого мира и служивший лоцманом на «Осе», стоял, облокотившись на бушприт, и тихо разговаривал с Гилари, боцманом «Осы». Тот, кому удалось бы уловить несколько слов из их разговора, понял бы, что необъяснимое присутствие четырех пассажиров возбуждало в них сильные опасения.

— Вы поставили недостаточно парусов, Девис! — вдруг сказал капитан Ле Нозль, выходя из своей каюты и обращаясь к своему младшему помощнику, расхаживавшему по палубе. — Прикажите бросить лот, и вы сами увидите, что мы не делаем двенадцати узлов, тогда как при таком ветре «Оса» должна их делать.

— Слушаю, капитан! — отвечал помощник и приказал укрепить еще один парус на передней мачте.

— Думаете ли вы, что этого будет достаточно, Девис?

Молодой человек поклонился.

По первому свистку Гилари все матросы были по местам; эти действия совершались с такою же математической точностью, как и на военных судах.

— Прикажите поднять лисели, Девис, — продолжал капитан, — нам надо высадить в Габоне четырех зловещих птиц, которых нам вчера навязали, и потому мы должны заранее выиграть время, которое потеряем по их милости... Нам следует попасть в Рио-Гранде через сорок пять дней, проехав через Наталь.

— А не лучше ли, капитан, направиться прямо к Бразилии и сбить с рук этих господ, высадив их на Азорских островах или на острове Сан-Антонио? — Не успел произнести Девис эти слова, как уже пришел в крайнее смущение...

Капитан Ле Ноэль бросил на него один из тех взглядов, от которых иной раз дрожали самые бесстрашные моряки из его команды, и, резко подчеркивая каждое слово, сказал:

— Когда вы сегодня утром сменяли с вахты Верже, разве он забыл передать вам, какого направления следует держаться?

— Нет, капитан. Приказано держаться к мысу Ортегалу.

— И прекрасно! Следовательно, вы должны исполнить приказание и воздерживаться от всяких рассуждений!

Подойдя к своей каюте, командир «Осы» обернулся и сказал ласково:

— А главное, Девис, не бойтесь усиливать ход... И еще — когда снимут вас с вахты, придите потолковать со мною.

Нрав капитана поражал смесью крайней строгости и добродушия, и если его снисходительность вне служебных отношений доходила до слабости к тем, кого он любил, то строгость его доходила до жестокости по отношению к тем, кто имел несчастье ему не понравиться.

Он завел на своем судне железную дисциплину, которой обязаны были подчиняться его помощники, и не терпел ни малейших рассуждений относительно своих целей, ни малейшего замечания на отданное приказание. Во всем и всегда его подчиненные обязаны были его слушаться. Смотря по состоянию ветра и моря, имевших огромное влияние на его характер, он приглашал своих помощников обедать, был с ними любезен, даже общителен или же запирался на целые недели в своей каюте, принимая только по делам службы.

Девис был его любимцем; если бы Верже, первый помощник, или Голловей, второй помощник, позволили себе во время своей вахты замечание насчет перемены направления, командир немедленно дал бы им двадцать четыре часа домашнего ареста.

Как истый американец — от французского происхождения в нем осталась только быстрая сообразительность да некоторая щеголеватость в наружности и обращении, — Ле Ноэль говаривал: «Получить то, что желаешь, успеть в том, что предпринимаешь, — другой цели жизнь не имеет, а мне нет дела до средств, какими надо достигнуть цели. Путешественник, достигнув цели своего путешествия, всегда забывает, каков был его путь». По его мнению, право было только мерою силы и каждый имел право на то, что было в его силах

взять... Тем, кто выражал удивление, он отвечал просто: «Я только прилагаю к практике теории завоевателей. Когда две армии сходятся на поле битвы, чтобы отнять чужую область в пользу своего властелина, кровь побежденных упитывает поле битвы; тот, кто вступает в борьбу с обществом, тоже платится жизнью при поражении. Только в первом случае убитого прославляют героем, потому что он помогал своему хозяину захватить кусок земли у своего соседа, а во втором — павший считается злодеем, потому что действовал ради личных выгод. Одному воздвигают статую, другого бросают в яму!.. Но одни глупцы позволяют обманывать себя: и герой и злодей оба стремятся завладеть тем, что возбуждает их алчность».

Итак, Ле Ноэль обладал всеми необходимыми качествами, чтобы сделаться превосходным торговцем человеческим мясом.

В добрые мипуты он иногда вступал в прения с Верже, своим скипером, престранным человеком. Скипер изучал науки и философию, был поклонником Канта и занимался торговлею неграми только потому, что этот промысел доставлял ему от двадцати пяти до тридцати тысяч франков в год; с другой стороны, он, не колеблясь, сознавался, что тот день, когда их всех перевешают, будет днем правосудия.

— А вы не правы, Верже, — говаривал Ле Ноэль в минуты добродушной откровенности, — и совсем напрасно осуждаете нас так строго; ведь мы только осуществляем на практике немецкую философию.

— Как же это? — спросил однажды Верже, недоумевая.

— Прочтите-ка это! — отвечал капитан, указывая на книгу, открытую на его столе.

«В человеческом мире, как и в царстве животном, господствует только сила, а не право; право — это только мерило силы каждого...»

«Какое мне дело до права! Я не имею в нем пужды, если могу добыть силою то, что мне надо, и наслаждаться этим; чего же я не могу захватить силою, от того я отказываюсь и не стапу, в утешение себе, тщеславиться моим мнимым правом, правом, за давностью не теряемым...»

— А откуда эти цитаты? — спросил Верже.

— Из двух главных столпов философии современной Германии, Артура Шопенгауэра и Макса Штирнера... И за-

метьте также, Верже, ведь мы не похищаем силою наших негров, а покупаем их по всем правилам у их всемилостивых властелинов; так как божественное право господствует еще во всем могуществе на берегах Бенгелы, то никто не может оспаривать, что эти верховные властелины имеют неограниченную власть над жизнью и имуществом их подданных.

— Итак...

— Итак, английские и французские фрегаты не имеют ни малейшего права мешать чисто коммерческим сношениям.

— Да, но их право начнется с того же дня, когда они возымеют силу и искусство захватить нас.

— Господин Верже, надо всегда позаботиться о том, чтобы обеспечить свое право... лучшими снастями и лучшей машиной.

— Капитан, вы ошиблись в выборе призвания.

— То есть как это?

— Вы оказались бы превосходнейшим профессором философии и права сравнительного законодательства в Гейдельберге.

Подобной шуткой почти всегда оканчивались прения между этими людьми столь разного характера.

Верже был уроженец Нанта и получил диплом капитана океанских плаваний; ему надоело, наконец, получать жалкое жалованье от ста пятидесяти до двухсот франков в месяц за совершение самых трудных и опасных плаваний; вот почему он пришел в Новый Орлеан с письмом от Ронтонаков к капитану Ле Ноэлю, который тотчас же принял его на место своего помощника.

Трудно было отыскать другого, более искусного моряка, чем Верже, но что еще важнее — он так же хорошо знал машину, как и парус, и мог при случае заменить главного механика Голловея, который в то же время исполнял обязанности второго помощника. Насмешник и скептик от природы, Верже даже не старался скрывать свои пороки и страсти с помощью лицемерной метафизики, которая у немцев и англосаксов всегда под рукой. Он всегда говорил прямо: «Человек, торгующий неграми, — настоящий бездельник, от которого так и несет виселицей. Но, — продолжал он, как бы в свое оправдание, — если я не буду повешен до окончания четвертого плавания, то, кляпуть честью, откажусь от этого ремесла и сделаюсь виноделом в Жиронде. Это для меня будет тем

легче, что я припрячу полтораста тысяч франков, чтобы проложить себе дорогу к честности». Этот человек был, впрочем, только сбит с пути, в нем не совсем еще угасло чувство великодушия.

В корабельной книге Голловей был записан помощником капитана, но, снявшись с якоря, становился механиком. Родился он в Ливерпуле, и прошло уже двадцать лет с тех пор, как он начал плавать по всем морям; алчность к большим доходам заставила его бросить казенную службу и перейти под команду Ле Ноэля.

Как все англичане, Голловей обладал способностью принимать участие в делах расчета и в праздных вопросах так называемого чистого чувства. Предпринимая плавание для торговли неграми, он восторгался по дороге высокими собственными речами о человечности, которые составляют неизбежную часть английского воспитания: их вбивают в головы маленьких Джонов Булей с помощью специального метода обучения — не лучше и не хуже, чем прпучают собачек плясать на канате или приносить брошенную вещь. И вот как деловой человек Голловей служил на судне, производящем торговлю неграми, а как джентльмен был членом всех человеколюбивых обществ — негрофильских, библейских, евангельских, покровительства животных и других, громадных в свободной и торжествующей Англии. Он был, как и все зажиточные англичане, живым изображением своего правительства, которое, с одной стороны, преследует торговлю неграми — это вопрос чувства, а с другой — пушечными снарядами навязывает китайцам одуряющий их оппум: это денежный вопрос.

Голловей аккуратно выплачивал членские взносы и этим примирялся со своею совестью, потому что различные им поддерживаемые общества обязаны были обсуждать и решать за него все вопросы человеколюбия, а он за это время обрабатывал свои делишки, ничем не тревожась и ни о чем не задумываясь.

Он мало говорил о делах, отлично исполнял свои обязанности, и никто не мог узнать, какие чувства он питает к капитану и его помощнику, приказания которых выполнял с механической аккуратностью.

Девис был очень молод — ему только что минуло двадцать два года; он приходился племянником командиру

«Осы» и, родившись в стране рабства, разделял все предрассудки рабовладельцев: он считал торговлю неграми совершенно законным делом, а помехи, учиняемые англичанами этой торговле, только увеличивали его упорство.

Само собой разумеется, что он ненавидел Голловея и, напротив, был очень дружен с Верже.

Кабо, внесенный в списки в качестве рулевого, мало занимался управлением судна в открытом море; главная его обязанность состояла в том, чтобы проводить шхуну по всем опасным заливам и тайным бухтам у берегов Африки, Антильских островов, Бразилии и невольничьих штатов Америки.

Гилари, боцман, был старый бретонский моряк, бежавший с правительственной службы; одним свистком управлял он сорока матросами-космополитами, которых называл своими ягнятами, и ни один из них ни разу не дерзнул противодействовать ему. Обладая геркулесовой силой, он нечасто давал почувствовать тяжесть своей руки, но, когда это случалось, жертве его гнева приходилось расплачиваться несколькими днями болезни.

Верпувшись в свою каюту, капитан кликнул кают-юнгю и послал его за Верже.

Верже при снятии с якоря стоял на вахте с четырех до восьми часов утра и теперь спал в своей каюте, но, услышав приказание, немедленно явился к командиру.

— Господин Верже, ветер свежеет, — сказал Ле Ноэль, — море начинает волноваться; ночью будет буря; после солнечного заката убавьте паруса и на четверть держитесь ближе к западу, чтобы отдалиться от берегов.

— Слушаю, капитан.

— Кстати, что подельывают пассажеры?

— Платят дань морю и, кажется, на несколько дней лишились возможности выйти на палубу.

— Неужели комиссар и лекарь тоже? Кажется, им-то следовало уже познакомиться с морем!

— Они точно так же больны, как и остальные.

— Вам известно, Верже, что Ронтонак силою навязал мне этот тяжелый груз. Более нелепая идея никогда еще не приходила в старую голову этого болвана.

Верже и глазом не моргнул; ему хотелось знать, желает капитан разговаривать по-человечески или намерен произно-

сить привычные монологи, прерывать которые было бы небезопасно.

Ле Ноэль продолжал:

— В первую минуту я было думал привезти их в Бразилию, а на обратном пути забросить в Маюмбу или в Лоанго, откуда они без особого труда пробрались бы в Габон на местной паташе¹, но потом я рассудил иначе: слишком продолжительное пребывание на «Осе» неизбежно откроет им характер нашей деятельности, не говоря уже о том, что они будут всячески протестовать против такой перемены пути. Вот почему я решил идти прямо в Габон.

— Ну, а если нас захватят крейсера? — спросил Верже, сообразив, что теперь можно вмешаться в речь капитана.

— Ну, тогда мы повернем на другой галс и открыто примемся за дело.

— А пассажиры?

— Они приедут в Габон, когда этого захочет дьявол, то есть когда «Оса» кончит четвертую кампанию и продаст с выгодой свой груз.

— А вы не боитесь?

— Чего?

— Что они наделают много хлопот?

— Из-за них мы рискуем шкурою, следовательно, мы не обязаны церемониться с ними: при малейшей попытке выдать нас проходящему кораблю я прикажу заковать их.

— Я и сам думаю, что всего бы лучше высадить их. Можно избежать встречи с кораблями, если держаться немножко на юг от мыса Лопеса.

— Таково и мое намерение. Дойдя до этого места, мы обогнем остроконечный мыс с северо-востока, прямо у входа в область Габона, выбросим пассажиров на мыс Понгару и, свободные от тревоги, опять направимся к Наталу.

— Это самая разумная мера, какую только можно придумать.

— Позаботьтесь же, чтобы заручиться успехом, Верже; после многих сомнений я начинаю соглашаться с мнением старика Ронтонака, хотя в первое время оно показалось мне неудобноисполнимым... Может быть, я не прав, что возвращаюсь к первому решению... Не беда. Мы еще раз докажем

¹ Перевозное судно.

крейсерам, что «Оса» летает по воде и при случае сумеет ужалить. Помните ли, Верже, тот авизо, который мы пустили ко дну в тридцати милях от острова Святой Елены?

— Как я припоминаю, ни одной вещи не было выброшено на берег и ни один человек не спасся; газеты всего мира возвестили, что судно с людьми и грузом бесследно погибло в циклоне.

— Смотрите же, отдайте строгое приказание. Само собою разумеется, никто здесь, начиная с вас, ни слова не понимает по-французски; всякий матрос, который обменивается одним словом с пассажирами на каком бы то ни было языке, будет немедленно закован и лишен премии.

— Люди предупреждены уже, капитан.

— И что же они говорят об этом?

— Все недовольны присутствием этих пассажиров и более расположены выбросить их в море, чем любезничать с ними.

— Прекрасно. Однако, как только они поправятся, я приглашу их обедать за одним столом со мной и постараюсь убедить их, что «Оса» — честнейшее береговое судно.

В эту минуту вошел Девис и заявил с почтительным поклоном:

— Я передал вахту Голловею и готов к вашим услугам.

— Хорошо, дитя мое, я пригласил тебя отобедать со мною... Верже, не хотите ли вы с нами?

— С удовольствием, капитан.

В подобные часы капитан Ле Ноэль был премильным человеком.

5. Битва «Осы» с «Доблестным»... —

Прибытие на мыс Пегро

Семнадцать дней спустя после отплытия из Руайана «Оса» была уже в водах Габона и, постоянно описывая дуги, избегала таким образом неприятных встреч с крейсерами.

Четверо пассажиров давно уже были на ногах и без труда примирились с вынужденной необщительностью экипажа, после того как его командир заверил, что ни один человек из команды не говорит по-французски. Пассажиры больше не старались завязывать беседы с окружающими, тем более что сами никакого языка, кроме своего родного, не знали.

Жилиас, не умевший связать и двух слов ни на одном из иностранных языков, выразил даже по этому случаю свое восхищение.

— Вот видите, — сказал он командиру, пожелавшему узнать причину его восторга, — как преувеличивают все на свете: уверяют, будто французы не очень-то любят изучать иностранные языки; а вот ваша команда состоит из пятидесяти человек — тут есть американцы, англичане, немцы, греки, итальянцы и датчане, — и никто из них не понимает нашего языка!

— Мне даже сдается, — добавил Тука, — что все они мало способны научиться ему, потому что не могли запомнить хотя бы несколько самых простых слов. Вот, например, я говорю юнге: «Дай мне огня!» Ведь это, кажется, так просто, а знаете ли, что из этого выходит?... Шалун смеется мне в глаза и приносит стакан воды!

Подобные рассуждения вызвали лукавую улыбку на лице капитана, а подпоручик и Гиллуа старались лишь не прыснуть со смеху прямо в лицо своему начальству.

Не стоит и объяснять, что с той поры оба юноши сблизились со старым врачом и его другом интендантом, чтобы рассеять скуку продолжительного плавания.

В течение целой недели вопрос о языковедении составлял неистощимый предмет развлечения.

Жилиас и Тука, ссылаясь на свое долговременное пребывание в Бакеле, уверяли всех, что оба они прекрасно говорят на туземном наречии. В конце концов Гиллуа и Барте попросили свое начальство давать им уроки яловского и мандингского наречий... Это забавное положение привело, разумеется, к множеству веселых сцен...

Однажды вечером капитан объявил пассажирам, что завтрашний день будет, по всей вероятности, последним, который они проведут на «Осе», и что, прежде чем солнце взойдет, судно будет уже у мыса Лопеса.

В это время они сидели за десертом; обед был, по обыкновению, роскошно приготовлен, и на отборные вина хозяин не скупился, так что при новом известии Жилиас и Тука не могли скрыть душевное волнение.

— Капитан! — воскликнул врач, вставая и, как видно, желая произнести тост. — Никогда я не забуду царственного угощения, которое... которым... и в особенности вашего старого вина...

Далее он не мог продолжать и сел на место, опорожнив до дна бокал.

— Конечно, — подхватил Тука, стараясь поддержать честь своего мундира, — вся провизия у вас первейшего сорта, вино неподдельное... Надо правду сказать, если бы ваш комиссар и интендант получали более пяти процентов от поставщика, то никак бы невозможно...

Барте и Гиллуа едва не подавились от смеха.

— Да, никак бы невозможно, — повторял несколько раз старый интендант, — невозможно никак, особенно же если отчетная часть хорошо устроена, так, чтобы главный контроль только хлопал глазами...

Жилиас торжествовал, видя, что Тука никак не может довести до конца своей тарабарщины... Тука же любил до страсти старое бургундское и в этот вечер воспользовался им через край; пролепетав еще несколько нелепостей, он вдруг прослезился от умиления, бросился обнимать командира и заявил ему о своем сердечном желании посвятить последние дни свои служению в должности интенданта «Осы».

— Мы не желаем разлучаться с вами! — подхватил Жилиас, достигнув апогея своей чувствительности. — Я вступаю в должность вашего корабельного врача!

— Принимаю ваше предложение, — отвечал Ле Ноэль, — и при случае напомию вам это.

Сцена эта, вероятно, долго бы еще забавляла, если бы внезапно не раздался голос вахтенного:

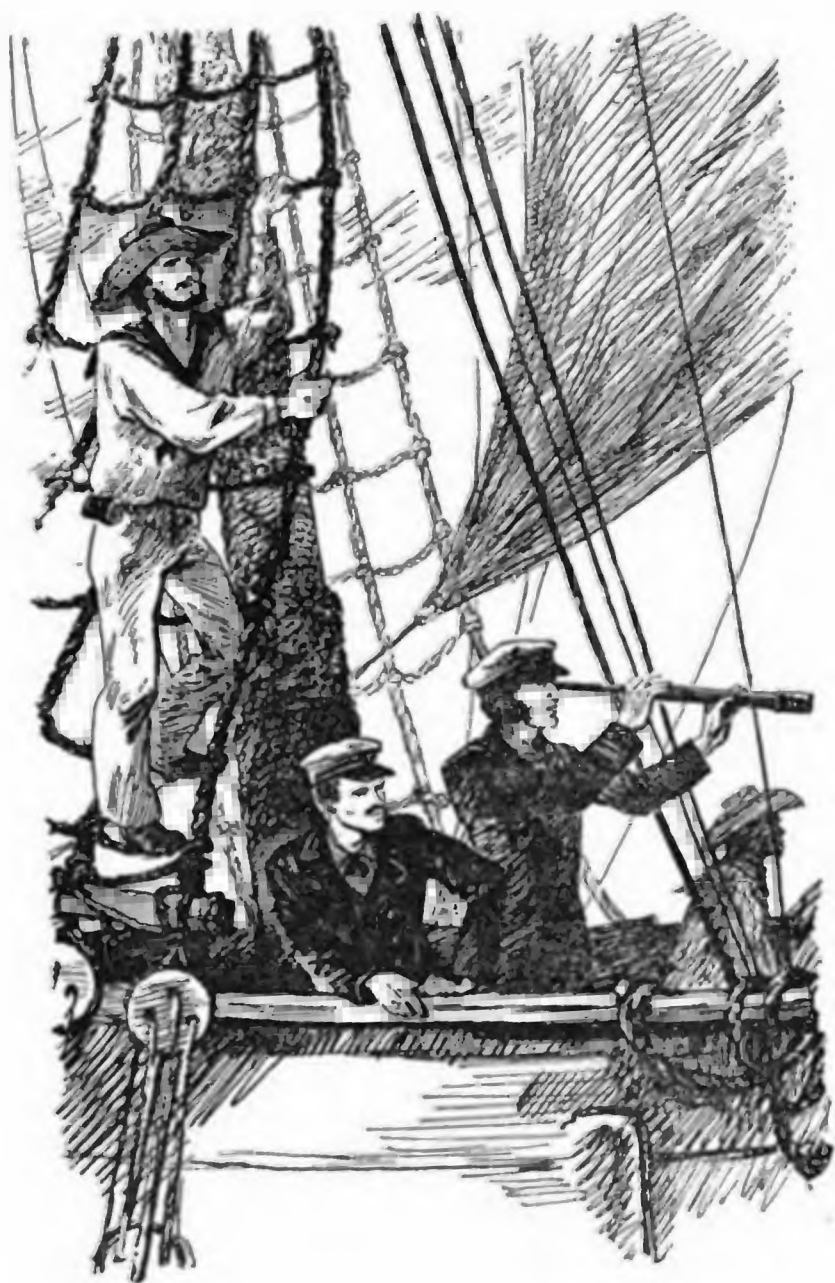
— Парус направо!

Мигом выбежал Ле Ноэль на палубу и направил трубу по указанному направлению. При последних лучах заходящего солнца он ясно увидел на далеком горизонте небольшие паруса фрегата, почти слившиеся с туманным пространством. Но это было лишь мимолетное видение, потому что в этих широтах ночная темнота наступает почти без сумерек и мгновенно облекает океан черным саваном.

— Верже, — прошептал Ле Ноэль, — мы вблизи крейсера... Случилось то, чего я опасался. Прикажете поубавить парусов, чтобы он обогнал нас; в полночь повернем к берегу, а завтра на рассвете высадим пассажиров на мыс Лопес.

— Вы отказываетесь от намерения держаться мыса Понгара?

— Совершенно! Мы дошли сюда без всякой помехи, и я совсем не желаю подвергаться новым опасностям, а эти

добрые люди, черт их побери, всегда найдут у туземцев какую-нибудь пирогу, которая доставит их в Габон.

В эту минуту послышался взрыв хохота из столовой, и в то же время раздался пьяненький голос Тука:

— Да, молодые люди, не помешай родители моему призыванию, у меня было бы двадцать тысяч франков ежегодно дохода благодаря моему голосу. Вот послушайте сами:

На дне мрачного подвала
Несколько старых бутылок,
Полных виноградного сока,
Воспевали песнь новую свою:
Буль, буль, буль,
Буль, буль, буль.

— Ну, а мне следует кончить, — закричал Жилиас, ревнуя к успехам друга, и тут же затянул второй куплет старинной песни, увеселявшей их молодость в тулонских кабачках: —

На дне нашего черного брюха
Водится всего понемножку:
Любовь, деньги, розы
И вечерние мечты.
Буль, буль, буль,
Буль, буль, буль.

— Отправляю-ка я этих пьяниц в их каюту, — сказал Ле Нозль задумчиво. — Приходите потом ко мне, Верже. В эту ночь мы с вами не будем спать.

Жилиас и Тука, поддерживаемые юными друзьями, торжественно спустились в каюту, и долго еще (их шумное веселье нарушало ночное спокойствие «Осы».

Распорядившись убавить парусов и отдав приказание Голловею, сменявшему вахту в полночь, командир и его шкипер заперлись в большой кают-компании. Мало-помалу смолкли все звуки. «Оса» тихо скользила по волнам, все ближе придвигаясь к берегу.

В четыре часа утра, когда Верже пришел сменять вахту, капитан последовал за ним и, подзвав к себе Голловею, направлявшегося в свою каюту спать, приказал ему разбудить кокегаров.

— На всякий случай надо быть готовым, — сказал он, — потому что если вчерашний корабль крейсирует, то очень

может быть, что завтра же утром мы увидим его по соседству с нами, особенно если нас заметили.

Прошло несколько мипут, и Голловей со своим помощником и восемью кочегарами уже хлопотали около машины и наполняли топку углем. По окончании работы Верже доложил капитану, что через полчаса машину можно привести в действие.

— Хорошо, можете идти спать, — сказал Ле Ноэль коротко, но Верже остался на палубе.

При первых лучах рассвета они увидели черпую полосу милях в двадцати от «Осы». То была земля. Потом они оба вскрикнули и тотчас замолчали... С другой стороны на расстоянии трех миль летел во всю силу парусов и пара великолепный фрегат. Капитан мог выбрать одно из двух: либо отважно пойти навстречу опасности, прикрываясь в случае обыска официальным положением своих пассажиров, либо попытаться уйти от неприятеля, видимо на него нападавшего. Но Ле Ноэль ни минуты не колебался и выбрал как средство спасения быстроту. Он сам принялся управлять своим судном.

— Все наверх! — закричал он звучным и энергичным голосом, который хорошо был знаком команде в трудные минуты.

Свисток боцмана мигом повторил приказание, и тотчас же все люди были уже на местах.

— По местам! — скомандовал капитан.

Секунду спустя каждый был на своем месте.

— Повороти! — прозвучала команда еще энергичнее.

Мигом, с покорностью лошади под рукою хозяина шхуна совершила изящный поворот.

— Боком к ветру! — закричал капитан кормчему, и мгновенно отвернувшись от мыса Лопеса, «Оса» направилась на юго-запад со всею быстротою, которую придавали ей ее стройный корпус и особенности оснастки. Мигом были подняты паруса всех родов.

Видя маневр «Осы», фрегат тотчас же понял, что имеет дело с подозрительным судном, и счел обязанностью преградить ему путь. В самом начале погони он сделал пушечный выстрел и поднял флаг, требуя тем самым, чтобы неизвестное судно тоже подняло в ответ свой флаг и остановилось.

Само собою разумеется, что «Оса» не обратила внимания на это требование. Началось состязание в быстроте хода, и в

этой борьбе все преимущества на первый взгляд казались на стороне крейсера.

— Это англичанин, Верже, — сказал капитан, не отнимая от глаз подозрной трубы.

— Что ж, это, по-моему, лучше, — ответил шкипер коротко.

— Кажется, ему хочется угостить нас ядром.

Не успел Ле Нозль произнести эти слова, как на фрегате сверкнул огонь и ядро ударилось в воду в нескольких метрах от «Осы».

В ту же минуту вылетели на палубу четверо полуодетых пассажиров, вообразивших, что береговая батарея приветствует их прибытие. Каково же было их удивление, когда оказалось, что «Оса», повернувшись спиной к берегу, бежит, насколько хватает силы, от корабля, видимо спешащего перерезать ей дорогу в открытое море.

— Что случилось, капитан? — закричал Жилиас в испуге.

Второе ядро пролетело со свистом в снастях «Осы», как бы в ответ на вопрос врача...

— Что случилось? — повторил капитан, никогда не бывавший веселее, чем в минуты опасности. — Могу вас заверить, что ничего особенно важного: за нами только гонятся пираты.

— Как, пираты, капитан? — перебил его Тука. — Неужели же вы не видите, что это военный корабль? Его флаг развевается на корме, и вы легко можете убедиться в его национальности, как только посмотрите в трубу.

— Да нет же, говорю вам; я ничего этого не вижу и могу вас заверить, что мы повстречались с морскими разбойниками, только они разбойничают на счет общества, ну, а мы...

— А вы на чей счет? — спросил молодой подпоручик.

— Тогда как мы, — продолжал Ле Нозль холодно, — на свой собственный.

— Следовательно, мы находимся на...

— На судне, ведущем торговлю неграми.

Объяснение командира «Осы», не находившего уже нужным скрываться, как громом поразило пассажиров.

— Милостивый государь! — закричал Тука вне себя от ярости. — Вы можете быть уверены, что я немедленно отправлю моему правительству донесение насчет вашего недостойного поведения.

Во всякое другое время такая выходка Тука вызвала бы общий смех, но теперь она заставила улыбнуться одного Ле Ноэля. Жилиас, испугавшись уже за свою безопасность, бросился к своему другу, чтобы умирить его негодование.

— Полно, Тука, не горячись, пожалуйста. Ведь я знал, — продолжал он с забавною убедительностью, — людей, торговавших неграми, которые были честнейшими людьми.

Барте и Гиллуа наблюдали за этой сценой с любопытством, более близким к недоумению, чем к гневу; оба были молоды, отважны, и неожиданное событие не возбудило в них такого неудовольствия, как можно было ожидать.

— Господа, — сказал им Ле Ноэль, — вам известно, что значит командир на своем корабле и какими, он обладает средствами, чтобы заставить повиноваться себе, и потому я надеюсь, что вы воспользуетесь моим советом; для длинных же объяснений теперь не время. Ваше присутствие на палубе только мешает нам, а потому прошу вас удалиться в столовую или в вашу каюту; покончив с этим англичанином, я приглашу вас к себе, и мы потолкуем на досуге.

— Позвольте, капитан... — начал было Барте.

— Послушайте, — перебил его Ле Ноэль, — предупреждаю вас первый и последний раз, что, когда я отдаю приказание, все, кто не повинуется мне, тотчас же отводятся под арест.

Третье ядро оторвало часть снасти грота; английский фрегат быстро приближался... По массе густого дыма, быстро вырывавшегося из его трубы, видно было, что угля не жалели и делали все усилия, чтобы ускорить развязку, которая казалась делом какой-нибудь четверти часа.

— Да убирайтесь же вон! — крикнул командир громовым голосом, обращаясь к пассажирам. — Первый, кто промедлит здесь еще две секунды, будет сброшен в трюм!

Чтобы не терять из виду предстоящих событий, пассажиры бросились в кают-компанию; но Тука и Жилиас постарались поместиться так, чтобы не было опасности от ядер.

— Кто бы мог подумать, — говорили друзья, — что этот человек с такой открытой физиономией, обладающий таким превосходным вином, торгует неграми?.. Но как же это комиссариат в Бордо мог отправить нас на этой шхуне? Впрочем, еще несколько часов, и этот молодец со своей коман-

дой дорого поплатится за все свои злодеяния, потому что англичане не любят шутить.

Действительно, английский фрегат значительно обогнал «Осу», но вдруг все изменилось.

По команде Голловея мигом исчез камбуз, а на его месте воздвиглась огромная труба, которую подняли из трюма; а когда открыты были заслонки, она стала изрыгать черные облака дыма.

Очень скоро выяснилось, что шхуна быстро обгоняет своего колоссального противника.

При виде такого маневра крейсер увеличил скорость, не переставая посылать ядра в «Осу», надеясь остановить ее бег каким-нибудь серьезным повреждением; но фрегат был вооружен старыми орудиями, заряжающимися с дула. Если этого было достаточно против жалких судов португальцев, торгующих неграми, то не достигало цели при нападении на пароход с быстрым ходом. Английский старый фрегат, по распоряжению своего правительства, доживал последние дни в преследовании судов, торгующих неграми.

Видя неоспоримое превосходство своего хода, капитан Ле Ноэль возымел адскую мысль, которую немедленно привел в исполнение.

— Верже, — сказал он, — прикажите койки долой и приготовьтесь к сражению. Давненько уже наши молодцы не имели никакого развлечения; надо же повеселить их хоть немножко.

Приказ был отдан; все повиновались, не задаваясь вопросом, в состоянии ли «Оса» помериться силами со своим колоссальным противником. Если бы капитан Ле Ноэль повел своих моряков на штурм Этны, так и тогда никто бы не усомнился в целесообразности этого.

Через несколько минут двенадцать бойниц — шесть на правой и шесть на левой стороне, — искусно скрытые в обшивке корабля, показали свои зияющие пасти, снабженные нарезными семидюймовыми орудиями, заряжающимися с казенной части. И тотчас же, как бы по волшебному мановению, все паруса были убраны.

Как боец, готовый вступить в битву, сбрасывает с себя все, что могло бы помешать ему, «Оса» сбросила с себя паруса, которые могли мешать свободе движений, и отважно явилась на поле брани, доверяясь только своей машине.

Увидя, что шхуна намеревается вступить в битву с фрегатом ее величества королевы Великобритании, Жилиас и

Тука, объятые ужасом, бросились вон из столовой и ни живы ни мертвы заперлись в своей каюте.

Молодые пассажиры остались наблюдать с лихорадочным любопытством за всеми этими приготовлениями и в глубине души жалели, что не могли принять участие в готовящейся битве.

Командир молча следил за ходом «Осы» и, увидев, что при среднем давлении пара в котлах она удерживает без труда свое расстояние, бросил на противника взор торжества и презрения и произнес слова:

— Залп из всех орудий!

Не успел он закончить команду, как раздался оглушительный залп, от которого шхуна вздрогнула до самого киля.

— Браво, Девис, браво, дитя мое! — воскликнул Ле Ноэль, обращаясь к молодому человеку, направлявшему орудия.

Несколько осколков и снастей, сорванных с мачт фрегата, доказывали верность глазомера молодого моряка.

Дистанция оставалась неизменной, и ответный залп не мог достигнуть «Осы».

Итак, благодаря дальнобойным орудиям шхуны, сражение оказывалось неравным между фрегатом, кораблем с двойной батареею, шестьюдесятью орудиями, снабженным четырьмя сотнями людей, и простою шхуною, вооруженною только двенадцатью семидюймовыми орудиями и обслуживаемою пятьюдесятью матросами.

Быстрая и легкая шхуна летала, как муха, вокруг крейсера, все время держась на расстоянии, недоступном для его старой артиллерии, и изрешетила его снарядами своих стальных орудий.

Старая машина, игравшая блистательную роль при Наварине, отстала на четверть века; эта плавучая крепость не могла уже сама атаковать, она становилась бессильной против нападения своего неувливаемого неприятеля.

Менее чем за час палуба несчастного фрегата была покрыта обломками и загромождена ранеными и умирающими. Командир фрегата с непреклонным упрямством, свойственным англичанам, продолжал посылать ядра и вместе с тем прибегать к хитростям, чтобы подойти ближе к «Осе». Ну что бы сказал о нем великобританский флот, если бы военный корабль ее величества обратился в бегство от шхуны!

Наконец английский корабль был в полной власти капитана Ле Ноэля. На лице разбойника мелькнула странная улыбка.

— Ну, молодцы, прежде чем покончить с ним, покажем наш флаг Джону Булю, чтобы он в последние минуты утешился, узнав, кто мы.

В ту же минуту был поднят флаг, усеянный звездами, и раздались оглушительные троекратные крики «ура», а вслед за тем под американским взвился черный флаг пиратского судна.

— А теперь, — продолжал Ле Ноэль, — выпускайте только разрывные бомбы. Дитя мое, Девис, прицелься в грузовую ватерлинию, и я обещаю тебе, что фрегат скорехонько отправится преследовать торговлю неграми среди водорослей и кораллов.

Начиная с этой минуты, «Оса» не прекращала пальбы, поворачиваясь то одним бортом, то другим к неприятелю и с каждым выстрелом разрушая толстую броню своего противника.

Барте и Гиллуа, поняв, что фрегат погибает, и повинаясь только чувству великодушия, бросились наверх, хотя вполне понимали, какой опасности подвергают себя. Они прямо подошли к Ле Ноэлю и умоляли его не довершать дело разрушения.

— Не уничтожайте этих несчастных, — говорили они, — вредить они вам уже не могут, и у них достанет еще настолько сил, чтобы поставить свой корабль на мель. Капитан, последуйте великодушному чувству!

При виде этой сцены матросы, хорошо знавшие своего командира, решили, что он сейчас же прикажет бросить непрошенных заступников в море... А между тем вышло несколько иначе. Капитан попросту приказал заковать их. Четверо силачей бросились на них и потащили в трюм.

В эту минуту пробил последний час фрегата. Продырявленный насквозь более чем шестьюдесятью снарядами, из которых многие разорвались в наружной обшивке бортов, оставив зияющие бреши, несчастный корабль наклонился вперед и мало-помалу исчез под водой.

Ле Ноэль внимательно следил в подозрную трубу за его крушением и в ту минуту, когда гакаборт еще высился над водой, прочел громким голосом одно слово: «Доблестный».

Древняя тактика, старое оружие и старое право были разбиты прогрессом.

«Оса», не получив ни малейшего повреждения, не вернула, однако, обратно к берегу, от которого была всего в пятнадцать милях расстояния, но взяла курс на запад, к Бразилии.

Капитан Ле Ноэль решил, что пассажиры его будут арестованы до конца кампании.

— Если бы мы были так неразумны, — сказал он Верже, — чтобы высадить их теперь же в Габоне, то они немедленно разгласили бы нынешнее происшествие и донесли на нас всем морским державам. Таким образом, не прошло бы и двух недель, как мы были бы окружены целым флотом крейсеров, от которых невозможно улизнуть.

В тот же вечер он приказал привести к себе Барте и Гиллуа отдельно от двух старших пассажиров и, объяснив им свои намерения, предложил обзяться честным словом не искать на море случая подавать сигналы встречным судам и не бежать с «Осы» в случае высадки на сушу.

— С этим условием, — сказал он, — вы будете пользоваться свободой на корабле, с вами будут обращаться как с пассажирами и вам будет возвращена полная свобода, как только «Оса» сбудет свой черный груз.

— Ну а если мы считаем невозможным дать вам это слово? — спросил Барте.

— Мне будет очень жаль вас, — отвечал Ле Ноэль просто, не обнаруживая ни малейшего волнения, — в ваши годы надо дорожить жизнью, а я буду вынужден отправить вас за борт, привязав ядро к ногам.

— Как? У вас достало бы на то смелости? — спросили оба друга с невольным содроганием.

— Поставьте себя на мое место, — возразил капитан, добродушно улыбаясь. — При первой встрече с военным кораблем, который будет в силах овладеть нами, нас ожидает ужасная участь. Вы отказываетесь дать честное слово, значит, вы имеете надежду и намерение избавиться от нашей власти; в таком случае вы можете быть для нас причиной крайней опасности. Мне следует отделаться от вас, чтобы самому не быть повешенным.

— И прекрасно, капитан, с вами не надо, по крайней мере, долго томиться; вы умеете предлагать вопросы с полной точностью. В ваших руках сила, мы это не оспариваем, а потому даем вам слово, что не станем искать случая бежать и не будем подавать сигналы какого бы то ни было рода судам.

— Вот вам рука, господа; я очень рад вашему решению, теперь вы можете проводить время по-прежнему.

— Обязаны ли мы пожать вам руку под опасением прежних угроз?

— Нимало не обязаны.

— В таком случае, капитан, позвольте нам отказаться от этого.

— Как вам угодно. В вашем уважении я не нуждаюсь.

— Если вы настолько...

— Прошу вас, господа, не стесняйтесь. Как видите, я предоставляю вам свободу слова...

— Если вы настолько свободны от предрассудков, то мы считали бы за счастье, если бы вы согласились дать нам еще одно позволение.

— Какое?

— Мы желали бы обедать вчетвером отдельно, не в общей столовой.

— О! Вам неужгодно со мной обедать?.. Извольте, но позволение мое касается только вас двух.

— Как же это?

— Вы не имеете никакого права говорить от имени других пассажиров, а я намерен сам переговорить с ними. Господа, ваша аудиенция кончилась, и думаю, что как раз вовремя, потому что боюсь, как бы вы не возмутили, наконец, спокойствия моего духа.

— Капитан, честь имеем откланяться...

Вслед за ними приглашены были Жилиас и Тука, чтобы выслушать те же предложения.

— Никогда! — возразил Тука торжественно. — Никогда вы не получите от нас слова, что мы не станем искать случая бежать... и не донесем на вас! Знайте, капитан, моему правительству будет подробно донесено о ваших злодеяниях, как только...

— Очень хорошо, господа, — перебил его слова Ле Ноэль, с трудом сдерживая желание расхохотаться, — вполне понимаю ваши чувства и всю деликатность их и отнюдь не хочу насиловать вашу совесть, но считаю долгом предупредить вас, что вы произнесли себе смертный приговор.

— Смертный приговор? — воскликнули бедные друзья, содрогаясь.

— Сами посудите: вы хотите, чтобы меня повесили, так не лучше ли мне повесить вас прежде.

— Но, капитан... ведь это следовало бы растолковать прежде всего... Будьте уверены, что у нас никогда не станет настолько подлости, чтобы забыть щедрое гостеприимство, которым мы пользовались у вас...

— А как же эти донесения, которые вы намеревались отправить начальству?

— Ну вот еще! Всем известно, что эти штуки откладываются в долгие ящики под казенными номерами и надписями, с тем чтобы никогда их не читать.

— В таком случае вы даете слово?

— Вот вам слово, капитан, и не одно, а, пожалуй, хоть десять... Не прикажете ли изготовить письменное обязательство?

— Нет, господа, в этом нет никакой необходимости: между моряками есть лучшее понятие о чести... Теперь еще остается маленькое препятствие, и тогда последняя туча между нами рассеется.

— Что такое? — спросил Тука.

— На моем судне нет доктора, а так как я отправляюсь в Бразилию, чтобы продать там от четырех до пяти сот негров, за которыми иду в Бенгелу, то я сочту за большое счастье, если мсье Жилиас пожелает быть главным начальником санитарной службы на «Осе» в продолжение этих двух плаваний.

— Ваше предложение очень естественно, — отвечал Тука, — и я убежден, что мой друг Жилиас сочтет за величайшее удовольствие оказать вам эту маленькую услугу.

— Но это еще не все. У меня куча дел по отчетности, требующих знания опытного делового человека, и мсье Тука окажет мне великое одолжение, если согласится принять обязанности главного администратора по корабельному хозяйству и обер-эконома по переселению негров.

— Ну конечно, — поспешил вмешаться Жилиас, страстно желая услужить своему другу, — ваше предложение осуществляет лучшие желания Тука.

— Но это надо обдумать хорошенько, — осмелился заметить Тука робко.

— Господа, мои предложения нераздельны, — сказал Ле Ноэль холодно, изменившимся тоном. — Впрочем, позвольте мне заметить, что я принимаю только ваши собственные предложения, заявленные вами прежде.

— В таком случае мы обязаны на то согласиться.

— Вы правы, и я должен еще заявить, что вам, как и всем служащим у меня, последует премия от двадцати до тридцати тысяч франков на каждого. В случае отказа я отправляю вас испытать до конца полную чашу в море.

— Честное слово, капитан, вы предъявляете такие иску-сительные доводы, что нет возможности вам сопротивлять-ся! — воскликнули друзья хором.

— Не забудьте, господа, что, когда последний негр будет выведен из моего корабля, вы получите свободу отправлять-ся куда угодно и разглашать, что вы находились пленниками на «Осе», а вы, господин Тука, можете отправить вашему начальству столько донесений, сколько будет охоты, и по-яснить к тому же, что командир судна, торгующего неграми, Ле Ноэль нустил ко дну военный корабль «Доблестный».

— Капитан, позвольте еще одно слово, — сказал Жилиас с дальновидностью, часто изумлявшей его друга Тука.

— Я вас слушаю.

— Что вы намерены делать с этими юношами?

— Ничего; они дали мне слово не искать средств для бегства с корабля, и этого для меня достаточно.

— Ну а что, если бы вы приказали им быть нашими по-мощниками в наших новых обязанностях?

— Это зачем?

— Ввиду будущего донесения о нашем настоящем поло-жении весьма неблагоприятным окажется, что наши подчи-ненные настолько заслужили ваше уважение, что сохранили свою независимость. Поймите, какую неблагоприятную тень это бросило бы на нас двоих.

— Не думаю, чтобы они согласились.

— О, капитан, вероятно, вы не представили им могуще-ственных аргументов, которыми осчастливили нас.

— Пускай будет по-вашему; не желаю вам отказать в первой вашей просьбе со времени вашего поступления в штат «Осы». Я потолкую с ними.

Произнеся последние слова с насмешливой улыбкой, Ле Ноэль простился со своими собеседниками и поспешил в каюту, чтобы дать свободу веселому расположению духа...

— И как это пришло в голову адмиралтейскому интен-дантству отправить нас на невольничьей шхуне? — сказал Тука, уходя с Жилиасом в свою каюту.

Чтобы исполнить данное обещание, командир велел при-гласить к себе молодых людей и с очевидной шутливостью объявил им, что по желанию их прямого начальства возвел

их в чин помощников обер-эконома и начальника врачебного округа, и, пояснив причины своего поступка, заверил юношей, что им предоставлена полная свобода действий.

Гиллуа и Барте невольно рассмеялись, думая, что их начальники, малодушие которых было им вполне известно, действовали так только потому, что капитан пристал к ним с ножом к горлу. Ле Ноэль не стал сообщать об обещанной премии, а оба друга по выходе из капитанской каюты подтвердили своему начальству, что не оставят его и подпишут донесение морскому министру такое, какое ему угодно будет составить.

Опять превращаясь в купеческое судно, «Оса» снова прикрылась снастями парусной шхуны. Жилиас и Тука были на другой же день утверждены в своем новом звании, и если бы молодые пассажиры не отказались от общего стола, то жизнь на корабле потекла бы обычным чередом.

Двадцать два дня снуя шхуна прибыла к одиннадцати часам к берегам Бразилии.

Командир отдал приказание лечь в дрейф и выпустить три сигнальные ракеты, которые, описав длинную кривую линию в пространстве, потухли в волнах.

Великолепна была эта ночь: мириады звезд отражались, точно в зеркале, в тихих и безмятежных водах океана; очарование было так велико, что «Оса», казалось, плавала по небесному своду; вдруг поднялась с земли ракета и разорвалась снопом звезд — то был сигнал с берега, — и по распоряжению вахтенного большой фонарь был выставлен на передней мачте.

Час снуя по направлению к шхуне двинулась черная точка, и вскоре к судну причалила туземная шлюпка; быстро вскарабкался по трапу какой-то человек и бросился прямо на палубу.

— Здравствуйте, дон Иоакимо, — сказал Ле Ноэль, выходя к нему навстречу.

— Добрый вечер, капитан, — отвечал неизвестный посетитель.

Не обменявшись больше ни словом, оба поспешили в кают-компанию, где и заперлись.

— Ну, какие известия? — спросил капитан.

— И хорошие и дурные!

— Неужели же, вопреки вашей депеше Ронтонату, вы ничего не можете нам заказать?

— Успокойтесь, в зашифрованной депеше многого не скажешь. Эксперты черного кабинета так искусны, что рано или поздно мы можем попасться. Ронтонак писал мне, что за ним следят. Я просто уведомил его, что готов доставить ему груз кофе и красного дерева, а он на это отвечал, что отправит за ним «Осу». Ничего более я не мог сообщить ему, потому что мы приняли разумную привычку заключать наши условия здесь, на месте.

— Итак, что же из этого?

— Вот я и сказал вам, что известия худы, потому что палата и сенат в Рио восстановили забытые законы против торговли неграми и присоединили к тому проекты о самых строгих наказаниях для виновных в нарушении этих законов. Хорошие же известия проистекают из того же источника, потому что если палата запрещает торговлю рабами, не уничтожая рабства, то из этого не может следовать другого вывода, как тот, что плата за невольников удваивается. Для моей личной выгоды мне не следовало бы вам это говорить, но для вас моя игра всегда открыта, так как я нуждаюсь в более значительном грузе, чем когда-нибудь.

— Наши трюмы вмещают не более четырехсот негров.

— Я объехал только две провинции и переговорил с владельцами плантаций, мне необходимо шесть сотен рабов.

— Ну, что ж, придется нам потеснить их немножко. Какая же ваша цена?

— Три тысячи франков за мужчину в здоровом состоянии и три тысячи пятьсот за женщину.

— Полагаю, что эта разница делается не из простой галантности?

— Нет, законы против торговли неграми повысили цену на матерей.

— Понимаю... согласен на цену... А какие условия уплаты?

— Как всегда, переводами на банк Суза де-Рио.

— И на это согласен.

— К какому времени будет произведена доставка?

— Месяц плавания туда, срок пять дней обратно: надо ожидать противного ветра. Для загрузки товара довольно тридцати шести часов, так что я буду здесь к двадцатому или двадцать пятому ноября.

— Уговор кончен... Благополучия и успеха, капитан.

— До свидания, сеньор Иоакимо.

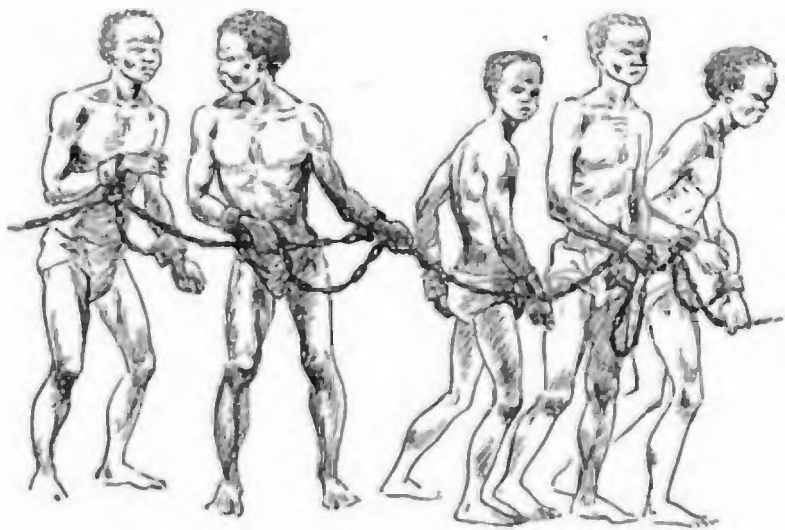
Без дальнейших церемоний бразильский торговец поспешил на свой челнок. Не успел он причалить к своему берегу, как «Оса» в свою очередь отправилась по дороге к африканским берегам.

К концу двадцати восьми дней, как предвидел командир, шхуна приблизилась к мысу Негро на берегу Бенгелы.

После заката Кабо повел «Осу» через узкий и извилистый залив, более чем на милю вдающийся в берег; с обеих сторон залива тянулись дремучие леса, не тронутые еще топором и тянувшиеся до таинственных и неизведанных берегов Замбези; то была область Рио-Мортес.

Вполне защищенная от всякого нескромного взгляда со стороны открытого моря, «Оса» в конце дня стала на якорь в узком входе в гавань. А несколько минут спустя явился на корабль мулат, агент Ронтонака на берегу Бенгелы.

В эту ночь сон команды судна, торгующего неграми, убаюкивался странным концертом, в котором сливались резкие и жалобные крики хищных птиц, визг шакалов, рев львов и суровые протяжные стоны диких слонов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОНГО, — ТОРГОВЛЯ НЕГРАМИ

1. Бенгела. — Описание географическое и этнографическое

Залив, в котором «Оса» стояла на якоре четвертый уже раз, находился в Конго, немного повыше мыса Негро, около Бенгелы. Именем Конго называли всю западную часть Африки, между экватором и девятнадцатым градусом южной широты, от Габона до мыса Фрио.

Португальцы уверяли, что они первые посетители Конго. Честь этого открытия оспаривает француз Жак Картье, который со своими малуинцами уже с XVI столетия производил там меновую торговлю с туземцами.

Сами португальцы, увлекаемые своими предприятиями и торговыми оборотами в Индийском океане, вздумали основать африканские колонии только в 1659 году. Паоло Диаш, племянник знаменитого Бартолмеу Диаша, открывшего мыс Доброй Надежды, отправился на трех судах к берегам Анголы. Он был хорошо принят тамошним королем, умо-

лявшим защитить его от взбунтовавшихся подданных. Во второе свое нутешествие, предпринятое с значительными силами, Паоло Диаш основал город Сан-Паоло-да-Луанда и принудил всех возмущившихся вождей подчиняться власти ангольского короля, своего союзника. Этот король впоследствии изменил договору и приказал перебить всех португальцев, поселившихся в его владениях; но Диаш разбил его и принудил покориться власти португальского короля. В продолжение целых четырнадцати лет этот предводитель горсти авантюристов заставлял королей внутренней Африки уважать недостойное уважения имя европейцев и положил основание сильному влиянию своей отчизны на берегах Африки, от Луанды до конца Бенгелы. Он умер от сильного гнева, когда узнал о поражении и смерти одного из своих вождей — Лопеса Пеиксота, который был застигнут врасплох и убит вместе со своим отрядом, состоявшим из пятидесяти солдат.

Губернаторы, преемники его власти, держали лузитанское знамя над этой страной не всегда с равною удачею и никогда не могли распространить свою власть на внутренние страны, которые были им подчинены только на словах.

В 1589 году Иероним д'Алмейда задумал овладеть серебряными рудниками в Камбамбе, которые, по слухам, обладали неистощимым богатством, но болезнь и поражение одного из его полководцев заставили его вернуться в Луанду.

И теперь еще эти рудники возбуждают алчность сменяющихся губернаторов этой страны, но никто из них не может достигнуть цели.

С XV столетия португальцы с помощью Конго продолжали стоять во главе гнусной торговли неграми и снабжать Северную и Южную Америку рабами из Африки. На короткое время их потревожили голландцы, тоже нуждавшиеся в неграх-рабах для своих колоний в Америке, однако португальцам удалось отогнать своих соперников. Труд многих тысяч негров, вывозившихся ежегодно из Конго, послужил основанием для процветания португальских колоний в Бразилии.

Запрещение торговли неграми было главной причиной падения Португалии как морской и коммерческой державы, и при взгляде на карту, на эту длинную полосу земли, именуюмую Португалией и не имеющую никакой причины быть

отделенной на западе от испанского полуострова, невольно задаешься вопросом, почему она не слилась с Испанией уже в Иберийском Союзе.

Область собственно Конго, или Невольничий Берег, состоит из четырех государств, известных под названием Ланго, Конго, Ангола и Бенгела.

Бенгела населена множеством незначительных племен, которые постоянно ведут войну друг с другом и признают над собою владычество Португалии. Их непрерывные войны ведутся только для захвата рабов, и белые правители Бенгелы не только не препятствуют этому, но еще и содействуют, оказывая помощь то тем, то другим.

Португальский губернатор постоянно ведет маленькую торговлю рабами — это уже в крови. Впрочем, и все поменьше продают негров на берегах Кванзы, для этого достаточно заручиться позволением черных начальников; позволение никогда не стоит дороже бутылки рома.

Знаменитый нутешественник Дувиль описывает прелюбопытные подробности этой гнусной торговли.

«Человек, приводящий пленников, — пишет он, — и желающий их продать, должен прежде всего обратиться к местному князьку, чтобы получить право вести торговлю, после чего он идет на рынок, находящийся за городом и состоящий из сотни домов, разбросанных на некотором расстоянии от ограды, окружающей столицу.

Дома эти устроены мулатами, которые приходят в Биге для торговли по поручению португальцев. Все дома окружены складскими помещениями, хижинами для содержания купленных рабов, садом, в котором возделывают овощи, и двором, где заканчиваются торги.

Все строения с принадлежащею такому дому землею называются помбо.

Обыкновенная цена лучшему невольнику — восемьдесят панно, что почти равно восьмидесяти франкам. Панно — это мера длины, соответствующая тридцати французским дюймам.

Цена невольника в Биге — восемьдесят панно бумажной ткани. Но уплата производится не только этим товаром; покупатель выставляет целый запас товаров, в число которых входят обыкновенно: ружье — за десять панно, бутылка пороха — за шесть, подслащенная тафия — от десяти до пятнадцати панно, смотря по желанию покуп-

щика, грубая фланель вроде легкого сукна — за шестнадцать панно и, наконец, бумажная ткань — на остальную сумму.

Продавец всегда получает от покупателя подарок в виде иголок и ниток, сообразно с числом доставляемых рабов. Приятель продавца, содействовавший заключению этого торга, тоже получает в подарок красный колпак за свои труды.

Случается, что крупная дробь, ножи, стеклянные изделия, несколько листов бумаги, фланелевый жилет или куртка тоже входят в расчет за несколько лишних панно, но тогда эта сумма вычитается из общего количества бумажной ткани.

Ткань эта бывает белая или синяя, полосатая или клетчатая; ширина этой материи не более тридцати шести дюймов, она производится в Англии, где нарочно ткется по известному образцу, которого строго придерживаются, потому что негр осматривает с большим вниманием каждую штуку отдельно и отложит в сторону тот кусок, который хотя бы на одну линию разнится по размерам от образца.

Негр всегда имеет при себе свою меру, состоящую из обрывка веревки, которым он измеряет всякую предлагаемую ему штуку.

Он никогда не забывает попросить несколько панно цветного ситца или платков, которых обыкновенно дарят ему четыре штуки. Ситец — это любимая ткань негров, но он поуже других бумажных материй.

Фланель покупают синюю, красную или желтую, но всегда гладкую.

Вот способ, которым производится торговля невольниками обоих полов. -Продавец всегда выводит невольников на показ по одному, разве только случится мать вместе с маленькими детьми. Он является в помбо в сопровождении своего приятеля или посредника; и тот и другой предлагают невольников, не похваляясь товаром. Только молодая невинная девушка подвергается их восторженным расхваливаниям, и за нее требуют высшую цену. Мулат начинает с того, что щедро угощает обоих негров-продавцов лучшей тафией. Это неизбежная предварительная статья всех торговых договоров, которые длятся иногда чуть не полсуток. После того как приходят к соглашению насчет цены и выбора предлагаемых предметов, мулат заключает торг новой

бутылкой тафии, которая еще лучше первой и оказывается мигом выпитой до дна. Мулат пользуется опьянением негров и старается заменить выбранные предметы другими, худшего достоинства, и если по условию следует дать еще тафии, то не жалеет уже и воды, чтобы подмешать туда.

Пока происходит торг, мулат имеет полную возможность осмотреть предлагаемого невольника со всей тщательностью; но только в ту минуту, когда выбранные товары уже переданы на руки неграм, невольник отходит от продавца и становится около покупателя. Впрочем, покупатель не имеет права снять веревки, связывающие руки невольника, который в противном случае опять становится собственностью продавца. Совершить эту церемонию имеет право только торговец, и после этого невольник переходит в лавку мулата.

Число невольников, ежегодно продаваемых на рынке в Биге, доходит до шести тысяч, в пропорции три женщины на двух мужчин. Мулатов, поселившихся там для этой торговли, насчитывается не менее пятидесяти человек. Они отправляют своих невольников в Анголу и Бенгелу более или менее многочисленными толпами под надзором помбейруш, в сопровождении нескольких негров. Бывали случаи, когда толпы несчастных возмущались против вожakov и убивали их, чтобы возвратить себе свободу».

Агент Ронтонаков содержал много мулатов и помбейруш, чтобы иметь лагеря невольников на всех внутренних рынках. Но самые значительные обороты производил он с властями Бенгелы. Снизу доверху общественной лестницы все служащие увеличивали свое жалованье, создавая всякие препятствия торговле неграми и образуя для этого даже товарищества. Ежегодно длинные караваны помбейруш приводили в неизвестную бухту Анголы либо в пустынный залив Бенгелы сотни невольников.

Мы, в сущности, почти ничего не знаем о внутренних районах Центральной Африки, основных поставщиках рабов. Давно уже Португалия уверяла, что ее путешественники открыли путь сообщения между обоими берегами и что у них сохраняются превосходные описания этих исследований, но только в рукописях. Когда же научный мир изъявил желание видеть их, лиссабонские ученые постарались выпутаться лживым показанием, что правительство держит эти

летописи в величайшей тайне, не желая возбуждать зависть других европейских держав.

Только трое португальцев — Бальтазар Рибелью, Хозе да Роза и в последнее время Грегориу Мендеш пытались в разные эпохи произвести поиски путей сообщения с западными берегами.

Из сочинений Фео Кордозо и Гефера можно извлечь следующее показание о давнишней попытке Мендеша.

Экспедиция, состоявшая из тридцати европейцев и тысячи негров-туземцев, вышла из Бенгелы 30 сентября 1785 года, направляясь на юго-восток до Квипапа, где находится горячий сернистый источник. На другой день, следуя все по тому же направлению, она обошла подошву горной цепи и сделала привал в Домбоде-Квинзамба — местности, пересекаемой рекою Копороло. Через несколько дней нутешественники пришли к горе, имевшей форму обширной крепости и омываемой морскими волнами. Как раз около этих гор оказался неизмеримый лес, простирающийся далеко внутрь страны и пересеченный рекой, которая в то время высохла. Посредством множества каналов эта река сообщается со многими озерами пресной и соленой воды. Почва кажется плодородной в этом месте. Высокие деревья, покрытые густою листвою, разнообразят ландшафт и служат убежищем бесчисленному множеству диковинных птиц, которых негры из племени мумбиду квиленга некогда продавали португальцам в Бенгеле. Географическое положение этой местности определяется под четырнадцатым градусом южной широты. Негры этой области, называемой Синге Тенг-Бари, живущие также в горах, разделяются на небольшие племена, сохраняющие предание о том, что их деды подчинялись некогда общему правительству. Во время путешествия Мендеша эти племена как раз заботились об избрании короля, который соединил бы их в одно государство под державою одного из потомков прежних вождей. Португальцы нашли на севере деревушку, состоявшую из двадцати хижин; отсюда они взяли с собою четырнадцать негров, которых потом отправили обратно, после того как одели их, дали им некоторые понятия о земледелии, подарили кой-какие земледельческие орудия и немного семян для засева. Эти дикие орды не имеют никакого понятия о торговле; они питаются молоком, дикими плодами и рыбою, но более всего любят какой-то корень, который имеет скорее свойство утолять

жажду, нежели голод. Караван пробыл в этой деревушке два с половиною дня для исследования леса и берегов реки. Он расположился лагерем на морском берегу и устроил плот для ловли рыбы. Тут представились новые преграды для продолжения нутешествия вдоль берегов, и потому решено было переплыть залив Лапа. Исполнив это, экспедиция сделала опять двухдневный привал, чтобы запастись рыбою. 26 октября пройдено было две мили внутрь страны, для того чтобы избежать холмов, обрамляющих море, а потом караван повернул к озеру, находящемуся на юге от Мезаза, берега которого покрыты густою травою и лесом. Маленькое озеро и его речка, теряющаяся вдаль, называются туземцами Монай-айганду, то есть «сын ящерицы».

27 октября, после пятидневного перехода, они пришли к речке, впадающей в озеро Квисса. Вода в этой речке, соленая в устье, имеет замечательно приятный вкус в своей верхней части и в колодцах, выкопанных по берегам. Почва этой местности лесиста; плавание по реке затруднительно. Море яростно разбивает свои волны о небольшой остров как раз напротив берега. Во всей местности не нашлось ни одного человека; видно было, однако, по различным вещам, оставленным здесь, что тут были люди, бежавшие в горы. Путем измерения определили, что это место лежит под $14^{\circ}1'$ (У южной широты).

С 1 ноября они опять пустились странствовать по гористой стране до самого русла пересохшей реки, где потеряли морского офицера Мигуэля Пиньеро, который сам вызвался участвовать в экспедиции. На другой день сделали привал на берегу пересохшего озера, где можно было достать пресную воду, выкопав колодезь. Главное страдание каравана заключалось в том, что приходилось постоянно пить соленоватую воду. 3 ноября была пройдена местность более ровная, где земля казалась выжженной и кое-где имела ярко-красный цвет. Ручей, вытекающий из большой реки, теряется в озере, лежащем между двумя горами. Слепая старуха негритянка объяснила португальцам, что взморье находится в какой-нибудь миле и что туземцы недавно умертвили там несколько белых. Действительно, пройдя с милою, экспедиция вышла к дикому порту, которому дала название Порто-Ново-Мосамедеш в честь главного вождя Анголы. Этот порт находится на косе посреди залива Негро. Сама река чрезвычайно богата рыбой. Негры, живущие по ее

берегам, бежали во внутренние страны при приближении каравана, опасаясь, что португалцы посланы наказать их за умерщвление экипажа какого-то судна.

Мендеш отправил два отряда для исследования реки Рио-дас-Мортес, впадающей в залив Негро. Один из отрядов захватил больного старого негра, который сообщил, что племена, живущие в этих местах, очень немногочисленны, имеют много овец, но очень мало крупного скота. Старик признался также и в том, что его земляки живут большею частью грабежом и что в молодости он был тоже ловким хищником.

Другой отряд уже почти настигал орду туземцев, но те прибегли к хитрости и оставили на месте двести овец, чтобы привлечь внимание врагов, а сами бежали со всех ног с остальными стадами. После четырехдневного привала караван опять нустился в путь. Старый негр служил им проводником. Пришлось идти три дня по песчаной почве, чтобы сделать только одиннадцать миль. Река Рио-дас-Мортес засорена за две мили от приморья множеством деревьев, занесенных сюда наводнением. На протяжении восьми миль тянутся две цепи гор, которые не образуют ни малейшего ущелья для прохода. На обширной песчаной равнине у подошвы гор можно найти во всякое время года большое изобилие воды, остающейся после дождей и скопляющейся в натуральных водоемах. Эти горы покрыты роскошной и разнообразной растительностью, оканчиваются в стране Кобалы, на границе Уамбы, смежной с областями Умбы и Шаунгро, на западном берегу реки Кунени.

Негры в этой части Африки питаются мясом коров и баранов, дичью, маслом и фруктами; их хижины делаются из соломы, а сверху покрываются смесью земли с коровьим навозом, которая не пропускает дождя, после того как высыхает и отвердевает под влиянием солнечных лучей.

22 ноября караван направился в область Бумбо. Перебравшись через речку, впадающую в Рио-дас-Мортес, он шел в продолжение двух дней вдоль ее русла и нашел в песке кору кристаллизованной селитры. Вода в этой реке солоновата; на берегах пасутся великолепные стада. Ширина определена под 14°40' на юге. Спросили у пленников, сохранилось ли у них предание о торговых сношениях их предков с белыми, негры отвечали, что никакого предания в этом роде не существует. Действительно, они не имели по-

нения о другой одежде, кроме коровьих и овечьих кож. Туземцы этих стран замечательны пропорциональностью и красотой телосложения.

Мендеш уверяет, что из всей Западной Африки, известной португальцам, Бумбо — лучшая страна по своему климату, плодородию, местоположению и непередаваемой красоте ландшафтов. В нее входит цепь гор, захватывающая полукругом значительную часть между северо-востоком и юго-востоком; население многочисленно и воинственно. С вершины гор скатывается река и разделяется посредством искусственных спусков на множество каналов, которые оплодотворяют необозримые поля пшеницы, маиса, ржи и табака; туземцы готовят табак, сдавливая листья его между двумя камнями. Они умеют также удобрять землю, от природы тучную, употребляя для этого золу различных трав.

«Искусство проводить воду посредством каналов, — поясняет Мендеш, — было заимствовано неграми из Древнего Египта, но это единственный пример, очевидцем которого я был за все мое долговременное пребывание в Африке».

Область Бумбо находится в двадцати восьми милях на север от порта Мосамедеш, под 15° южной широты.

С 4 декабря экспедиция продолжала свой путь вдоль той же горной цепи; негры, живущие здесь, трудолюбивы, мужественны, но склонны к хищничеству, хотя их страна богата средствами к жизни. Во время этого перехода было замечено огромное количество удивительных плодов и колоссальных деревьев, на которых Мендеш вырезал несколько надписей. Эта провинция, называемая Отамба, лежит под 14° южной широты, на расстоянии тридцати шести верст от моря. Наконец экспедиция достигла Домбе-да-Кин-Замба, где закончились ее труды.

Экспедиции по исследованию восточных берегов были предприняты в старину Баретой в 1570 г., Силвой в 1571 г. и полковником Ласердой в 1796 г. Их старания не увенчались успехом.

Дувиль — единственный старинный путешественник, который, пытаясь пробраться на восточный берег, исследовал Анголу, Конго, Лоанго и все внутренние страны Южной Африки. Не подозревая еще об их существовании, он добрался до окрестностей озер Танганьика и Виктория, то есть

побывал вблизи знаменитых истоков Нила, открытых впоследствии Грантом, Спиком и Ливингстоном.

Путешествие, совершенное Дувилем, так необычайно и богато открытиями географическими и этнографическими, что англичане из национальной ревности объявили их

лживыми и обвинили Дувилья даже в торговле неграми, уверяя, что он никак не мог бы странствовать по столь опасным странам, если бы ему не сопутствовали целые караваны невольников.

Точно так же впоследствии Шайю, исследователь Габона, встретил за границей самые яростные нападки и даже хуже — не получил ни малейшей благодарности от своих соотечественников, между тем как последующие исследования доказали правильность его ученых изысканий.

В конце своей книги Дувиль описывает нам все затруднения, ожидающие нутешественника в Центральной Африке. Над этими описаниями следует хорошенько подумать.

«Многие причины, — пишет он кратко и даже сбивчиво, — еще долгое время будут препятствовать тому, чтобы эта страна сделалась известной. Главное — это те утомительные лишения, которые надо выносить во время странствования. Но наряду с этими препятствиями, зависящими от климата и опасностей, существуют и другие затруднения. Подобное нутешествие требует значительных издержек. Кто вздумает предпринимать его, тот должен знать наперед, что невозможно и шага сделать без значительной затраты; это нельзя понять, пока не узнаешь по опыту. Каждый день надо проходить пешком около шести миль под жгучим солнцем в климате, где средняя температура на солнце 36°; кроме того, если желаешь путешествовать с пользою для науки, то следует не отдыхать, а посвящать все время на исследование свойств почвы, надо собирать минералы, растения, животных, все это записывать, производить астрономические наблюдения и исправлять карты.

Чтобы путешествовать с безопасностью в местах, где законы и обычаи совершенно отличны от всего существующего в цивилизованных странах, надо непременно иметь многочисленную охрану. Питаться приходится здесь бобами, кореньями маниока, мясом слонов и других животных, убиваемых на охоте; поэтому необходимо носить с собою съестные припасы на случай предстоящей нужды.

Негры не могут доставлять иную провизию, кроме вышеперечисленной; но и в этом у них мало излишка, потому что они берут у природы ни больше ни меньше, чем необходимо для их личного существования.

Между тем во всех краях Африки очень много кур, и это единственно здоровая пища. Охота на кур — главное подспорье путешественника. Наконец, надо опасаться еще и недостатка воды в песчаных бесплодных местностях, почти повсеместно встречающихся во внутренних странах. Следовательно, крайне необходимо носить с собою и запас воды на пять или на шесть дней. Если путешественник предастся невоздержанности в еде или питье, то в короткое время последствия ослабляют его и сводят в могилу».

Можно, впрочем, составить себе понятие о крайней трудности путешествий по внутренним странам Африки по распространенной поговорке: «Трехмесячного странствования здесь достаточно, чтобы убелить волосы и разрушить тело белого или мулата».

Ангола граничит на севере с Конго, на востоке — со страной Матамба, на юге — с Бенгелой и на западе — с океаном. Она лежит между 8° и 11° южной широты.

Эта область орошается Кванзой, значительной рекой, устье которой имеет более трех миль ширины; начало реки неизвестно. Огромные водопады, загроможденные деревьями, служат препятствием судоходству до такой степени, что нет возможности доплыть вверх дальше Камбамбе, находящегося за сорок или пятьдесят миль от моря.

От устья до Камбамбе река усеяна островами, изобилующими дикими козами, свиньями и дичью; туземцы, пользуясь плодородием этих островов, разводят на них обширные поля маниока.

Путешествие для исследования берегов Кванзы по направлению к Камбамбе, Массангано, Понго и Куниги могло бы возбудить самую предприимчивую, настойчивую волю даже в наши дни.

Пройти Африку от Анголы до Килимансы, то есть по дороге, весьма недостаточно исследованной Ливингстоном, исследовать истоки обеих рек, изучить на месте племена на окраинах Анголы, Бенгелы и верховьев Замбези, обогатить этнографию и естественную историю открытиями — вот итог этого чудесного путешествия, которое довершило бы

исследования великого английского путешественника Ливингстона.

Город Луанда разделяется на верхнюю и нижнюю части; расположенный амфитеатром, он представляет живописную картину. Его защищают три крепости и два форта. Одна крепость расположена на высоте и господ-

ствует над нижним городом; другая крепость стоит у самого моря, и ее батареи находятся на одном уровне с поверхностью воды; тут пороховой магазин. Третья крепость перекрещивает свой огонь с огнем небольшого форта на оконечности острова.

Город имеет вид подковы и кажется гораздо больше, чем есть в действительности. Он очень хорошо построен; улицы в нем прямые и широкие; некоторые дома каменные, но большинство глинобитные; фасады домов выбелены известью и ослепительны для глаз при ярком солнце. Тротуары и земля около домов покрыты раковинами, обложенными известкой; в нижних этажах находятся винные магазины; купцы, виноторговцы и харчевники тоже проживают в нижних этажах. Крупные же негоцианты всегда занимают верхние этажи. В городе есть бойня, но очень небольшая, так что бедные люди с трудом могут получить мясо один раз в две недели. У начальства, разумеется, ни в чем нет недостатка, но ему и дела нет до нужд народа. Рыбы на этом берегу очень много.

Луанда получает прямо из Португалии водку, вино, муку, сухую рыбу, варенье и некоторые мануфактурные изделия; но самая важная торговля производится с Бразилией, которая отправляет в Луанду сахар и тафию. За вино и спиртные напитки платится ничтожная пошлина. Город Луанда — важный пункт довольно значительной торговли с внутренней Африкой. Мелочная торговля находится в руках негритянок. На главных улицах они устраивают небольшие палатки с помощью четырех палок, воткнутых в песок и покрытых парусиной; тут украшенные кольцами и цепочками черные красавицы восседают посреди своих товаров. Они ходят также по домам в сопровождении невольников, несущих за ними короба, подносы и лотки с товаром.

В городе Луанде нет другой воды для питья, кроме той, которую берут из Бенго. Вода эта вредна, потому что русло реки заросло тиной: жители сбрасывают в нее всякого рода нечистоты, там же перегнивают листья, падающие с деревь-

ев, и даже самые деревья; все это в соединении с трупами крокодилов отравляет воду смертоносными миазмами, которых не могут устранить никакие очистительные машины.

Народонаселение Луанды доходило в XIX веке до 5152 человек.

С тех пор как запрещена торговля неграми, у негоцианта нет других предметов торговли, кроме воска и масла, что, конечно, не имеет большого значения. Доходы заключаются в налогах на домовладения и торговлю; расходы на содержание войска, гражданских чинов, курьеров, духовенства, на выдачу пенсий и другие нужды далеко превышают доход.

Остров Луанда на расстоянии нескольких сот метров от берега находится почти напротив города того же имени и богат превосходной пресной водою. Достаточно сделать ямку в фут глубиной, чтобы в песчаной почве показалась чистая и превкусная вода. Всего замечательнее то, что эта вода, оставаясь в яме на открытом воздухе в течение двадцати четырех часов, становится соленой, так что приходится рыть новую яму. Жители уверяют, что это морская вода, которая становится пресною, просачиваясь сквозь песок.

Почва в окрестностях города малолесиста; растительность бедна, что способствует болезням, производящим большие онустошения среди туземцев и приезжих. Дожди, очень редко перепадающие в другие времена года, в марте и апреле льют ручьями. Таким образом на низменностях и в болотах накапливается много воды, которая делается стоячею и, высыхая, дает вредные испарения.

Одной из главных причин частых эпидемий в Луанде является скопление многочисленных невольников в каждом доме; в такой толпе нет возможности соблюдать самые простые правила гигиены, и болезни быстро распространяются.

Другая, не менее могущественная причина смертности — излишества, которым предаются жители. В Луанде не существует никаких общественных развлечений; за это лишние люди вознаграждают себя крайним невоздержанием в пище. У богатых людей каждый день пиры и кутежи. Все кушанья приправляются пряностями и подаются в очень горячем виде. Лучшие вина из Оporto и Лиссабона льются рекой. Женщины еще невоздержнее мужчин и охотно принимают участие в пиршествах, которые всегда кончаются сценами, оскорбительными для чувства чистоплотности. Женщины редко выходят из дому, но пользуются каждым

случаем, чтобы как-нибудь позабавиться в своем однообразном существовании. У коренных жителей зато развлечения куда наивнее.

Негр — страшный любитель пляски и прекрасный, хотя и не признанный танцор; при малейшем звуке тамтама или батука он начинает подпрыгивать. Вот каким образом проходит обыкновенная пляска: участвующие в ней составляют полукруг; один из участников выходит на середину, начинает кривляться, судорожно подергиваться и кружиться; потом подбегает к какой-нибудь женщине и грудью ударяется прямо о ее грудь; женщина, увидав его приближение к себе, так выпячивается, что столкновение двух тел заглушает даже музыку. Затем женщина оставляет свое место, выходит в середину круга и, покружившись, вызывает какого-нибудь мужчину точно таким же способом, каким только что вызвали ее. Пляска продолжается до тех пор, пока хватит у музыкантов силы. На всех пирах, на всех церемониях, при рождении и на свадьбе, эта пляска — неизбежная принадлежность праздника. В некоторых местностях даже похороны сопровождаются плясками.

Все население Анголы можно разделить на европейцев, негров и мулатов. Первый разряд состоит из гражданских и военных чинов и ссыльных, которые по мере сомнительного исправления замещают вакантные места в войсках или общественных учреждениях. Этот разряд — самый немногочисленный; большая смертность вследствие нездорового климата и кратковременность пребывания в этих местах всех приезжих — вот причины, постоянно препятствующие его увеличению. Негры, наоборот, наиболее многочисленны; коренное население трудолюбиво, терпеливо, смыслено и обнаруживает большую способность к механическим работам. Смешанный же класс цветных людей не так силен и не так способен; к тому же он гораздо малочисленнее, потому что постоянное смешение биологических пород малопомалу сглаживает разделяющие их оттенки. Следует отметить, что народонаселение Анголы постепенно уменьшается. Ведомости об умерших и вновь родившихся не оставляют и сомнения в этой печальной истине.

Официальное запрещение торговли черным деревом, то есть неграми, выгнало отсюда толпу европейских авантюристов, постоянно налетавших в эти страны и прививавших

молодую, но испорченную кровь старым расам креолов, которые теперь быстро угасают в болезнях и одиночестве.

Сан-Фелипе, столица Бенгелы, находится в еще худшем положении, чем Луанда; тут едва ли можно насчитать три десятка белых. Почти все они на службе у правительства и получают очень скудное жалованье; все они стараются улучшить свое положение прибылями, доставляемыми тайным покровительством запрещенной торговли.

Место, где «Оса» стала на якорь, известно жителям Бенгелы под названием Рио-дас-Мортес, то есть «бухта реки мертвецов».

2. Король Гобби. — Тревога

На другой день по прибытии «Осы», еще до солнечного восхода, все люди на шхуне были разбужены оглушительным концертом.

Король Гобби, несколько дней поджидавший их в лесу с шестью или семью сотнями невольников, нетерпеливо желая приступить к обмену товаров, послал придворных музыкантов сыграть серенаду своим добрым друзьям европейцам.

Мигом все были на ногах и при бледных лучах рассвета увидели человек двадцать негров, присевших на корточки; одни из них словно бешеные колотили в горлянки, покрытые шкурою обезьяны, а другие что было силы пыхтели в трубы, сделанные из молодого бамбука.

Вскоре появился и сам Гобби, окруженный своими женами, царедворцами, сотнею воинов, вооруженных кремневыми ружьями, и тремя гангами, или жрецами великого идола Марамба... Все тут было: двор, знатное воинство и духовенство... Жены освежали Гобби, обмахивая его опахалами, и веселили пением и плясками; царедворцам же, исполняющим долг службы при королевском величестве, вменялось в специальную обязанность заботиться о его туалете и наливать для него алугу, иначе говоря, тафию; кроме того, долгом службы предписывалось им либо хохотать до конвульсий, либо выражать судорожное отчаяние, смотря по тому, был ли весел или печален их король.

Самая завидная должность, с которою были соединены величайшие преимущества, заключалась в звании носителя трубки; этот высокий сановник, находясь в близких сношениях с королем, имел постоянно случай что-нибудь подце-

пить от него для себя и своих; ему доставались остатки в бутылке с тафиею, когда всемилостивый Гобби благоволил не разом ухнуть все до дна; он питался объедками с королевского стола, donaшивал ветхие мундиры и был главным раздавателем — вроде канцлера — ордена Звезды Сардинки.

Чтобы возбудить соревнование в рядах армии и подражая тому, что он видел у белых, Гобби по возвращении из Сан-Паола-да-Луанда ввел у себя знаки отличия. Сардинки доставляют значительные средства при меновой торговле, потому что негры в Конго — страстные охотники до этой рыбы; таким образом, и пришло в голову милостивому властелину собирать со всех коробок этих консервов металлические овальные бляхи и жаловать их как орден отличия за военные и гражданские доблести. Как человек сообразительный, он грозил смертной казнью каждому подданному, который осмелится съесть коробку сардинок, не прислав немедленно жестяную бляху в казнохранилище его величества; будучи милостивым, он заменял, однако, казнь вечным рабством, что, конечно, приносило ему больше выгоды.

В самое короткое время в королевскую канцелярию поступило несколько бочек с жестянками, и Гобби, будь у него на то охота, мог бы немедленно разослать орденскую звезду всем монархам всего мира, своим союзникам и собратьям по глупости. Но он удовлетворился тем, что по праву соседа пожаловал звезду губернатору Сан-Паоло-да-Луанда, который немедленно отвечал на эту любезность посылкою ящика со старыми вышитыми мундирами, долженствовавшими украсить его африканское величество.

Впоследствии какой-то немецкий ботаник забрел в его владения, чтобы собирать местные растения; Гобби не упустил случая отправить с ним орден его государю, так что в 186* году только два европейца получили такое почетное отличие: португальский губернатор в Конго и потомок Фридриха Великого.

У короля Гобби было до пятидесяти ящиков, которые всюду следовали за ним; в этих ящиках хранились разнообразнейшие костюмы: пожарных, жандармов, горцев, швейцаров, сенаторских привратников и прочие нарядные мундиры, которые он надевал, смотря по обстоятельствам и особам, являющимся к нему на аудиенцию.

Мундиры эти доставались ему — иные как знаки дружбы и почтения европейских монархов, другие же — в числе товаров при обмене на негров, приобретаемых иностранными

судами. Несчастные, приставленные охранять эти драгоценные старые пожитки, проводили жизнь в непрерывных мучениях, потому что при малейшей неисправности, потерянной пуговице или протертом галуне они отрешались от должности и даже часто поступали в число невольников, которые обменивались на новое платье.

Биография Гобби была бы очень уместна в истории завоевателей. Так, например, при вступлении на престол своих предков он начал с того, что отравил всех дядей и племянников, приглашенных к нему на пир, с весьма понятной целью: чтобы они в свою очередь не выжили его. После этого он сформировал грозную армию, вторгся во владения соседних королей послабее его и тогда округлил свое королевство их владениями. Так как он, подобно всем государям мира, любил блестящие мундиры, хорошее оружие, тафию, цветные материи, шляпы с плюмажем, ножички и зеркала, а все это можно получить только от европейцев, то он три-четыре раза в год вторгался во владения соседей и каждый раз захватывал до пяти или шести сот пленников, которых продавал на известном месте берега. Подданные слепо повиновались ему, потому что ганги с детства приучили их к мысли, что король есть священный образ великого Марамбы на земле.

По словам нутешественника Баттелла, идол Марамба помещается в корзине в виде улья, поставленной в большом доме, в которой устроено капище. Этот идол служит для открытия воров и убийц. При малейшем подозрении ганги, или жрецы, прибегают к разного рода колдовству; если кто-нибудь умрет в это время, то соседи должны поклясться Марамбою, что не принимали участия в его смерти. Если же дело шло о знатной особе, то вся деревня обязана под присягою засвидетельствовать свою невиновность.

Для принесения присяги негры становятся на колени, берут идола в руки и произносят следующие слова: «Эммо сиче бембес, о Марамба». Это значит: «Готов подвергнуться пытке, о Марамба».

Существует поверье, что преступники падают мертвыми, произнося ложную присягу, даже если прошло тридцать лет после совершенного ими преступления. Можно понять, до какой степени народ благоговеет перед королем, царствующим милостью великого Марамбы, перед идолом которого совершаются такие великие чудеса. Добродушный Баттелл заверяет, что он провел целый год в этой стране и был оче-

видцем, как шестеро или семеро виновных погибли при этом испытании; надо думать, что эти бедняки были не в ладах с колдунами, призвавшими на них гнев великого Марамбы.

Подобные суеверия вообще господствуют от Бенгелы до мыса Лопеса. Для служения Марамбе посвящают мужчин и женщин с двенадцатилетнего возраста. Ганги запирают избранных в темную комнату, где заставляют их долго поститься, потом выпускают их со строгим приказанием сохранять молчание в продолжение нескольких дней, несмотря на все старания других заставить их говорить. Это посвящение обрекает новичков на всякого рода истязания. Наконец ганга представляет их идолу и, сделав на их плечах надрезы в виде полумесяца, заставляя поклясться кровью, текущей из этих ран, что навеки пребудут верными великому Марамбе. Ганга запрещает новым жрецам употребление известной пищи и налагает на них обязанности, которые они должны строго выполнять; свидетельством их посвящения является ящичек с какою-то святынею от Марамбы, который они носят на шее.

Гобби никогда не выходил из дома без идола — покровителя его царственного рода, и когда выпивал порцию тафии, что случалось пять-шесть раз в день, он не забывал пролить к подножию кумира несколько капель в виде жертвенного возлияния.

Из этого видно, что Гобби, как государь по наследственным и божественным правам, имел полное право продавать своих подданных за тафию и каски пожарных, потому что подданные были его собственностью, его имуществом и наследственным достоянием; ясно также, что в силу божественного закона ему дано было право употреблять во вред ближнему и на свою потребу власть над подданными, не имеющими счастья быть избранниками Марамбы.

В сущности, Гобби был милостивым монархом, совсем не эгоистом; он позволял окружающим его царедворцам, жрецам, воинам и сановникам вдоволь грабить то, что, пресытившись, он забыл или не удостоил захватить сам. Не совсем удобно было подходить к Гобби, когда он, бывало, выпьет через меру; королевы и прелестные принцессы тогда бежали от него, скрываясь в темных уголках леса в ожидании, когда он снова облечется величественным спокойствием и священным достоинством, которые в Африке, как и в

Европе, считаются неотъемлемыми принадлежностями особ королевской крови.

Если же августейший властелин, протрезвляясь, не видел пред собою своих жен, он приходил в такую ярость, что, не щадя сил, начинал колотить царедворцев направо и налево, и это благотворное упражнение содействовало малопомалу успокоению его духа.

Он переносил свои границы по очереди от берегов Кванзы до истоков Кванго и силою заставлял прибрежные племена озера Куффуа платить ему дань. Он часто сражался с соседями, имея под своей властью тридцать тысяч воинов, и, конечно, ему доставало только искусного историографа, чтобы получить право на уважение и почести потомства, которое во все времена спешит воздвигать жертвенники и монументы своим старым тиранам.

Около Гобби всегда стояли два дудо или колдуна-альбиноса, обязанные советовать с небесными светилами и внутренностями людей, принесенных в жертву идолам, без чего великий властелин негров и шага не делал.

По указанию путешественников, это племя вырождков-альбиносов встречается довольно часто на берегах Конго. Негры оказывают им особый почет, доходящий до такой степени, что они имеют право забирать даром на рынке и в хижинах все, что им заблагорассудится.

Эти два дудо исполняли также обязанности докторов при короле Гобби.

Когда его величество прибыл на место, избранное им для заседания, ганги и дудо стали нашептывать заклятие на земле, удостоенной чести поддерживать властелина, обрядовые заклятия из опасения, чтобы злые духи не проскользнули под траву с умыслом повредить ему; для изгнания их произносились волшебные наговоры. Этот обряд имел тем большее значение, что великий Гобби, не ведая употребления некоторых частей одежды, одевался так, что значительная часть его священной особы оставалась беззащитной при нападениях неприятелей, которые умели превращаться в муравьев, скорпионов и жуков.

Тщательно очистив бугорок, указанный пальцем милостивого властелина, великий жрец, глава всех гангов, три раза плюнул на это место, чтобы показать все свое презрение к нечестивым врагам, имевшим малодушие спрятаться там; потом он разостлал крокодиловую шкуру, которая при

одном прикосновении Марамбы стала неуязвимою, и тогда только Гобби, великолепный Гобби, мог, наконец, сесть.

По случаю такого важного события он облекся в самый роскошный костюм. Ноги его выглядывали в натуральном состоянии из великолепного мундира английского адмирала, а на голове вместо короны возвышался высокий, белый, довольно элегантный цилиндр. Парадный костюм довершался палкою тамбурмажора.

Принцы и принцессы крови, царедворцы, словом, весь двор разместился вокруг короля по правилам строжайшего этикета. Тогда вышел на палубу Ле Ноэль со своим штабом и приказал сделать двадцать один выстрел из ружей в честь своего друга Гобби; затем он сошел на берег с бутылкой тафии в руке для ознаменования начала торговых переговоров.

— Сколько привел невольников? — спросил капитан у старого продавца черного дерева.

— Двести двадцать женщин, четыреста пятьдесят мужчин и шестьдесят детей.

— Какая твоя цена?

— Сто тридцать панно.

— Слушай, Гобби, — сказал Ле Ноэль, грозно нахмутив брови, — мне некогда терять время с тобою, надо, чтобы все это было погружено на корабль до захода солнца и чтобы завтра к вечеру «Оса» успела воспользоваться попутным ветром и уйти в открытое море. Нам некогда с тобою торговаться. Бери настоящую цену, если хочешь иметь с нами дело, а иначе я сейчас же прикажу сняться с якоря и отправлюсь на мыс Фрио, к королю Овампо.

— Ну-ну, ты заплатишь мне настоящую цену, — отвечал Гобби, иснуганный мыслью, что товар останется у него на руках. — Итак, решено: девяносто пять панно.

— Нет, девяносто ровно.

— Ведь мы ходили двадцать пять дней, прежде чем добрались до берегов Кванго.

— Ни одного панно не дам больше, слишком мало детей.

— Согласен на девяносто панно, — отвечал властелин Кассанцы, Кванго, Куффуа и других стран, — но ты должен дать в придачу сто ящиков рома для моих жен, вельмож и воинов и еще двадцать пять ящиков для ганг великого Марамбы.

— Согласен, но с тем, что это будет твое последнее требование.

— Дело кончено, можешь наливать алугу.

Капитан Ле Ноэль откупорил бутылку, выпил из нее глоток и передал ее Гобби: такую церемонию оканчивался всякий торг.

Получив этот драгоценный нектар, достойный властелина, потирая ладонью под ложечкой, три раза благоговейно поднес бутылку к губам и начал пить с нежностью, стараясь долго полоскать себе рот этим небесным напитком, прежде чем снустить его в желудок. Выпив до дна, он бросил пустую бутылку наземь, и тогда началась меновая торговля.

Несчастные невольники выводились в цепях на берег, в то время как матросы выносили товар с корабля. Каждый человек был продан за девяносто условных панно, считая ром, ружья, бумажные ткани и другие вещи. Жилиас осматривал невольника, а агент Ронтонака и Тука разделяли товар на доли. Как только товар и уплата за него были приняты с рук на руки, король Гобби снимал с невольника оковы.

Тогда два матроса уводили невольника на корабль и надевали на него ручные и ножные кандалы, а для нущей безопасности он прикреплялся к железному кольцу, вделанному в стену трюма.

К вечеру погружено было около трехсот негров.

«Ну, — думал Ле Ноэль, потирая руки, — завтра вечером мы будем далеко отсюда».

Отдав приказание продолжать погрузку и ночью, он хотел уже уйти в свою каюту, чтобы отдохнуть, когда к нему подошел Девис и с тревожным видом прошептал:

— Капитан, два туземца, прибывшие с приморья, уверяют, что видели в двух милях от прохода в Рио-дас-Мортес корабль втрое больше нашего и что он там стал на якорь.

— Что же вы думаете об этом, Девис? — спросил Ле Ноэль, бледнея.

— Боюсь, что это английский фрегат отыскивает «Доблестного». В таком случае...

— В таком случае нас захватят в самой берлоге, — закончил капитан, скрипя зубами. — Эти негры имели сообщение с людьми Гобби?

— Нет, потому что они потребовали с меня две бутылки тафии за сообщение этой тайны и, по-видимому, вполне понимают все ее значение.

— Арестуйте их, прежде чем они успеют переговорить с родичами.

— Они уже находятся под присмотром двух матросов, которым я поручил опознать их.

— Хорошо... до завтра надо их побережь. Если тревожное известие лживо, что очень вероятно, то, значит, эти мошенники просто захотели по пьянству за наш счет, но если это справедливо, то не следует допускать их к другим неграм.

— Я тотчас сообразил всю опасность, а потому и распорядился сам, прежде чем вам доложить.

— Вот еще что, Девис, выберите трех людей и отправьтесь к устью Рио-дас-Мортес; там осмотрите открытое море с помощью ночной трубки. Если увидите корабль, постарайтесь наблюдать за ним. Оставайтесь там хоть до солнечного восхода, лишь бы удостовериться в его намерениях. Если за это время окажется что-нибудь необыкновенное, сами — ни с места, а ко мне пришлите кого-нибудь.

— Капитан, не позволите ли мне один вопрос?

— Я слушаю.

— А если выйдет, что ошибки нет и что это английский фрегат пустился за нами в погоню?

— Тогда, значит, нас предали в Бордо, в Бразилии или в Сан-Паоло-да-Луанда.

— Что же тогда делать?

— Очень просто, погрузка наверняка кончится завтра к вечеру, мы снимемся с якоря и полетим на всех парах.

— Ну, а если завтра же утром фрегат пройдет через Рио-дас-Мортес и отрежет нам дорогу к выходу?

— Тогда придет конец «Осе». Я возвращаю свободу всем неграм, мы захватим оружие, запасы, взорвем шхуну и пойдем внутрь Центральной Африки. Как знать, Девис, может быть, мы положим основание новому государству на берегах Замбези, — кончил он с усмешкой.

— А мне в голову пришла другая мысль, — сказал юноша, не обращая внимания на его шутку.

— Посмотрим, что за мысль?

— Положим, что это действительно крейсер стоит там на якоре; мы в трех милях от устья реки, и через какой-нибудь час я разужаю, в чем дело. Но в таком случае не благоразумнее ли будет немедленно разводиться пары и поспешить с погрузкой, чтобы уйти отсюда за два часа до восхода солнца. Нет никакой вероятности, чтобы фрегат осмотрел проход до рассвета; следовательно, у нас есть средство ускользнуть от него.

— Вы правы, Девис, в вашей молодой голове много смысла. Лучше бросить негров, которых мы не успеем погрузить, чем погибать самим. Отправляйтесь же скорее на наблюдательный пост, и, что бы там ни случилось, через несколько часов мы будем готовы.

— Прощайте, капитан.

— Прощайте, дитя мое, — сказал Ле Ноэль, ласково пожимая ему руку. — Мимоходом скажите Верже, что мне надо видеть его.

3. Река мертвецов. — Корвет

Пять минут снуя Девис и трое матросов, вооруженные с ног до головы, плыли вниз по реке в легкой шлюпке по направлению к взморью. Чтобы не возбудить внимания негров, они в первое время снускались по течению и взялись за весла только тогда, когда их всплесков нельзя было слышать с берега.

Ночь была великолепна. Река Рио-дас-Мортес, освещенная луною, показавшейся на горизонте только через четверть часа после их отплытия, змеею извивалась меж берегов, покрытых бамбуком и магниферами. Легкий ветер, пропитанный нежными ароматами тамаринда, черного дерева, розовых акаций и эфиопского перцового дерева, освежал жгучую атмосферу. Нет ничего прекраснее этих тропических ночей, когда спадает зной и природа засыпает в тишине, полной благоухания! Изредка крики хищных зверей нарушают однообразное безмолвие и предупреждают путешественника о необходимости иметь наготове оружие...

Несколько минут спустя после того, как Девис ушел со шхуны, двое людей тихо прокрадывались в высокой траве по едва заметной тропинке между лесом и правым берегом реки. Эти люди были Барте и Гиллуа.

Весь день они наблюдали с живейшим любопытством за меновой торговлей и были проникнуты глубоким состраданием к несчастным жертвам этого гнусного торга. Утомленные печальным зрелищем и испытывая тяжелую досаду от невозможности вмешаться в происходившее перед их глазами, они вернулись вечером в каюту и случайно сели у окна под румпелем, откуда ясно слышали весь разговор капитана с Девисом.

В ту же минуту план их был готов. Захватив с собой оружие, они вышли на берег и, пока корабельные агенты торопились кончить погрузку, пустились в нуть, никем не замеченные.

— Что же мы будем делать? — спросил Гиллуа, первый прерывая молчание, после того как они отошли от шхуны так далеко, что нельзя было ни видеть, ни слышать их.

— Прежде всего, — отвечал Барте, — надо удостовериться в справедливости известия, доставленного неграми Девису.

— Это цель нашей попытки, и мы скоро узнаем, в чем дело.

— В таком случае ваш вопрос относится к тому, чего нам держаться, если увидим, что военный корабль действительно остановился на якоре неподалеку от берега.

— Именно так.

— Положение наше очень щекотливо. С одной стороны, мы связаны данным словом не искать спасения в побеге и не открывать крейсерам присутствие «Осы»; с другой же стороны, человеколюбие внушает нам долг всеми средствами бороться с преступлением, невольными свидетелями которого мы были.

— Мы дали слово не подавать сигналов только на море, но здесь...

— Разница очень невелика и, по-моему, не снимает с нас клятвы.

— Любезный поручик, — прервал его Гиллуа, — мои понятия о чести не так непоколебимы, как ваши. Как! Этот человек сажает нас на свой корабль, который занимается торговлею неграми...

— Но он не мог действовать иначе, — перебил его Барте, — его арматор обязан был это сделать по контракту с правительством и только исполнял-законное требование главного комиссара в Бордо.

— Положим, что так, но кто помешал бы ему высадить нас на берегу Испании, в Мадере или на Зеленом Мысе. У него были двадцать средств отделаться от нас.

— Все это не так легко исполнить, как вы думаете. Вы сами слышали, как Ле Ноэль рассказывал, что на Ронтонаках лежало подозрение в торговле неграми, а при таких обстоятельствах малейшая неосторожность или нетактичность была бы роковой для «Осы». Подумайте же сами, какая это

была бы неосторожность — высадить нас на первом встречном берегу и таким образом обличить себя в самом начале плавания, которое требует не менее трехчетырех месяцев спокойствия. Вы видели, чего ему стоило только направление к мысу Габона... Я понимаю, что по своему положению капитан Ле Ноэль обязан не отпускать нас от себя.

— Любезный Барте, можно подумать, что вы защищаете этого торгаша человеческим мясом.

— Нимало. Я только обсуждаю меры, которые он принужден принимать в интересах своей безопасности.

— Тем не менее я убежден, что слово, вырванное у нас под угрозой отправить нас на дно морское, не имеет никакого значения даже в глазах самой строгой нравственности. Что касается меня, я не намерен держать его. Как! Воры захватили меня и, приставив нож к горлу, взяли с меня клятву не выдавать их, а я буду считать долгом молчать, несмотря на то что перед моими глазами они будут совершать новые злодеяния! Полагаю, что в таком случае моя же совесть обвинила бы меня как сообщника преступлений, допускаемых моим молчанием!

— Может быть, вы и правы.

— Я совершенно прав! Вы, как человек военный, воображаете, будто наше положение имеет некоторое сходство с положением военнопленных, — отсюда и вся ваша щепетильность; но вам следует представить себе, что мы просто попались шайке разбойников, и тогда ваш рассудок придет совсем к другому заключению.

— Сознаю, что всякое ваше слово справедливо, и, однако, чувствую непреодолимое отвращение к нарушению слова, данного мною даже разбойнику.

— То есть слова, вырванного у нас насилем, а это совсем иное дело... Во всяком случае, если вы не можете преодолеть вашу щепетильность, предоставьте это дело мне, ведь вы не давали слова препятствовать моим действиям, а я-то уж сумею в данном случае принять меры, соответствующие положению.

— Тише! — прошептал Барте, схватив его за руку.

— Что такое?

— Смотрите и слушайте! — продолжал поручик шепотом, указывая по направлению к реке.

Товарищи остановились и среди неопределенного смутного гула морских волн ясно различили мерный звук весел,

исходящий от черной точки, которая скользила по воде в трех-четырёхстах метрах от них.

— Тут некому быть, кроме Девиса и его людей, — сказал Гиллуа, — но почему бы это вышло, что они не ушли дальше?

— Вероятно, что-нибудь задержало их на дороге; а теперь смотрите, с какою быстротою они уходят вперед.

— По-видимому, они направляются на тот берег; для нас это большое счастье, потому что таким образом мы не попадемся им на глаза.

После этого они молча продолжали дорогу, на каждом шагу с немалыми усилиями преодолевая препятствия. То вставала перед ними непроходимая чаща кустарников, бамбука и корнепуска, заставлявшая их делать значительные обходы; то вдруг ноги уходили в тянувшееся от реки до самой опушки леса болото, в котором можно двадцать раз утонуть, прежде чем перейти его наполовину.

Изредка доносился внезапный треск сухой травы или поломанных ветвей, а потом словно что-то тяжело шлепалось в воду — это они нарушали покой крокодила, отдохавшего на берегу.

Иногда же они прислушивались с невольным трепетом к реву тигров и пантер, которые, казалось, вызывали друг друга зловещими проклятиями. Не сознавая друг другу в своих впечатлениях, оба мысленно задавались вопросом, не безумное ли дело они задумали, пустившись по побережью неизвестной реки, окруженной болотами и лесами?

Вдруг в недалеком от них расстоянии пронесся странный звук, не похожий ни на трубный голос слона, ни на рев тигра, ни на рыканье льва, ни на визг шакала или гиены, и вслед за тем захрустели ветви бамбука, как будто кто-то раздвигал их руками.

Оба разом остановились, предчувствуя опасность, хотя и не понимали, какого она рода.

— Кто бы мог в такую пору снискаться с крутого берега? — прошептал Гиллуа на ухо товарищу.

Вместо ответа Барте потащил его в чащу бамбука, находившуюся неподалеку, и друзья, затаив дыхание, принялись ожидать последующих событий.

— Друг или враг, человек или зверь?.. Кто бы ни был приближающийся, подождем, пока минует опасность, — сказал Барте, притаившись в чаще.

Странные, необычайные звуки становились все ближе и ближе.

Вдруг, несмотря на врожденное мужество, оба друга почувствовали, как вся кровь прихлынула к сердцу, волосы на голове зашевелились.

Шагах в десяти от них громадная горилла вышла из чащи кустарников; в руке она держала толстую дубину, которою раздвигала мешавшие ей заросли. Ростом она была более восьми футов.

Прижавшись друг к другу, юноши еще больше затаили дыхание, чтобы не обличить своего присутствия. Зная, какова сила и свирепость этого необычайного животного, они вполне понимали, что при малейшей неосторожности им не миновать гибели.

Не торопясь и переваливаясь с ноги на ногу, горилла прошла мимо них прямо в лес; мало-помалу замерли вдаль звуки ее шагов, и только однообразный плеск воды нарушал безмолвие ночи. Да, друзья пустились в опасный путь!

Первый нутешественник, исследовавший Конго, был Баттелл, и, по его описанию, из всех родов обезьян горилла наиболее походит на человека: ее ладони, щеки, уши не покрыты шерстью. Хотя все остальное тело довольно мохнато, но шерсть не очень густа и темного цвета. Единственная часть, отличающая ее от человека, — это нога, не имеющая икры. Горилла держится всегда прямо, живет в самой дремучей чаще лесов, спит на деревьях, устраивая над собою нечто вроде крыши, чтобы защититься от дождя. В пищу она употребляет фрукты и орехи, но никогда не ест мяса.

Иногда гориллы живут стадами и убивают негров, попадающих в лесу. Нападают они даже на слонов, когда те приходят на пастбища, находящиеся во владениях горилл. Гориллы колотят этих великанов кулаками и дубинами так жестоко, что заставляют обращаться в бегство и выть от боли. По словам того же путешественника, гориллу нельзя захватить живьем, потому что сила ее так велика, что и десяти человекам не справиться с одной.

Шайю, знаменитый исследователь Конго, обогативший географию открытием Огове, громадной реки, впадающей в море у мыса Лопеса, описывает гориллу следующими словами:

«Сознаюсь, что я чувствовал ужас человека, готовящегося убить своего ближнего, когда увидел в первый раз го-

рилл. Они удивительно похожи на человека, обросшего волосами. Их рев производит такие необычайные, в ужас приводящие звуки, каких и в непроходимых лесах не услышишь. Я уверен, что за три мили мог бы различить рев гориллы, а за милю по крайней мере услышал бы, как она колотит себя в грудь руками. Ничто в мире не может дать понятия об этом грохоте, похожем на громовые раскаты, к которому я никак не мог привыкнуть».

Барте и Гиллуа перед отплытием в Габон прочитали почти все, что написано об этой части Африки, а потому нечаянная встреча с обезьяной-исполином, одолевающей львов и тигров, которых она разрывает на части своими мощными когтями, напомнила им, каким опасностям они добровольно подвергались. Это заставило их пожалеть, что они очертя голову сунулись в столь дерзкое предприятие. Зато чувство невыразимого успокоения овладело ими, когда они услышали гул океана, разбивавшего свои волны об утесистый берег. Еще четверть часа, и они достигнут своей цели.

Страстный взор устремили они на Атлантический океан, расстилавшийся перед ними неизмеримою скатертью, и невольно вскрикнули от радости, увидев в двух милях от берега судно, преграждавшее, по-видимому, выход из Рио-дас-Мортес. По его устройству они тотчас признали в нем военный корабль.

«Оса» захвачена!.. Вот первая мысль, которою они обменялись, потому что никак нельзя было приписывать случайности принятое кораблем положение как раз поперек реки. Таково было, по крайней мере, мнение Барте после продолжительного и внимательного осмотра.

— Вы правы, — отвечал Гиллуа, — не стал бы военный корабль бросать якорь так близко к земле, если бы не имел намерения наблюдать за каким-нибудь пунктом на берегу!

— Не может быть сомнения, что исчезновение «Доблестного» встревожило все флоты, крейсирующие в этих морях, и с тем большим основанием, что причина его гибели всем понятна: этот бой происходил так близко от берега, что непременно были свидетели.

— Ах! — вздохнул Гиллуа. — Будь у нас лодка, менее чем через полчаса мы были бы на корабле и...

— За этим дело не станет, — порешил его товарищ, — есть очень простое средство добыть то, чего нам недостает.

— Как же это?

— Подать сигнал крайней опасности.

— Но...

— А вот послушайте-ка меня, Гиллуа, — перебил Барте радостно, — я нашел средство к спасению. Взойдем на какую-нибудь возвышенность неподалеку от берега и разведем костер из хвороста и сухих листьев; первое поднявшееся пламя обратит на себя внимание корабля, и все подозрительные трубки устрелят в нашу сторону; мы встанем впереди костра, и все наши сигналы будут замечены. Благодаря нашим европейским костюмам там поймут, что мы просим помощи, и почти наверно можно сказать, что шлюпка не замедлит оказать нам ее.

— Скорее, друг, за дело! — воскликнул Гиллуа вне себя от восторга, что вскоре наступит минута освобождения.

— Сохраняйте спокойствие, иначе мы упустим из виду необходимые предосторожности. Разве вы забыли, что на этом берегу мы не одни?

— Правда.

— Надо так действовать, что если бы наш огонь был виден на той стороне Девису и его людям, они не могли бы даже и подозревать, с кем имеют дело. Положим даже, что они переплывут реку, чтобы узнать, что значит этот огонь на необитаемом берегу. Что же тогда? Они никак не могут поспеть сюда прежде шлюпки, пущенной с военного корабля! Вот почему нам надо устроить костер в таком месте, откуда огонь был бы виден с моря и совершенно закрыт со стороны реки.

Молодые люди повернули по морскому берегу и вскоре отыскивали небольшую бухту, которая была закрыта от берегов Рио-дас-Мортес песчаным холмом. Друзья немедленно развели костер из ветвей тамаринда, растущего около бухты, пересыпали ветки сухой травой и подожгли; огонь запылал мигом.

Юноши, стоя перед огнем, начали подавать сигналы кораблю.

План Барте был очень прост и обещал полный успех. Всякий корабль, стоит ли он на якоре или идет по морю, ни на минуту не прекращает наблюдения, и при малейшей тревоге вахтенные офицеры извещают капитана.

Несколько минут спустя ракета, пущенная с корабля, медленно поднялась к небу в ответ, что сигнал с берега принят.

В ту же минуту Барте выхватил из костра большое полено, объятые пламенем, и, помахав им в воздухе, бросил его в море, где оно зашипело и потухло.

— Спасены! — воскликнули друзья вне себя от радости и бросились друг другу в объятия.

Действительно, они увидели вскоре огонек, отделившийся от корабля и ставший явственно приближаться к берегу, перепрыгивая по волнам. Без сомнения, то был фонарь шлюпки, посланной к ним на помощь.

Затаив дыхание, Гиллуа и Барте следили за ее быстрым ходом... Наконец они увидали спасение не более как в трех или четырехстах метрах от себя; вне себя от радости они трижды крикнули ура, на что со шлюпки трижды ответили тем же.

В эту минуту сцена переменилась с быстротою молнии. Из высокого тростника вдруг выскочили четверо здоровенных людей, бросились на двух друзей, повалили их наземь, связали их по рукам и ногам с беспримерною быстротою и бегом увлекли за собою к Рио-дас-Мортес...

Обе жертвы с энергией отчаяния огласили воздух громкими воплями... По всей вероятности, эту сцену видели люди на шлюпке, судя по энергичным усилиям ее весел и той необыкновенной скорости, с которой она заскользила по волнам.

— Замолчите, господа, — крикнул голос, по которому офицеры тотчас признали Девиса, — или, кляпуть честью, я разmozжу вам голову!

Он, разумеется, готов был исполнить свою угрозу. Гиллуа и Барте были так уверены в этом, что с яростью в душе повиновались, хотя нельзя заподозрить, чтобы мужество могло изменить им.

Добежав до берега реки, разбойники бросили пленных на дно шлюпки и схватились за весла. С удвоенною силою гребли они, чтобы вовремя поспеть на «Осу».

Они не были еще и в двухстах метрах от своей цели, как шлюпка, посланная на помощь, тоже достигла устья реки и отважно пустилась за ними в погоню. Командир шлюпки, наблюдавший за всеми обстоятельствами этой сцены, не вполне понимал ее причины; но, видя, что похитители плывут вдоль берега, отдал немедленно приказание следовать по той же дороге и, не долго раздумывая, пустился по водам Рио-дас-Мортес.

4. Погоня. — Рабы

Девис смекнул, что неприятельская шлюпка настигает их. Он оставил руль и, схватившись за зрительную трубку, стал жадно следить за черной точкой, которая увеличивалась с каждою минутою.

— Шестнадцать гребцов против четырех, — сказал он. — Неравная партия; минут через десять они нагонят нас... Попытаемся уравнять средства.

Девис приказал повернуть прямо к левому берегу и тотчас же вышел из лодки.

— Спустить пленников на берег, привязать лодку к тростнику, — скомандовал он повелительно.

Лишь только его приказание было исполнено, он обратился к Гиллуа и Барте со словами:

— Господа, вы изменили данному слову, и я имел бы право убить вас, как собак. Но вы видите, за нами погоня и мне некогда тут с вами распространяться. Предлагаю вам на выбор: либо я прикажу развязать вам ноги и вы должны бежать так же скоро, как и мы, не произнося ни одного слова, либо сию же минуту я размозжу вам головы.

Девис поднял револьвер.

— Хорошо, — отвечали молодые люди, — мы следуем за вами и обещаем молчать.

— Можете избавить себя от обещаний; мне нечего с ними делать. Я больше доверяю своей силе, но предупреждаю, что при малейшей попытке привлечь к нам внимание этот револьвер заставит вас замолчать навеки... Ну, ребята, — сказал он матросам, — дело идет о жизни и смерти. Поторопитесь на «Осу»!

Разбойники сознавали теперь свою сравнительную безопасность: трудно было предполагать, чтобы преследующие решились покинуть свою шлюпку и продолжать погоню по берегу в неизвестной им стране.

После часового бега по старой дороге Девис со своим маленьким отрядом увидел огни на «Осе». Погрузка совершалась так быстро, что на берегу не оставалось ни одного негра, когда Девис вошел на судно. Он тотчас же поспешил в каюту капитана, с нетерпением его ожидавшего.

— Ну, что там такое? — спросил Ле Нозль, увидев Девиса.

— А то, что нас выдали и военный корвет стоит при входе в Рио-дас-Мортес, так что нет возможности оттуда выйти в открытое море. Я не мог только различить, какой национальности этот корвет.

— На каком расстоянии находится он от берега?

— Почти в двух милях.

В важных случаях Ле Ноэль никогда не колебался принимать решительные меры. Он позвонил.

Мигом явился кают-юнга.

— Позвать ко мне господ Верже и Голловея!

Мальчик исчез, и мигу спустя явились оба.

— Господа, — сказал им капитан, — мы блокированы корветом при входе в реку. Изменник выдал нас в Бордо, или в Бразилии, или даже здесь.

— А не думаете ли вы, капитан, — возразил Верже, — что единственную причину этого обстоятельства надо искать в том, что «Оса» вела битву слишком близко от берегов, так что нельзя было обойтись без свидетелей? В этом случае все объясняется очень просто: оба флота, французский и английский, находящиеся в Гвинейском заливе, растянулись вдоль берегов. Окруженные крейсерами, мы имели несчастье привлечь на себя внимание одного из них.

— Может быть, вы правы, Верже, но главное дело состоит в том, чтобы спасти нашу шкуру и провезти груз, который всем нам даст средства покинуть опасное ремесло. Если мы будем дожидаться солнечного восхода для отплытия, то нам грозит неизбежная гибель, потому что нельзя надеяться, чтобы и на этот раз пришлось вести бой со старым кораблем и с орудиями, выстрелы которых не достигают цели.

— Несмотря на темную ночь, — сказал Девис, — я отлично заметил по расположению его корпуса и мачт, что этот роковой корабль — броненосец первого разряда.

— Следовательно, нельзя и думать бороться с этой плавающей крепостью. Достоверно и то, что выход днем для нас невозможен: нас пустят ко дну, прежде чем мы выйдем в открытое море. Нам остается сделать эту попытку ночью, и сию же мигу. Если крейсер заметил вчера при закате солнца верхушки мачт, а это было очень возможно при нашем приближении к Рио, то он провел день в том, что принимал свои меры, осматривал берега и устье реки, останавливаясь на решении или пустить нас ко дну при самом выходе, или подослать человек полтора, чтобы захватить

нас на якоре. Итак, время терять нельзя, через полчаса луна скроется — вот мипута нашего отплытия. По местам, господа, и чтобы все было готово!

— Если прикажете, — сказал Верже, — мы через пять мипут можем сняться с якоря. Согласно вашему прежнему приказанию, когда негры известили нас о присутствии военного судна, мы приняли уже все меры, чтобы избежать нечаянного нападения: погрузка черного дерева закончилась уже около часа тому назад, а в ту минуту, как вы позвали нас, Голловей сказал мне, что и машина готова.

— Запаслись ли пресною водою?

— Все разервуары полны.

— Хорошо. Отдать паруса и ждать моих приказаний!

Оба помощника ушли, поклонившись по-военному.

— Ты тоже можешь идти, Девис, — сказал Ле Ноэль дружески, как обыкновенно, оставаясь наедине со своим любимцем.

— Я не кончил еще моего доклада, — ответил тот и в двух словах рассказал обо всем, что случилось с ним в дороге.

Узнав, что Гиллуа и Барте развели костер на берегу, чтобы привлечь шлюпку, капитан пришел в ярость, не знавшую пределов, и решил повесить обоих предателей на мачте. Если бы Девис произнес хотя бы одно слово защиты, гибель их была бы неизбежна; но он давно раскусил своего родственника и молчал, слишком хорошо зная, что лучшее средство утишить бурю — это предоставить ей самой затихнуть.

Через несколько минут Ле Ноэль опять овладел собою, подтверждая страшными клятвами, что отомстит.

Вдруг лицо его ослабилось странной улыбкой.

— Девис, друг мой, — сказал он, — пойдите посмотрите, что поделявает эта скотина Гобби, все так же ли он мертвецки пьян и не может ли он потолковать со мной о деле? Если может, растолкуйте ему, что он мне еще нужен. Кстати, что вы сделали с пленниками?

— Приказал заковать их, как только мы пришли сюда.

— Хорошо, прикажите привести их ко мне.

Вскоре после этого Гиллуа и Барте со связанными руками были приведены к капитану.

— Прошу вас, господа, извинить Девиса за то, что он выпущен был поступить с вами, как с простыми преступниками, — произнес капитан Ле Ноэль с утонченной вежли-

востью. — Вы сами столь любезно хлопотали о том, чтобы вас вздернули на виселицу, что я выпущен простить ему такой недостаток почтительности. Да будет вам известно, что я чуть-чуть не отправил вас плясать на канате... Но успокойтесь, я нашел средство все уладить. Вам, кажется, не нравится жить у меня на «Осе», не так ли?

Молодые люди, знавшие, что от этого разбойника можно ожидать всего, только презрительно пожали плечами.

— В таком случае я сегодня же высажу вас на берег.

— Лучше поберегите нас, — возразил Гиллуа насмешливо, — через несколько часов, на восходе солнца, вам, может быть, придется просить у нас заступничества.

— О, как вы торопитесь, милые друзья!.. Вероятно, вы намекаете на фрегат, который преграждает нам выход из реки по милости вашего старания привлечь его на мою шею? Не так ли? Перед нашей разлукой я постараюсь разуверить вас на этот счет. Через несколько минут скроется луна, а вам известно, как темны в эту пору ночи под тропиками. Вот мы и воспользуемся темнотою, чтобы спуститься вниз по реке. Наш лоцман Кабо так хорошо знает Рио-дас-Мортес, что может проплыть по ней с завязанными глазами.

С помощью пара мы пройдем в миле расстояния от крейсера; он ничего не заподозрит и только завтра догадается, что птичка улетела. Что же касается вас, господа, то вам не остается даже утешения известить его, по какой дорожке мы улепетываем, потому что и вы будете тогда далеко отсюда. Вижу по вашей недоверчивой улыбке, что вы задаетесь вопросом, каким образом, высадив вас на берег до моего отплытия, я могу помешать вам доставить полезные сведения военному судну. У меня в руках средство очень простое, я нисколько не затрудняюсь сообщить его вам, тем более что скрывать его долго нельзя. Сегодня утром мой приятель Гобби шепнул мне свое страстное желание, которое он до сей поры никак не мог удовлетворить. «Охотно отдал бы я, — сказал он мне, — половипу принцесс, украшающих мой двор, и полдюжины моих царедворцев за двух-трех белых, которые были бы, в свою очередь, украшением моего двора на берегу Конго и устроили бы мне там регулярную армию!»

— Как! И вы осмелились бы это сделать? — воскликнул Гиллуа, не в силах сдерживать негодование.

— Не мешайте, любезный друг, — прервал его Барте спокойно, — меня очень интересует этот рассказ.

— Вы поняли мои мысли с полуслова... Действительно, я имею намерение предложить вас в подарок моему приятелю Гобби, и мне тем приятнее, если подобная перспектива интересует господина Барте. Вам предстоит совершить путешествие самое замечательное, какое только можно пожелать любознательному путешественнику, не подвергаясь притом никаким опасностям и без малейших издержек.

— Довольно шуток, можете поступать по произволу, — прервал Барте.

— По-видимому, — воскликнул Ле Нозль, — вы еще не поняли, что я употребляю столь утонченные выражения для того, чтобы не разговаривать с вами, как вы этого заслуживаете!

— Как вам угодно. Вам нет пужды церемониться, потому что мы на вашем корабле и в оковах.

— Не старайтесь оскорблять меня, я сохраняю такое же спокойствие, как и вы. После битвы с «Доблестным», чтобы доставить безопасность моему экипажу и себе, я хотел было избавиться от вас, потому что жизнь ваша не стоит жизни

пятидесяти человек. Вы мне дали честное слово не пытаться ни бежать, ни подавать сигналов; вчера

же вечером вы нарушили свое слово, которым обязались мне вместо выкупа за жизнь.

— Ничем нельзя считать себя обязанным, — возразил Гиллуа, — разбойникам, которые грабят на больших дорогах и, приставляя нож к горлу, требуют, чтобы жертва не смела предостерегать других, что в лесу разбойники. Вы поставили себя не только вне закона, но и вне общечеловеческого права, и ваше гнусное ремесло еще хуже ремесла разбойника, которое все же несколько облагорожено теми опасностями, которым он подвергает себя в отчаянной борьбе... Вы ограждаете себя тем, что надеваете оковы на несчастных негров, которые не могут защищаться... Вы постыдно избегаете наказания, спасаясь бегством и трусливым преимуществом в быстроте хода вашего судна. Оставляя даже в стороне безнравственность вашей торговли, я презираю вас потому, что вы не осмелились бы производить свою торговлю на корабле, который не мог бы спастись от крейсера с исключительной быстротой. Ваша победа над «Доблестным» с его черепашьям ходом и допотопными орудиями есть не что иное, как гнусное убийство из-за угла, и если уж вы хотите знать, то даже как преступник вы вовсе не замечательный характер, но...

— Доканчивайте...

— ...трус, который прячется в засаде, чтобы наверняка убить и убежать.

При этих словах янки с пеной бешенства у рта приставил револьвер к груди храброго юноши. Барте бросился между ними, чтобы заслонить собой своего друга.

Оба полагали, что наступил их конец, но Ле Нозль вдруг успокоился и сказал, грозно сжимая кулак:

— Воздайте благодарность мысли, которая озарила меня, ей-то вы обязаны жизнью; в ту минуту, когда у меня помрачилось в глазах, когда я готов был убить вас, я увидел вас точно в мимолетном сновидении с цепью на шее на берегах озера Куффуа; я увидел, как вы там молотите маниок или орехи; идея прекрасной мести удержала мою руку. Надеюсь, господа, что вы вспомните меня в эти приятные для вас минуты... в те часы, когда среди предстоящих вам страданий в Центральной Африке пред вашими глазами будут проноситься образы ваших родных и друзей...

В эту мипуту вошли Девис и Гобби.

Той тихой ночью благодущный король собственноручно наказывал одну из принцесс, стащившую у него рюмку тафии, но, узнав, что капитан хочет его видеть, охотно отложил развлечение до другого раза и, натянув на себя лучший костюм, бальпую шляпу и ботфорты, последовал за Девисом.

Радость его не знала пределов, когда он услышал, какой царский подарок делает ему Ле Ноэль. В страхе, как бы не потерять свою легкую добычу, король кликнул с полдюжины воинов, которые набросились на пленников, мигом связали их и торжественно отнесли в хижипу из листьев и бамбука, которая была молниеносно устроена на берегу по приказанию Гобби...

Жилиас и Тука отдыхали в своей каюте после дневных трудов и гораздо позже узнали об участии, постигшей их спутников.

После веселой сделки капитан известил своего друга Гобби о присутствии иностранного корабля и растолковал ему, что крейсер на рассвете пойдет вверх по реке и может захватить не только все королевские богатства, но даже собственную королевскую особу.

Испуганный король охотно повиновался совету немедленно снять лагерь и пуститься в обратный путь в свое королевство. Не теряя времени, он бросился с корабля и с дубинкой в руке разбудил своих дам и воинов, которые безропотно взвалили на плечи казну, ящики с ромом, ружья, порох и прочие предметы меновой торговли и немедленно углубились в лес, чтобы избежать мнимого неприятеля.

Оба европейца были поручены надзору четырех королевских телохранителей, которые, надев пленникам веревку на шею, тащили их за собою, как вьючный скот.

Со своей стороны «Оса», не теряя времени, снялась с якоря еще прежде, чем негры собрались в дорогу. Ле Ноэль был доволен тем, что впустил королю панический страх и что, следовательно, Гобби, а с ним и оба узника не останутся на берегах Рио-дас-Мортес ни одного лишнего часа. После этого капитан подал сигнал, нетерпеливо ожидаемый всей командой, и шхуна «Оса» под искусной рукой Кабо тихо скользнула вниз по реке.

Положив руку на румпель и устремив глаза на компас, Кабо твердо проводил «Осу» между песчаными мелями и

изгибами реки, которые делали плавание опаснейшим предприятием.

Невозможно описать волнение, охватившее всю команду. Едва послышался вдалеке мерный гул волны, разби-

вавшейся о мель и замиравшей на берегу, каждый устремил жадный взгляд на океан, чтобы отыскать место, где стоял крейсер. Когда шхуна вступила в узкий проход, огни военного судна показались так близко, ясно и резко, что всякому стала очевидна полная невозможность дневного отплытия.

Выйдя из реки, «Оса» все еще сдерживала свой ход, чтобы не возбудить внимания могущественного врага, и держалась линии, параллельной с берегом; эта уловка менее чем в полчаса поставила ее вне выстрелов крейсера.

Наконец Ле Нозль увидел пред собою открытое море и необъятное пространство, и глубокий вздох вырвался из его груди.

— Ну, господа, — сказал он своему штабу, — ад не требует еще нас к себе, и сдается мне, что «Осе» предназначено умереть от старости, как подобает честному и мирному береговому судну.

Жилиас и Тука вышли с первым лучом рассвета на палубу, и велико было их удивление, когда они не увидели вокруг себя ничего, кроме неба и воды. Как только им было сообщено об участии, постигшей их юных товарищей, они с геройской отвагой бросились в каюту капитана и представили ему формальный протест с требованием немедленно вернуть их на берег Африки, где они могли бы разделить судьбу своих несчастных друзей.

В это утро Ле Нозль был в самом лучшем расположении духа и потому делал неимоверные усилия, чтобы сохранить серьезный вид, выслушивая их требования. С видом полного смирения он сознавался в своей вине и кончил речь советом тщательно сохранить этот протест, присоединив его к знаменитому рапорту, который они должны представить начальству, как только снова получают свободу.

— Капитан, — отвечал Жилиас, — благодаря такому законному объяснению...

— Между нами не может быть и тени неудовольствия, не так ли, господа? — закончил за него Ле Нозль.

— Все бы ничего, — сказал Тука своему другу, уходя из каюты капитана, — но за каким дьяволом главный комиссар посадил нас на эту шхуну?

Два месяца спустя рыбак на берегу Бразилии встретил обломки судна, спокойно колыхавшиеся по произволу волн. Рыбак подплыл к ним и прочел на доске от кормы: «Оса».

Что же с нею случилось?

Не встретились ли эти разбойники с крейсером, который пустил их ко дну после беспощадной борьбы?

Или же негры, доведенные до отчаяния, просверлили дно, чтобы потопить свою тюрьму?

Или сам океан в порыве неудержимой ярости принял на себя обязанность казнить судно, торговавшее неграми?

Напрасно было бы допрашивать обломки, чтобы выведать их тайну: безмолвные, как доска черного мрамора на гробнице, они ничем не обличали тайны бедствия, постигшего «Осу»...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НА БЕРЕГАХ КОНГО

1. Гобби возвращается в свое королевство. — Барте и Гиллуа на службе

На пятый или шестой день странствования Барте и Гиллуа попробовали было убежать от своих сторожей, за что по приказанию Гобби были помещены в сетку из волокон кокосового дерева, привязанную с обеих концов к крепкому стволу бамбука. Двум невольникам приказано было нести их обоих в этой нового рода тюрьме. Монарх негров, гордый добытыми трофеями, желал во что бы то ни стало привести в свою столицу двух белых живыми и невредимыми, чтобы насладиться удивлением своих подданных, когда те увидят, что ему служат, как рабы, люди той расы, которую они привыкли почему-то считать гораздо выше себя.

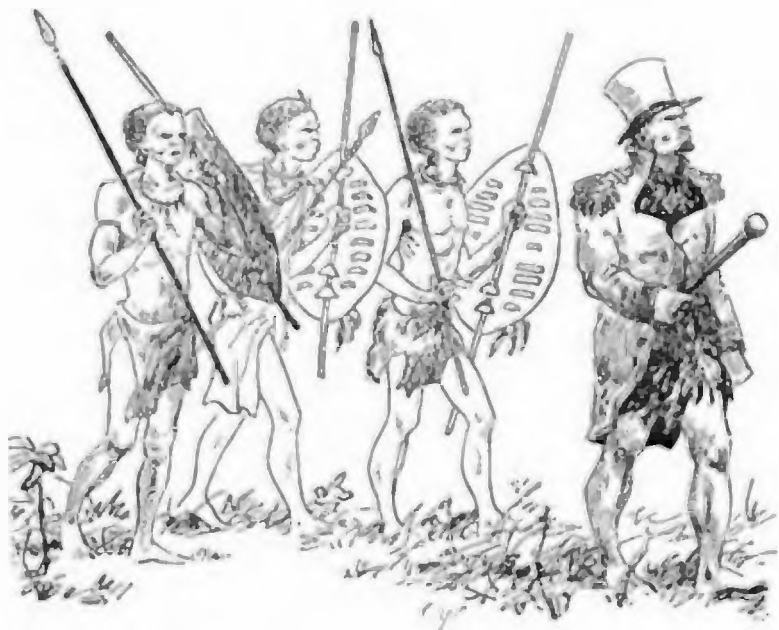

До настоящей минуты только один белый проник в страну, где царствовал Гобби, и большинство народа было знакомо с европейцами только по чудесным рассказам надзирателей, провожавших рабов на продажу и по возвращении распространявших славу белых. Гобби повторял торжественное шествие римского императора, влекущего за колесницею побежденных монархов.

Одиннадцать часов спустя отряд перешел через Кванзу, а на седьмой день прибыл на берега Конго, называемого туземцами Моензи Энзадди, то есть великой рекой, а португальцами — Заиром.

По мнению старика Геффера, мы имеем весьма поверхностные понятия об источниках и притоках этой реки; с тех пор прошло более полутора столетий, но к нашим знаниям почти ничего не прибавилось.

Меролла рассказывает, основываясь на показаниях негров, что Заир вытекает из обширного болота или озера в государстве Матамба и что из того же источника выходит Нил. Он прибавляет, что в этом озере находится множество чудовищ и что одно из них Даже имеет человеческий вид. Монах Франциск Павийский, жестокий миссионер из капуцинов, проживавший в стране Матамба, отвергал все расска-

зы о чудовищах, утверждая, что это только вымысел негров, но королева Матамбы Зинга, узнав о его неверии, пригласила его однажды на рыбную ловлю. Едва только закинули сети, как на поверхности воды явились тринадцать чудовищных рыб. Несмотря на все старания, рыбаки успели поймать только одну. Цвет ее чешуи был черный, волосы грубые и тоже черные, когти обыкновенной длины. Выпутая из воды, она прожила двадцать четыре часа и никакой пищи не принимала. Что это? Род тюленя? Во всяком случае, фауна Внутренней Африки составляет еще глубокую тайну. Пространство, покрытое деревьями, растущими в воде, совершенно непроницаемо, за исключением песчаных мест. Быстрина отрывает от берегов островки, которые увлекаются рекою во время периодических дождей, и тогда они становятся плавучими островками. Магниферы и гифены, род пальмового дерева, населены стаями серых попугаев. Только эти птицы нарушают страшное безмолвие, царствующее в лесах Заира после захода солнца. Попугаи каждый день перелетают через реку; утром они покидают северный берег, чтобы опустошать плантации маиса на южном берегу, а вечером возвращаются на ночлег.

Туземцы вылавливают около островков значительное количество моллюсков. Насаженные на вертел и высушенные, моллюски становятся предметом торговли. Их полуиспорченная гнилью мякоть приходится неграм очень по вкусу; сырыми их есть невозможно. Большая часть островов находится на востоке Заира. Тут исчезают пальмовые леса и почва становится глинистой, изрезанной по берегам реки небольшими ущельями, покрытыми травой и тростником. Вместо живописных ландшафтов, образуемых лесами пальм, магниферов и баобабов, видны только равнины, покрытые высокой травой, среди которой замечательны высокие и вечно качающиеся стебли папируса. Вдалеке видны еще одиноко стоящие гифены. Эти растения придают стране особенный вид, напоминающий картины Египта.

Наверху бокового канала или реки Мамбаллы находится остров Фаркгар. В этом месте встречаются первые плантации маиса и табака. Колебания, замечаемые здесь в глубинах рек, происходят, по словам местных жителей, от ям, которые выкапывают в русле бегемоты, собирающиеся многочисленными стадами. В нескольких милях далее возвышается утес Фетиш на юго-западе. Эта гранитная масса, отвесно висящая над рекой, совершенно одинока и прислонилась к равнине, покрытой тростником и маисовыми полями. Трудно взбираться на этот прекрасный утес; его нижняя часть покрыта разнообразными деревьями; его многочисленные остроконечные вершины, удивительные формы растительности на нем и его общий вид представляют великолепное и жуткое зрелище. За ним открываются целые гряды возвышенностей, смежных с синими горами, тянущимися во внутренние страны. А далеко за песчаными островами рисуются на горизонте одинокие пальмы, точно выходящие из воды. Высокие берега реки тоже представляли бы приятные ландшафты, если бы только не были лишены всякой растительности. Туземцы очень боятся водоворотов, которые, по их мнению, находятся по соседству с утесом Фетиша.

В верховье реки Эмбоммы находится остров Бука-Эмбомма, почти на всем протяжении сланцевый. По мнению Токея, этот остров представляет лучшее место для основания колонии в тех странах. Река протекает между горами, вершины которых совершенно обнажены, но вся нижняя часть их покрыта роскошной растительностью. На берегу можно видеть разнообразную смесь равнин, глубоких долин и холмов, оканчивающихся пиками странных форм. Здесь

кое-где попадаются живописные группы колючих мимоз и хорошо возделанные поля. Начиная с этого места, река не разделяется уже на разные рукава и на значительном пространстве не имеет ни одного острова. Продолжая плыть вверх по реке, видишь, как ее русло более и более суживается от скал слюдяного сланца, глубоко сидящих в воде. Склоны этих скал покрыты зеленым ковром ползучих растений. Каменные подводные рифы, о которые яростно разбиваются волны быстрого потока, покрыты в некоторых местах илом и образуют небольшие полосы земли, на которых растут тростник и даже маис. Кроме таких перешейков, видны между скалами небольшие лощины, из которых самая значительная по величине — Винда-ле-Залли — занимает пространство в две мили вдоль берега. В этих плодородных лощинах возделывают маис и маниок, а пальмы-гифены растут там в большом изобилии. На северном берегу, почти как раз напротив скал, находится остроконечный крутой утес, которому Такки дал название Прыжок Любовника, потому что с этой вершины бросали в реку неверных супругов короля Боммы. Неподалеку оттуда находятся острова Гомбы, где часто собираются бегемоты.

При выходе из банзы Кулу виден знаменитый водопад Иелала. Он имеет около ста метров в вышипу. Такки сравнивает его с кипучим ручьем в скалистом русле. На самой середине водопада находится островок пяти метров в вышину, разделяющий водопад на два канала в сухое время, но почти скрывающийся под водою в дождливую пору.

Наконец, Заир делает поворот между двумя высокими выступами и берет направление к северу. На обоих берегах видны скалистые горы, изрезанные оврагами.

В нескольких милях от банзы Инга остановилась некогда экспедиция Такки. Тут она могла добыть только самые неопределенные сведения о странах, находящихся выше реки. По рассказам туземцев, можно после десятидневного плаванья в лодке пристать к берегу большого песчаного острова, разделяющего Заир на два рукава. По прошествии двадцати дней после отплытия с этого острова можно доехать до истока реки, который выходит из большого болотистого озера путем многочисленных ручейков.

Скажем теперь кое-что о несчастной экспедиции, которой мы обязаны вышеприведенными сведениями. Такки прибыл 7 июля 1816 года в устье Заира на судне, называемом «Конго». 17 сентября болезнь, жертвою которой он

сделался, вынудила его к отступлению. Эта болезнь имела некоторое сходство с желтой лихорадкой. Вероятно, она происходила от климатических условий, в которых без подготовки очутились путешественники. Не на жару, собственно, они жаловались, но скорее на вредные испарения от стоячих вод. Воздух при устье Заира на высоте, достигнутой Такки, представляет две крайности гигрометрической шкалы. Этот переход от крайней сырости к крайней сухости, совпадающий с значительными изменениями атмосферического электричества, имел губительное влияние на здоровье экипажа «Конго». Сухость воздуха на несколько миль выше Иелальского водопада была так велика, писал Такки, что вывешенное мясо теряло в несколько часов все соки и становилось похоже на копченое. Сорванные растения высыхали в один день, тогда как в самом устье реки требовалась целая неделя, чтобы достигнуть тех же результатов.

Если бы экспедиция началась в середине мая, то есть в то время, когда прекращаются дожди, может быть, смертность не была бы так ужасна и путешественники успели бы дойти до верховьев Заира и вернуться к его устью, прежде чем солнце перешло равноденственную линию. Гибель экспедиции Такки должна послужить предостережением и уроком.

Матта-Замба, столица короля Гобби, расположена как раз на левом берегу реки Конго, в девяти днях ходьбы ниже того места, где в Конго впадает неисследованная речка Касанца. В столице находится от четырехсот до пятисот краалей, каждый из них состоит из двух или трех дворов и обнесен плетнем из тростника, который служит также и для постройки домов, до того упрощенных, что их можно соорудить в несколько часов. Дверь в этих хижинах состоит из квадратного отверстия, достаточного как раз для того, чтоб пройти одному человеку, напротив двери есть другое отверстие, служащее окном; оба отверстия закрываются на ночь плетенками из лоз.

Королевский дворец отличается от других строений только тем, что он побольше размером, разделен на несколько комнат и имеет большую приемную залу, тщательно устланную плетенками и по стенам покрытую трофеями: оружием, трубками и человеческими черепами, обладатели которых были принесены в жертву великому Марамбе.

Черепы служат для Гобби фетишами и, по общему убеждению, ограждают его жизнь от мятежей, яда и злых духов.

Перед тронною залю, где властелин принимает своих сановников, на куче мелких камней стоял грубо вырубленный из дерева идол Марамбы, создавшего мир; под ногами идола был распростерт злой дух Мевуа, который дерзнул возмутиться против его власти.

Великий Марамба был весь покрыт старыми кусками железа, перьями и тряпками, а на голове его возвышалась одна из тех великолепных мохнатых шапок, которые при реформах 1834 года были отняты у национальной гвардии и проданы гуртом торговцам на африканских берегах.

А Мевуа хотя и злой дух, все же не следовало его гнеть, а потому надели на него старую шляпу, порядком изношенную самим королем.

На службе великого Марамбы состоял целый штат гангов, или жрецов; им принадлежали по праву различные подarki, которые толпы народа приносят каждое утро.

У каждого из божков была своя специальность: один из них исцелял лихорадки, другой — белую проказу или колотье, третий помогал горбатым, четвертый возвращал слух глухим, пятый — зрение слепым, а десятый выпрямлял кривоногих и всяких калек. Двадцатый давал дождь полям.

Остальные делали безвредным укус змеи и защищали неверных жен. Для всего этого достаточно было приложить к желудку или носить на шее какой-нибудь фетиш, вроде квадратной дощечки или тряпочки, приложенной гангами к большому пальцу ноги почитаемого идола.

Совсем иначе принимались за дело, когда надо было отыскать украденные вещи.

Однажды в Матта-Замбе вор простер до того свою дерзость, что выкрал у важного царедворца один из фетишей, а именно фетиш, исцелявший от колотья и потому по своей специальности не обладавший силой противиться похищению, жертвой которого он сделался сам.

Для отыскания этого фетиша надо было обратиться к другому королевскому фетишу, имевшему силу обличать воров. С великою торжественностью идол был вынесен из дворца Гобби и поставлен на главную площадь. Столичные жители принялись выплясывать около идола с надлежащими воплями и заклинать его, чтобы он заставил вора в течение трех дней положить похищенный фетиш в то место, откуда был украден, а в случае неповиновения поразил бы смертью и самого вора и всю воровскую семью.

Несмотря на усердные заклинания, вор ничего не возвратил, и ровно через три дня королевский фетиш был опять унесен во дворец с великою торжественностью.

На другой день в столице умер в ужасных конвульсиях какой-то молодой человек, непричастный к похищению, и ганги, отравившие его для спасения чести своего идола, распространили слухи, что этот несчастный получил заслуженное наказание и что бог отомстил за своего украденного сотоварища, казнив вора мучительной смертью.

Фетиши короля Гобби играли свою роль только в важных случаях, и народ прибегал к их помощи как можно реже, потому что король и жрецы налагали такую плату за их милости, что способны были разорить всю деревню, прибегаящую к их покровительству.

В каждом жилище были свои особые фетиши.

Когда король Гобби вступил в свою добрую столицу Матта-Замба с женами, царедворцами, воинами, с длинным караваном тафии, бумажных материй, ружей, сабель, старых штыков, разнообразных костюмов и, сверх всего, с двумя белыми невольниками, общему восторгу не было пределов. Король с трудом мог пробраться в толпе к своему дворцу, осыпaeмый цветами и зеленью и выпущенный приказать телохранителям разгонять палками буйных верноподданных, спешивших к нему навстречу.

Добравшись до своего дворца, он три раза стукнулся лбом о землю перед великим Марамбой, благодаря его за помощь, оказанную ему в пути; потом принялся усердно благодарить остальных фетишей вокруг груды камней. По примеру знаменитого Гобби все окружавшие выполнили те же церемонии. По внутреннему смыслу это зрелище весьма напоминало сцену возвращения с войны какого-нибудь европейского монарха. Тут же милостивый властелин принес в дар своим пенатам трех невольников, которых великий ганга в ту же минуту зарезал у ног Марамбы. По окончании жертвоприношения верховный идол вдруг засуетился на своем пьедестале, закачал головой и замахал руками, в то же время из груди его вырвались страшные звуки.

Испуганная толпа растяпулась на земле, а главный ганга стал объяснять изречение оракула. Великий Марамба требовал ни более ни менее того, чтобы приведенные белые пленники были отданы ему на служение!

Бесполезно объяснять, что слова, сказанные идолом, произносил не сам идол, а ганга-чревоушатель, который

изрекал для публики волю богов. Было время, когда в Эфесе, Фивах, Элевзине, Додоне и Дельфах иерофанты и прочие фокусники того же рода заставляли болтать олимпийских богов.

Гобби был умен и жил с жрецами так долго, что научился хорошо понимать значение фокусов, но, будучи сметливым политиком, учитывал, что перед народной массой не следует подрывать авторитета религии. Он дождался, пока все разошлись по домам, и только тогда заявил гангам, что они напрасно теряют время и что обоих белых он берет к себе на службу.

Великий жрец Марамбы, никогда не упускавший случая наложить свою руку на права гражданской власти, подал знак ганге-чревовещателю продолжать фокусы, и в ту же мигу верховный идол еще пуще задержался, воспроизводя судорожные движения петрушки; новый оракул повторил требования, чтобы белые пленники были отданы духовенству.

Гобби, не допуская шуток со своей особой, имел средство положить конец захватам жрецов: он обнажил саблю и, подойдя к чревовещателю, снял с него голову, как истинный мастер своего дела.

После этого он обратился к великому жрецу и спросил:

— Ну, что об этом думает великий Марамба? Кто из вас посмеет мне противиться?

Ганги распростились перед королем и единодушно завопили:

— Ваше королевское величество обладает чудесным даром действовать саблею; этот дар ниспослан вам великим Марамбой, коего вы единственный представитель и заместитель на земле.

Глава гангов вполне осознал свое поражение и удалился ползком, но в сердце его кипела ярость.

Гобби был тонкий политик; видя покорность и унижение жрецов, он тотчас же сообразил: «Теперь мое дело ясно: через 35 часов я буду вознесен на небо, по примеру моих благородных предков, дабы получить возмездие за свои великие добродетели... Отсюда следует, что надо их предупредить».

В ознаменование своего благополучного возвращения Гобби приказал раздать народу в большом количестве маниок и маис и пригласить всех гангов и высших сановников на великолепный пир. Ужин окончился обильным алугу, или

негритянским ромом, и вскоре все ганги с великим жрецом во главе отправились в страшных корчах в царство великого Марамбы.

На другой же день распространился слух, что они призваны своими богами выполнять служение в М'Бу-Бу-Матаплане, то есть в верховном раю.

После этого Гобби избрал из касты жрецов семилетнего ребенка и возвел его в звание великого жреца.

— Вот таким способом, — говорил он, потирая руки, — я долго буду жить в мире и спокойствии.

После этого он принялся за министров, которым вверил управление государством в свое отсутствие, и порядком пробрал их. Призвав их в тронную залу, он заметил, что все они до того разжирили, что не могли пролезть в дверь. Он дал им двадцать четыре часа на то, чтобы похудеть и затем явиться к нему с отчетом о своих действиях. На другой же день он отрубил голову трем министрам, не успевшим возвратиться несправедливо захваченные.

Точно таким же образом он умиротворил внутреннюю вражду, возникшую в его собственном семействе, и в государстве воцарился глубокий мир.

Вот так Барте и Гиллуа избавились от служения великому Марамбе, чтобы поступить на службу к славному властелину Гобби.

Главная их обязанность состояла в том, чтобы чистить оружие Гобби, полировать черепа, служившие королю фетишами, и возделывать в дворцовом саду маниок, из которого приготавлилась пища для его величества.

Маниок составляет главную пищу жителей Западной и Южной Африки. Этот корень бывает разных сортов; все они, по словам Драппера, имеют между собой некоторое сходство, хотя качеством и цветом совершенно различны.

Маниок, растущий в Конго, превосходит все другие виды своим качеством. Листья его темно-зеленого цвета, как у дуба, с большим количеством жилок и зубчиков. Стебель его, достигающий десять — двенадцать футов и разделяющийся на множество отростков, слаб, как ветла. Цветы очень мелкие, а семена похожи на турецкую коноплю.

Это растение почти без всякой обработки дает довольно объемистый корень, из которого добывается мука. Сок этого корня действует как страшный яд, но ядовитое начало улетучивается после промывания и сушки. Зная все это, легко понять, почему Гобби так заботился о разведении и обра-

ботке питательного растения. По королевскому приказанию несколько десятин земли было обнесено оградой из тростника и колючих кустарников, и пока одни поля обрабатывались, другие отдыхали.

За эту ограду были брошены Барте и Гиллуа. Несколько часов они служили предметом народного любопытства на главной площади Матта-Замбы, после чего им дали уразуметь, что, как только страж заметит их намерение бежать, они тут же будут принесены в жертву великому Марамбе.

Посредине неводеланной части колючего сада, под сенью цветущих лиан, стояла хижина из зеленых веток; оба друга, истомленные усталостью, едва дотащились, поддерживая друг друга, до этой хижины. Не в силах обменяться ни одним словом, они упали на ложе из сухих листьев, где в первый раз после двухнедельного мучения остались одни и смогли забыться благодетельным сном.

2. Суд короля Гобби. — Странное посещение

Пленники, проснувшись на другой день, увидели на пороге хижины деревянную чашку муки маниока, приправленной красным перцем, и огромную горлянку¹ с водою.

Это был подарок от короля, который удостоил вспомнить за завтраком, что белые пленники ничего не ели со вчерашнего дня. В первый раз со времени рабства друзья могли на свободе обменяться впечатлениями. Первые минуты сильного потрясения миновали, и они могли спокойнее обсудить свое положение и сообразить, каким образом действовать.

— Бежать отсюда во что бы то ни стало — вот единственная цель, которую мы должны преследовать, не останавливаясь ни перед чем, — сказал Барте в заключение.

— Совершенно справедливо, — отвечал Гиллуа, — но для успеха нам многого недостает. Мы, во-первых, должны иметь точные сведения насчет положения страны, в которой находимся, и узнать, на какую часть берега выгоднее добраться; во-вторых, вывести пути, уже проторенные караванами, и, наконец, добыть оружие для защиты.

— Любезный друг, если мы будем откладывать наш побег до того времени, пока все эти вопросы будут разрешены,

¹ Горлянка — род тыквы, в которой сохраняется вода.

то, пожалуй, нам придется провести всю жизнь над очисткой черепков и трубок Гобби.

— А между тем какая была бы неосторожность...

— А вот слушайте, как я буду решать ваши вопросы! — воскликнул молодой офицер. — Вы желаете узнать кое-что о положении страны?.. Все время мы шли на северо-восток от Рио-дас-Мортес и теперь дошли до реки Конго или до одного из ее притоков. Неизменное движение к востоку должно было привести нас к истокам этой таинственной реки, которая вытекает, может быть, из того же озера, что и Нил, только с противоположного водоската. В таком случае мы находимся около 5° широты и между 24° и 27° долготы, поблизости от озера Куффуа. Теперь — на какую часть берега нам надо выбраться? По-моему, нельзя заранее указывать маршрут, мы должны знать только одно: во что бы то ни стало добраться до морского берега, а так как у нас нет выбора в направлении, то остается лишь последнее средство, чтобы не заблудиться, — это следовать по течению Конго! Ах, будь у нас только проводник!

— Ну а оружие?

— В этом отношении нам придется удовлетвориться оружием, отданным на наше попечение. Впрочем, надо надеяться, что по крайней мере за пятьсот миль отсюда мы встретим мирные племена, у которых ни наша жизнь, ни свобода не подвергнутся опасности!

— Какие, однако, точные сведения вы имеете обо всем этом, Барте!

— Всю мою молодость я изучал с особенной страстью географию и этнографию. Знание земного шара и человеческих рас, на нем живущих, всегда казалось мне самой важной из наук.

— Вы не ошиблись в выборе, потому что именно это знание, может быть, спасет нас. В таком случае, к несчастью, я не могу быть вам полезен, потому что всегда изучал со страстью только естествознание. Единственное, что я могу делать, когда мы пустимся в нуть, — это пытаться определить широту посредством ботанической географии.

— Как так? — удивился Барте.

— Очень просто, — ответил Гиллуа, забывая опасность своего положения при воспоминании о любимой науке. — В настоящее время известно более двухсот пятидесяти тысяч

растительных видов, но, по остроумному сравнению Гейффера, требовать от ботаника знания наизусть свойств каждого растения было бы так же нелепо, как требовать от главнокомандующего, чтобы он знал по имени и в лицо каждого солдата своей армии. Значение и распределение растений в различных странах земного шара — вот главный предмет изучения; это и составляет сущность того, что я называю ботанической географией. Эта наука принимает, как физическая география, два крайних предела — полюсы и экватор... Полюсы дают нуль растительности. Экватор, напротив, проявляет все ее богатство и роскошь... Между полюсами и экватором находятся промежуточные степени. В полюсах, ближайших к полярным кругам, распределение растений так же однообразно и правильно, как и на равнинах, ближайших к экватору. От чего зависит этот странный результат?

В умеренных странах вся живая природа страдает от колебаний температуры, которые, подобно маятнику на часах, раскачиваются до 20° то выше, то ниже средней температуры года. Совсем иное мы видим под тропиками и в полярных областях.

Там колебания почти ничтожны сравнительно с колебаниями европейских климатов: очень редко они достигают 3° и 4° . Таким образом, почва и атмосфера, то есть главные условия всего живущего на земле, почти постоянно проникаются равным количеством тепла.

Повторяю, что в странах, находящихся между полярными кругами и тропиками, картина совсем иная: температура воздуха и почвы настолько же непостоянна, насколько разнообразны растительные виды. В умеренном поясе имеются самые разнообразные виды, перенесенные из всех стран мира; их возделывание подчиняется температуре зимнего или летнего времени.

Жаркий пояс, между поворотными кругами по обеим сторонам экватора, по которому нам предстоит нуть, находится между $23\frac{1}{2}^{\circ}$ северной и южной широты; его ежегодная средняя температура от 20° до 23° .

Этот пояс замечателен своими первобытными лесами, перевитыми исполчинскими лианами. Растительность правильно изменяется с возвышением почвы и таким образом достигает иногда восьми ярусов, последовательно поднимаясь по горам. Все растительные виды, которые ползут со-

вершенно разнородными ступеньками вверх по горам экваториального пояса, идут точно такой же лесенкой и в том же порядке от экватора к полюсам; там точно так же постепенно минуешь полосы пальм и бананов, папоротников и финиковых деревьев, мирт и лавров, вечнозеленых лесов, европейских лиственных деревьев, периодически теряющих свои листья, хвойных деревьев, кустарников, наконец, альпийских трав... Вот, любезный друг, на каких началах основана ботаническая география! Какие чудесные исследования могли бы мы здесь производить, если бы не были вынуждены заботиться о своей безопасности!

— И как можно скорее, так как никто не может поручиться, что Гобби, хватив лишний стакан рому, не прикажет принести нас в жертву своему Марамбе!

— Вот хотя бы в этом саду, — продолжал Гиллуа, — посмотрите, какие редкие растения! Вот эфиопский перец, мохнатый тамаринд, масличное дерево, сенегальская анона, древокорник, плоды которого так драгоценны для излечения болезни печени, баобаб Адансона, всякого рода бананы, гвинейские елей и до двадцати видов пандануса!.. А что это за растения? Какую великолепную коллекцию разных растительных видов мог бы я составить!.. Но понимаете ли вы теперь, каким образом растения помогают определению широты?

— Поистине география — всемирная наука, — сказал Барте, невольно увлеченный восторженностью друга, — и не может же эта наука заниматься земною поверхностью, не обращая внимания на растительность и животных! В вопросах фауны полюсы и экватор могут играть ту же роль, что и в ботанической географии: по широте легко определять зоологические виды. Да, я теперь вижу: отделять от земли существа, живущие на земле и под землей, писать их историю отдельно от истории земного шара, забывать о средствах их питания, о почве, которую они обрабатывают, о составе воздуха, которым они дышат, — это значит не заботиться о рациональной науке! Жизнь отдельная не может изучаться независимо от общей жизни. Не думаете ли вы, Гиллуа, что прежде чем браться за человеческую психологию, следовало бы хорошенько изучить физиологию растений?

— О, да! В природе нет ничего независимого и чудесного.

— Что правда, то правда: природа проста... Посмотрите, мы здесь беззащитны, несчастны, измучены, и вот достаточно сытного завтрака и солнечного луча, чтобы изменить течение наших мыслей, заставить нас мечтать и разговаривать, как будто мы — свободные исследователи среди лесов Африки!

— Но вернемся к печальному положению! Я разделяю ваше мнение о необходимости бежать.

— Если мы выйдем отсюда целы и невредимы, то клянусь: капитан Ле Нозль получит из этой руки достойную награду!

— Так вы думаете, что надо следовать по течению Конго?

— Это единственно возможная для нас дорога.

— Но не безопасная. Ведь если за нами будет погоня, то негры станут искать нас именно в этом направлении!

— Конечно... Люди, посланные за нами в погоню, не ошибутся.

— Так что же тогда?

— Можно понадеяться на случай... И разумеется, уж мы не сдадимся им живыми! Во всяком случае, смерть гораздо лучше, чем это нестерпимое рабство, когда ни одного дня нельзя прожить в уверенности, доживем ли до завтра.

— Когда же мы предпримем эту прогулку?

— Чем скорее, тем лучше, ведь и через полгода шансов на спасение будет не больше!

— А как вы полагаете, если мы подождем еще некоторое время, не удастся ли нам подкупить какого-нибудь негра, который согласится быть нашим проводником?

— Надо делать подарки, а у нас нечего дарить. Не забудьте, что житель Матта-Замбы, согласившийся способствовать нашему побегу, непременно будет принесен в жертву фетишам, как только вернется сюда... Нет! Чем дольше ждать, тем хуже...

Слова Барте были прерваны страшными криками, доносившимися с главной площади, на которую передним фасадом выходил королевский дворец. Друзья прислушались и среди воя толпы ясно различили два незнакомых слова: Момту-Самбу. Оба юноши поспешно Подошли к ограде из лиан и бамбука, окружавшей место их заключения, и пристальной вгляделись в происходящее, стараясь распознать причину народного кипения.

— Недоставало еще, чтобы народ потребовал наших голов! — сказал Барте, грустно улыбаясь.

Каково же было их удивление, когда они заметили в шумной массе негров высокого человека с небрежно перекинутым через плечо ружьем и огромной собакой, который направлялся напрямик ко дворцу Гобби при восторженных криках народа.

Нельзя было ошибиться если не в национальности, то по крайней мере в его расе... Он был белый.

Как видение промелькнул он мимо бедных узников.

Что это за человек?.. Торговец неграми, разбойник или авантюрист? С ним, быть может, опаснее встретиться на большой дороге, чем с самым сильным дикарем?.. Но друзьям показалось, что его появление может оказаться спасительным для них.

3. Незнакомец

— Здравствуй, Гобби, — сказал между тем новый гость, без всяких церемоний проходя прямо в приемную царя, — поздравляю тебя с благополучным возвращением и желаю тебе и твоей державной фамилии тысячу радостей!

— Благодарю, Момту-Самбу, — отвечал знаменитый властелин, несколько смущенный.

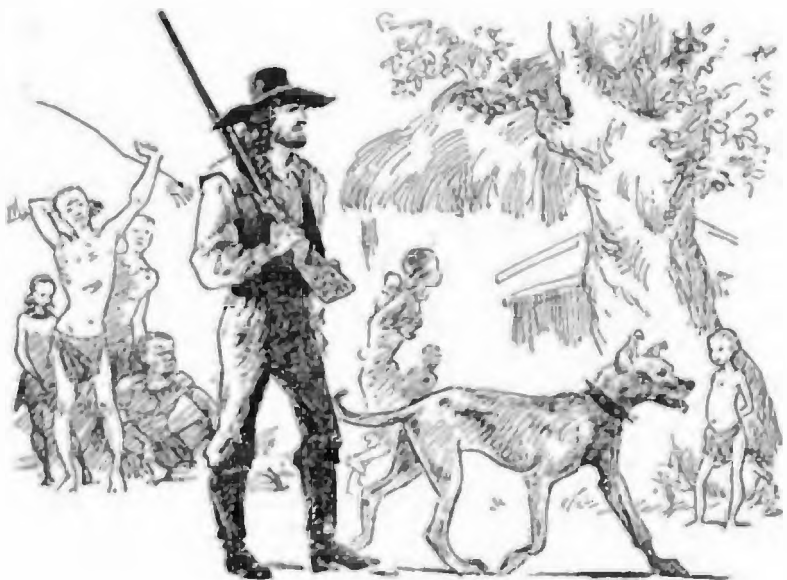
— Ну, полно, успокойся, старый пьяница! — засмеялся гость, тотчас же смекнувший причину смущения Гобби. — Сегодня я не затем к тебе пришел, чтобы требовать своей доли тафии.

Гобби вздохнул свободно и осклабился до ушей от удовольствия.

— Послушай-ка, Бульдегом, — продолжал Момту-Самбу, называя короля прозвищем, которое дал ему в веселую минуту, — до меня дошли слухи, что ты привел двух белых из своего похода к Рио-дас-Мортес. Правда это?

— Момту-Самбу такой же хороший угадчик, как и мои ганги, — сказал Гобби со зверским смехом, — он хорошо понимает, какая выгода иметь пару белых рабов, и потому приходит ко мне затем, чтобы выпросить их у меня для служения себе!

— А тебе хотелось бы отрубить мне голову или отравить, как ты это сделал со своими жрецами?

— Правда, для этого у меня недостаточно власти, потому что злой дух Мевуа одарил тебя талисманом против смерти. Я не могу отрубить тебе голову, но зато я могу не отдать тебе моих белых невольников!

Момту-Самбу хотел было ответить, что он и без позволения сумеет их взять, но раздумал и сказал только:

— А что прикажешь мне делать с твоими невольниками? Ты хорошо знаешь, что у таких белых, как я, не водится рабства. Я пришел только затем, чтобы поболтать с ними. Как давно я не видал никого из моих сородичей!

Гобби бросил недоверчивый взгляд, но имел слишком много причин не отказать в просьбе и после некоторого колебания махнул рукой, чтобы гость следовал за ним.

Вместе прошли они через внутренний двор в сад; воин, стоявший у входа, отдал им честь по-европейски, и они вдвоем вошли за ограду, за которой Барте и Гиллуа с понятным нетерпением ожидали желанного гостя.

— Ни малейшего движения, — сказал незнакомец, как бы здороваясь с ними, — не выказывайте волнения, иначе не ручаюсь за вас. Немного мужества!

Совет, произнесенный на чистом французском языке, был не бесполезен, потому что молодые люди с трудом

сдерживали крики восторга. Но надежда на скорое освобождение дала им силу скрыть всю свою внутреннюю тревогу.

— Счастливы видеть вас, — отвечали они с видимым хладнокровием, хотя вся кровь бросилась им в лицо, — милости просим! Вы первый принесли нам слова утешения и надежды.

— Да кланяйтесь же пониже этому котеночку, — сказал Момту-Самбу, поспешно указывая на Гобби.

Молодые люди отвесили самый почтительный поклон дикому властелину.

— Что это они делают? — спросил Гобби с беспокойством и недоверием.

— Твои невольники только что сказали мне, что считают за счастье служить тебе, и вот они кланяются, как принято в нашей стране.

— Вот это хорошо! — сказал Гобби, охорашиваясь. — Скажи им: если они попытаются бежать от меня, то я прикажу живьем сжечь их перед великим Марамбой, а если, напротив, согласятся кончить дни свои в Матта-Замбе, то я пожалую их важным чином в моей армии!

— Теперь я оставляю вас, — сказал незнакомец молодым людям, как бы переводя им слова Гобби, — я просил позволения только на минуту видеть вас, а продолжительный разговор непременно возбудит его подозрения.

— Когда же вы вернетесь? — спросил Барте тревожно.

— Твои обещания превышают их надежды, о великолепный Бульдегом! — продолжал незнакомец, обращаясь к королю. — Они сочтут за счастье сражаться с твоими врагами!

Король ответил, что ему очень хотелось бы иметь такую же гвардию, как у губернатора Бенгелы, а потому он поручает белым обучить его солдат.

Капитан Ле Ноэль, отдавая молодых людей в рабство, не скрыл от Гобби, что они оба военные и будут полезными помощниками в битвах с соседями, с которыми король постоянно вел войну ради приобретения невольников. Вот причина, почему Гобби, не задумавшись, пожертвовал полудюжиной жрецов, пытавшихся присвоить их.

— Можно ли надеяться, что мы скоро увидим вас? — снова спросил Барте незнакомца, на которого смотрел как на своего избавителя.

— В нынешнюю же ночь!

— Где?

— Как только луна скроется, выходите на дальний край сада; я знаю средство войти туда, не возбуждая внимания сторожей, которые, впрочем, меня боятся больше, чем своего короля. Я приду условиться с вами.

— Оставьте нам ваше имя, как залог надежды!

— Здесь меня зовут Момту-Самбу, неуязвимый человек; эти слова объяснят вам, почему эти люди питают ко мне суеверный страх... На берегах Бретани, где я родился, — продолжал незнакомец задумчиво, — меня звали иначе... Давно это было... Ив Лаеннек! — Тут он провел рукой по лбу, как бы желая стереть тяжелое воспоминание, и вдруг воскликнул с судорожным смехом, обращаясь к Гобби: — Ну, черная красавица, дай мне стакан тафии!.. Я хочу выпить за твоё здоровье.

4. Момту-Самбу. Нлан - побега

Обходите земной шар по всем направлениям, углубляйтесь в самые дикие страны мира, блуждайте в полярных морях, в дремучих лесах и степях Азии, в пустынях Африки, в зеленых дебрях Австралии, огибайте мысы, переплывайте проливы — и всюду, где ступит ваша нога, вы встретите следы человека, который поставил здесь свою ногу до вас; человек этот моряк — не тот, который плавает по морям и добросовестно исполняет свое ремесло по торговой или государственной обязанности; не тот, который по окончании срока службы возвращается на родину заниматься рыбной ловлей, нет, этот добродушный парень, хоть десять раз побывай он в кругосветном плавании, не узнает ничего, кроме своего корабля и нескольких портов, где можно прокутить в двадцать четыре часа свое трехмесячное жалованье! Моряк, который всюду опередил тебя, — это человек, вынужденный когда-то в порыве горячности выброситься за борт, то есть бежать со своего корабля... Он идет куда глаза глядят, он бежит от цивилизации, преследующей его, он пристает к первому племени, не убившему его в минуту встречи, и сжигается с ним тем легче, что дикарь так же зануган лицемерной белой цивилизацией, как и матрос, выбросившийся за борт.

Тогда он скальпирует с апачами и команчами, питается жиром с эскимосами, ест сырую рыбу с жителями Маркиз-

ских островов или предводительствует армиями негритянских властелинов на берегах Африки.

Бывают случаи, что он и сам становится их королем, если сметливость его равняется отваге.

Географический мир не имел бы нужды так допытываться у земли о ее тайнах, если бы этот моряк-космополит понимал важность открытий, которые он сделал, сам того не ведая, и сумел бы начертать на карте маршрут своих странствований.

Ив Лаеннек принадлежал к числу таких моряков, и его историю можно рассказать в двух словах.

Десять лет тому назад он был матросом на корабле, стоявшем на якоре в заливе Сан-Паоло-да-Луанда. Это было его первое плавание на военном корабле. Однажды он исполнял какую-то службу на берегу и имел несчастье ударить в запальчивости старшего боцмана, который слишком жестоко поколотил его за пустячную вину.

— Арестовать этого негодяя! — закричал боцман вне себя.

— Беги! — шепнули ему товарищи, делая вид, будто толкают его.

Ив понял, что надо спасать свою голову, и бросился со всех ног вдоль берега по направлению к негритянскому городу, отделенному от европейской части только рвом, наполненным водой.

По приказу боцмана матросы бросились за ним в погоню с очевидным намерением не догнать его: они знали, какие страшные последствия влечет за собой преступление Лаеннека, и поняли, что начальство не задумается показать им пример. Уже отупевшие от корабельных порядков, они и сами не одобряли его, но радехоньки были, что он убежал от казни; боцман же, не говоря уже о мести за оскорбление, должен был еще позаботиться и о дисциплине, а потому сам бросился вслед за своими людьми и вскоре опередил их.

— Стой! — закричал он, схватив беглеца за шиворот.

— Не доводите меня до отчаяния! — взмолился несчастный вне себя от ужаса.

— Не увеличивай преступления сопротивлением!

— В последний раз прошу, нустите меня!

Матросы, поколебавшись, побежали на помощь начальнику.

Лаеннек увидел себя мысленно перед военным судом, услышал свой приговор, узнал, что его расстреляют, вспом-

нил свою родину, свою мать, которую никогда не поцелует, и потерял голову... Он выхватил кортик и сунул его в горло боцмана, а сам опрометью бросился в ров, переплыл на другой берег с невероятной быстротой и скрылся в лабиринте узких и темных закоулков негритянского города.

Через полчаса после этого, по жалобе капитана корабля, губернатор Сан-Паоло-да-Луанды приказал военному отряду оцепить хижины негров и разослал нарочных по всем направлениям. Но все поиски были напрасны: Лаеннек исчез. Одна негритянка, сжалившись над ним, спрятала его остроумным образом: она завернула его в вязанку тростника, приготовленного для плетения корзин, связала тростник в пучки и оставила лежать у двери хижины.

Никому и в голову не приходило искать в тростнике беглеца; на ночь негритянка освобождала его; днем опять скрывала в той же темнице. Через две недели корабль снялся с якоря и ушел, а португальская полиция перестала тревожить себя поисками беглого матроса; у нее и своих хлопот было слишком много, чтобы еще понусту дремать под жгучим солнцем на плотинах порта.

Лаеннек не мог оставаться в Луанде, где консул непременно арестовал бы его. Отплыть на иностранном судне было нелегко, не имея никаких бумаг. Франция навеки закрылась для него. Правда, боцман не умер от раны; но, будучи два раза жертвою незаконного покушения, он не оставил бы своему оскорбителю никакой надежды на помилование.

Молодая негритянка, которой Лаеннек был обязан спасением, была уроженкой верхнего Конго; привязавшись к Иву, она предложила ему идти с ней к ее родному племени, заверяя его в хорошем приеме. Как все моряки, он сохранял свои деньги в кожаном поясе, который носил под курткой. Будучи бережлив, как истый бретонец, он сохранил все свое жалованье за два года в надежде помочь этим запасом своей семье по возвращении из кругосветного плавания. Теперь он воспользовался сбереженными деньгами, чтобы купить себе хорошее ружье, несколько фунтов пороха, свинца, форму для литья пуль, а также несколько штук бумажных тканей в подарок негритянке Буане, и пошел вслед за ней.

Они шли сорок два дня и наконец пришли в город Матта-Замбу, где царствовал Гобби. В это время король был в натянутых отношениях с самым сильным соседом по имени Огуне. Ив Лаеннек вызвался обучить армию

Гобби и сделать его могущественнейшим властелином всей страны. Гобби, выдавший европейские парады в Луанде и Бенгеле, с радостью принял его услуги и провозгласил его главнокомандующим армией, состоявшей из трех тысяч воинов, из которых только половина была вооружена ружьями, у других же были копья. Дикие воины имели обычай драться в свалке, как попало. Лаеннек разделил их по ротам и образовал отдельный отряд, вооруженный огнестрельным оружием. Он научил их маршировать, строиться в каре или колоннами, и главное, не выскакивать вперед и стрелять только по команде.

У Гобби был свой особый воинский устав, который немало способствовал успеху обучения его армии: всем непокорным он рубил головы; это было почти единственное наказание, употребляемое им применительно ко всем подданным.

Через три месяца по прибытии Лаеннека в целом Конго не было войска лучше армии Гобби, который, мучаясь нетерпением испытать на деле своих воинов, объявил войну соседу Огуне. Гобби одержал полную победу и имел счастье собственноручно отрубить голову своему неприятелю. Бесполезно и говорить, что, по примеру своих европейских собратьев, он присоединил немедленно владения побежденного к своей державе.

Все это время Лаеннек, не щадя своей обесцененной жизни, принимал участие в боях и показывал при этом необычайную храбрость; пули и стрелы так и летали вокруг него, а он и внимания на них не обращал; хотя Ив постоянно находился впереди своего отряда, но выходил из битвы без малейшей царапины. Быстро распространились слухи, что он неуязвим и имеет при себе фетиш, ограждающий от смерти. Само собой разумеется, он не стал разубеждать дикарей, потому что общий суеверный страх делал его еще более неприкосновенным и давал ему, кроме того, средство сохранять свободу действий. Лаеннек заявил королю, что будет защищать его против всех неприятелей, но предупредил, чтобы Гобби не рассчитывал на него при похищении и продаже невольников.

Гобби был иногда так суеверен, как и последний из его подданных, и вполне доверял могуществу европейского фетиша, хотя не питал никакого почтения к волшебным фокусам своих жрецов. Так скучающие христианские князьки увлекаются порой буддизмом или культом ацтеков. Очень досадно было Гобби услышать заявление своего главноко-

мандующего, однако он побоялся противоречить тому, которого все отныне называли Момту-Самбу, то есть «человек неуязвимый».

Наконец-то Лаеннек мог проводить жизнь совершенно на свободе. Время свое он тратил на охоту и на исследование страны, желая развлечься или заглушить усталостью печальные воспоминания о прошлом.

Он аккуратно явился на свидание, назначенное молодым друзьям. Рассказав им о своих приключениях, Ив выслушал также их историю, после чего поклялся избавить юношей от участи, которую уготовлял им Гобби.

Увлекаемые нетерпением, Барте и Гиллуа хотели бежать в ту же ночь, но Лаеннек объяснил им необходимость потерпеть.

— Надо усыпить бдительность Гобби, — сказал он. — За нами непременно будет погоня, и потому нам необходимо опередить их хотя бы на два-три дня пути, а вы должны понять, как трудно будет скрыть наше отсутствие хотя бы и на двадцать четыре часа.

— Так как же вы полагаете? — спросил Барте.

— Надо ждать или воспользоваться благоприятным случаем, а до той поры вы должны поступать по указанному мною плану.

— Приказывайте, мы будем повиноваться.

— Завтра же вы должны просить Гобби, чтобы вам дали в обучение новобранцев.

— Но я ничего не понимаю в этом деле! — возразил Гиллуа. — Ведь это хорошо для Барте, который действительно военный, ну, а чиновников колониального комиссариата надо жаловать не мечами, а ржавыми перьями вместо ордена! Ведь Гобби скоро заметит мое невежество.

— А вы подражайте своему товарищу или придумайте какую-нибудь новую штуку, если это вам легче... Для негров все белые — солдаты. Во всяком случае, старайтесь хотя бы притворяться, что не на шутку занимаетесь своим ремеслом. Когда наступит удобное время, я постараюсь предупредить вас с вечера, а до той поры мы будем видеться как можно реже. Если случится надобность известить вас о чем-нибудь важном, я пришлю к вам негра Кунье, вы можете вполне довериться ему, это человек испытанной дружбы.

В эту минуту собака, никогда не покидавшая Лаеннека, приподнялась на задние лапы и стала сильно вдыхать в себя воздух.

— Что с тобой, Уале? — спросил хозяин. — Неужели какой-нибудь караульный отважился зайти в эту сторону?

Громадное животное тихо зарычало, сохраняя выражение чего-то среднего между тревогой и яростью.

— Вот наш будущий товарищ в предполагаемом побеге, — сказал Лаеннек, задумчиво лаская голову собаки. — Бедный мой, глупый товарищ! Сколько раз ты спасал мне жизнь в опасных предприятиях! Посмотрите на него, ребята, он вступает в борьбу с ягуаром и пантерой и побеждает их. При встрече со львом Уале нисколько не побоялся бы броситься на него. Это один из тех громадных колоссов английской породы, которые останавливают лошадей на всем скаку и одолевают быка. Три года тому назад мне подарил его мульт, скупающий рабов. Я сам вынянчил его и возился с ним, как с ребенком. И горе тому, кто вздумал бы наложить на него руку: Уале мигом разорвет его на куски.

Уале заворчал еще выразительнее и хотел было броситься в чашу. Но хозяин удержал его вовремя и счел нужным сократить свое посещение.

— Я должен расстаться с вами, — сказал он шепотом, — не знаю, кто тут шатается... Стоило бы спустить Уале, чтобы заставить раскаться врага; но лучше будет, если Гобби не узнает о нашем ночном свидании. Прощайте! Исполните мой совет и терпеливо ждите минуты освобождения.

Скоро Лаеннек был уже в конце сада и, пробравшись ползком в чаше колючих кустарников, добрался до ограды из смоковниц, кактусов и бамбука, защищавших вход во дворец Гобби.

Едва моряк успел скрыться, как вдруг негр, ползший по его следам, поднялся и остановился перед естественной преградой, одолеть которую считал невозможным. В ужасе, что Момту-Самбу исчез, он бросился со всех ног во дворец, чтобы доложить о том Гобби.

— Государь, у Момту-Самбу есть еще один фетиш, который дает ему силу быть невидимкой!

5. Нобег и погоня

Прошло уже около месяца, а Ив Лаеннек не подавал и признака жизни; оба друга стали уже тревожиться и приходить в отчаяние, когда в одно прекрасное утро получили через доверенного негра Кунье дощечку со следующими словами, кое-как начертанными ножом:

«Родственник Гобби умер; мы воспользуемся оргией, которая последует за похоронами, и уйдем в ту же ночь. Когда Кунье придет за вами, следуйте за ним, не сомневаясь... Все готово! Мужайтесь!.. У меня есть оружие для вас».

Нет возможности описать восторг Барте и Гиллуа. Они ясно представляли себе опасности, предстоявшие им, но готовы были претерпеть все, кроме жестокого рабства, в котором их жизнь постоянно зависела от произвола варварского царька.

Не успели они проститься с посланным Лаеннека, как пришел приказ от короля Гобби явиться со сформированным ими батальоном для присутствия при погребальной церемонии.

Тело королевского племянника было перенесено с большой торжественностью на главную площадь, и все вожди, подчиненные Гобби, поочередно подходили отдать последнюю честь покойнику. Каждый отряд занял указанное ему место. Тогда ганги вынесли идол великого Марамбы и принялись исполнять перед ним самые странные пляски.

Тело умершего, предварительно высушенное на малом огне и покрытое красною глиною, было выставлено, по местному обычаю, на три дня; все это время население страны обязано было плясать, а в промежутках заниматься диким пением, плачем и постом. После этого всю ночь следовало накачиваться крепкими напитками.

Единственная приятная особенность таких похоронных обрядов заключается в полном отсутствии мистического значения.

Морской офицер Деграппре, долго странствовавший здесь в прошлом веке, оставил нам любопытные подробности относительно погребальных обрядов местных жителей и способа бальзамировать покойников.

Как только умирает человек, его одевают в лучшие одежды и ставят под навес, под который дважды в день собираются друзья покойника.

На следующий день устраивают позади навеса хижину, покойника относят туда, а на его место кладут человекообразный чурбан, которому продолжают воздавать последние почести.

Тело в хижине обмывается крепким настоем из маниока, который имеет свойство иссушать кожу и делать ее белой, как известь, после чего труп выставляется в предписанном

гангами порядке — лицом к западу, с несколько согнутыми коленями: левая нога его приподнята, правая рука вытянута и обращена крепко сжатым кулаком к востоку; левая рука поднята вверх, кулак ее разжат, пальцы растопырены и несколько пригнуты, как будто ловят на лету муху. Когда труп приготовлен, из него вынимают внутренности и начинают сушить его, как пергамент. Потом его покрывают густым слоем красной глины и после того, как она высохнет, принимаются украшать одеждой. Эта операция состоит в том, что тело обильно заворачивают в туземные ткани, пока оно не примет вид бесформенной кучи.

Чем лучше высох труп, тем больше наворачивают на него этих тканей, так что вскоре нет уже места в хижине; тогда строят другую, побольше, а так как масса с каждым часом увеличивается, приходится устраивать третью, четвертую, пятую — и так до тех пор, пока наследники не найдут, что их родственник уже достаточно толст. После этого труп перестают укутывать туземными тканями, называемыми «мокуты», и принимаются за европейские, синий коленкор, ситцы и даже шелковые материи, смотря по званию и богатству покойника.

В назначенный день тащат эту безобразную массу в могилу, в которой устроена хижина с довольно объемистой высокой крышей. В усыпальницу кладут пищи и питья на несколько дней, а сверху засыпают землей, оставляя несколько камней, чтобы обозначить место погребения.

В некоторых местностях ганги получают в уплату за свои труды все ткани, навороченные на мертвеца тщеславием наследников, еще прежде, чем труп опустят в могилу и засыпят землей.

В каждой провинции и даже чуть ли не в каждой деревне эти обряды изменяются. По словам Кавацци, когда умирает негр в Матамбе, его рабы, друзья и родные сбывают себе все волосы в знак горести и, натерев голову и лицо маслом, посыпаются разноцветными порошками, смешанными с перьями и сухими листьями.

Такой обряд наблюдается только при смерти простого человека; после же смерти государя или предводителя бреют волосы только на макушке, которую повязывают либо полоской материи, либо древесной корой, после чего запираются в своей хижине на неделю и ни за что не выходят из дома. Иные присоединяют к этому заключению строгий

пост в продолжение трех дней и все это время хранят глубокое молчание. Если по крайней необходимости они вынуждены о чем-нибудь спросить, то делают это знаками с помощью трости, которую не вынимают из рук.

В некоторых местностях вдовы воображают, что души их мужей возвращаются к ним на отдых, особенно если семья жила дружно.

Такое верование повергает их в непрерывный страх, от которого они освобождаются только с помощью ганга. Ганг несколько раз окунает их в воду, заверяя, что это омовение изгоняет пугающий призрак.

После обряда они могут опять выходить замуж, не боясь уже ни укоров, ни обид от покойных мужей.

Тот же нутешественник говорит, что негры нижнего Конго веруют, будто человек, умирая, покидает жизнь, преисполненную горя и забот, для того чтоб ожить для другой жизни, полной радостей и счастья.

Основываясь на этом мнении, они обращаются очень жестоко с больными, желая ускорить их смерть. Родственники умирающего негра обыкновенно теребят его за нос и за уши что есть силы, бьют его кулаком по лицу, тянут за руки и за ноги и зажимают рот, чтобы скорее задушить.

Даже во время войны, самой ожесточенной, достаточно известия о погребальной церемонии члена королевской фамилии, чтобы с обеих сторон прекратились неприязненные действия. Отсюда ясно, что случай благоприятствовал Лаеннеку сверх ожидания.

Лишь только скрылись последние лучи заходящего солнца за горами, как мигом прекратились пляска и вой и мужчины набросились на пищу, которую дома приготовили для них женщины, не участвующие в церемонии.

Вскоре крепкие напитки из сорго полились в изобилии в хижинах простолюдинов, тогда как знать упивалась помеланцевой водкой, а Гобби с принцами и принцессами искали царственного опьянения в излюбленной тафии.

Когда могущественный властелин стал терять рассудок, Кунье подал знак молодым людям, поджидавшим его на галерее, и все втроем тихо проскользнули по темным улицам города, а минут через десять очутились на берегах Конго. Из чащи корнепусков, осенявших реку, послышалось глухое рычание Уале.

— Кто идет? — спросил Лаеннек.

— Это мы, — отвечали Гиллуа и Барте, дрожа от волнения.

— Тише!.. Садитесь, — отвечал Лаеннек поспешно.

Кунье, раздвигая руками корнепуски, привел молодых друзей к небольшой пироге, где их ожидали бретонец и Буана, молодая негритянка, которая во что бы то ни стало хотела следовать за своим господином, и Уале.

Умное животное тотчас улеглось на дне пироги, Барте, Гиллуа и проводник могли, наконец, занять свои места. Не говоря ни слова, Лаеннек дал каждому ружье, порох и нули и опять, усевшись на свое место, щелкнул языком.

Сигнал был тотчас принят, и пирога тихо двинулась по реке; Кунье и Буана налегли на весла; пирога шла вдоль берега, чтобы укрываться под высокой травой и кустарниками, зеленым сводом склонявшимися над рекой. Пока еще слышались издали печальные песни, путешественники соблюдали мертвую тишину из страха, чтобы их не заметил какой-нибудь запоздавший негр; ночь была так темна, что в двух шагах не видеть было ни зги, и каждую минуту нос пироги запутывался в корнях, извивавшихся на водной поверхности. Вскоре со стороны Матта-Замбы доносился уже только глухой, неясный гул, как обыкновенно бывает ночью в местах, где кишат человеческие толпы. Зато по обоим берегам реки послышался рев и вой диких зверей, пользовавшихся ночным мраком, чтобы поспешить на водопой.

— Господа, — сказал Лаеннек, решившись, наконец, прервать молчание, — первое затруднение побеждено, потому что прежде всего надо было уйти, но опасность еще не миновала; у нас есть оружие, и мы можем защищаться от зверей, притом же мы покинем реку только в нижнем ее течении, во избежание злокачественной лихорадки, которая не пощадила еще ни одного европейца; как вам известно, конгская лихорадка — это смерть. Но в настоящую минуту нет ничего опаснее, чем погоня Гобби во главе отряда в пятьсот — шестьсот воинов, которых он подпоит тафией и водкой.

— Вы думаете, что он, узнав о побеге, так и бросится по горячим следам?

— Да, думаю, потому что он на все способен, только бы захватить вас опять в свои лапы. Ведь он воображает себя непобедимым до тех пор, пока у него в армии есть белые воины... Впрочем, у меня еще не пропала надежда.

— Какая?

— Что он не посмеет прерывать погребальные церемонии своего родственника. Подобное нарушение противно всем религиозным понятиям страны... но с Гобби ни на что нельзя рассчитывать! В сущности, он так же мало верит Мараамбе, как своим гангам. Этот неглупый парень знает только человеческую силу, и я сомневаюсь даже, верит ли он в мою неуязвимость. Итак, если завтра утром, когда винные пары несколько рассеются, он заметит наше отсутствие, то, по всей вероятности, созовет отряд преданных воинов и бросится за нами в погоню; в таком случае он нагонит нас еще до заката солнца, потому что в этой жалкой пироге мы не можем уйти далеко. Его негры без особенного труда проплывают на веслах двадцать пять и тридцать миль в день. Я видел их в работе.

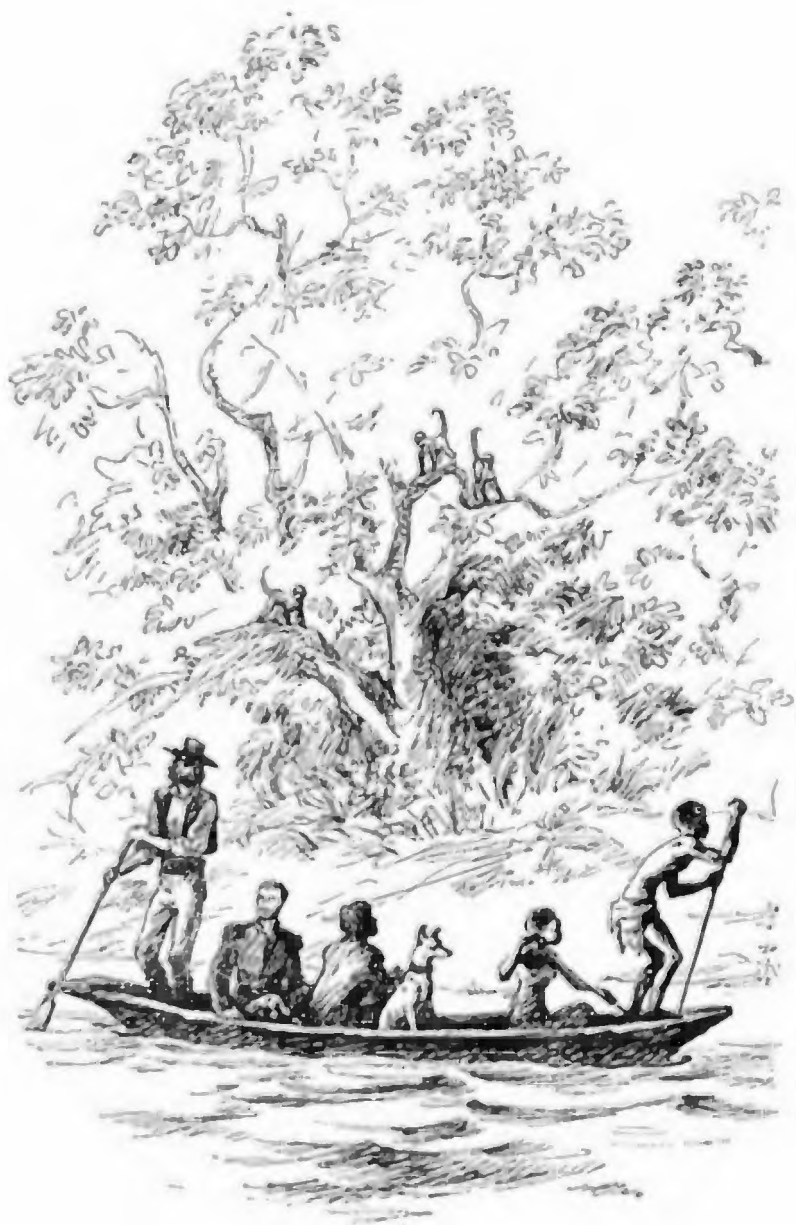
— Так почему бы нам не выйти на берег и не продолжать нашей дороги пешком, как можно дальше от реки?

— Это невозможно! Нам нельзя скрыть свой нуть в этой чаще лесов, окружающих Конго с обеих сторон на протяжении более двухсот миль!

— В таком случае у нас не остается никакой надежды спастись от его преследования!

— Я не говорю этого. Мы должны только принять решительные меры, но до поры до времени лучше ничего не делать. Очень может быть, что он не посмеет прерывать торжественное погребение. Да и его воины, преисполненные предрассудков, не захотят следовать за ним. Если так, то у нас будет два дня и одна ночь впереди и более двухсот готовых миль из тех семисот, что предстоит нам пройти для достижения населенных мест. Через двадцать дней мы дойдем до реки Банкоры, около которой живут гостеприимные и миролюбивые племена. Я побывал там лет пять тому назад и не могу забыть их радушный прием... А теперь предлагаю отдохнуть и заснуть хорошенько, потому что боюсь, как бы следующая ночь не была гораздо тревожней... Я поработаю веслом, чтобы не истощать сил Буаны. Через несколько часов я тоже улягусь спать. Закутайтесь хорошенько этими одеялами, потому что сырость на Конго вредна.

Молодые люди вызвались, в свою очередь, грести, но Лаеннек отвечал, что, не имея привычки к гребле, они заставят только потерять драгоценное время.

Против этого нельзя было возражать, и Барте с Гиллуа подчинились советам нового друга.

Ночь прошла без всяких приключений.

Когда молодые люди проснулись, у них невольно вырвался крик восхищения: первые лучи восходящего солнца золотили вершины вековых лесов, опоясывавших Конго лианами, цветами и колоссальными деревьями; никогда еще человеческая нога не вступала в эти леса; тихо катились волны широкой реки и словно дремали между зелеными берегами. Бесчисленное множество птиц оглашало воздух резким радостным пением.

А там вдалеке, на водной поверхности, озаренной зеленым светом, двигались огромные живые массы, которые Лаеннек назвал бегемотами; еще дальше неслись неподвижные, как бревна, кайманы, распространявшие вокруг себя сильный запах крокодильего мускуса; тихий ветерок, рябивший воду, долго доносил до беглецов этот запах, когда кайманы уже давно скрылись...

Бегемот — животное Африки. Долгое время исследователи задавались вопросом, нельзя ли встретить его в Азии и, в особенности, в реках Индии, Явы и Суматры, но все поиски остались без результата.

— Что это было бы за счастье, — воскликнул Гиллуа со страстью натуралиста, — если бы мы могли проходить эти страны не беглецами, а путешественниками!

— Мы опять побываем в этих краях, — сказал Барте, приходя в восторг от окружающей природы. — Я понял теперь, что увлекает путешественника в неизвестное! Я понял, что толкало вперед Бартонов, Ленгов, Ливингстонов и Грантов... Они испытали огромные радости рядом с огромными страданиями.

— Я не знаю этих господ, о которых вы говорите, — сказал бретонец, — но знаю хорошо, что теперь мне было бы трудно жить в других местах. Несмотря на томительную жару в этих странах, мне кажется, что, покинув их, я стал бы мучиться тоской по зелени и всему такому.

При этих словах Лаеннек глубоко вздохнул и задумался.

Барте собрался было спросить, не хочет ли Лаеннек воспользоваться услугой, которую он оказал им, чтобы получить законное помилование и право возвращения во Францию, но из уважения к его печали оставил этот вопрос до более удобной минуты.

Через несколько минут после солнечного восхода усталость- потребовала передышки. Тогда, скрыв пирогу в высокой траве и углубившись в чащу, они развели костер, чтобы наскоро приготовить себе пищу... После короткого отдыха они опять повернулись к реке, но Кунье вдруг остановил их и знаком руки заставил оглянуться назад: в ярком просвете между переплетшимися лианами они увидели трех старых горилл и одну молодую, уже расположившихся на только что покинутой стоянке; звери протягивали к полугасшему огню свои мощные члены.

Медленно и однообразно тянулся день. Странники не могли даже подробно разглядеть бегемотов и кайманов, которые испуганно бежали при их приближении. Чтобы не обнаружить своих следов и не привлечь к себе внимания врагов, беглецы должны были избегать лишнего шума. Под вечер они хотели сойти на берег, чтобы запастись пресной водой, но были осаждены целым стадом слонов и вернулись в свою пирогу, после того как спасались чуть ли не целый час на ветвях баобаба. Бретонец, Кунье и Буана гребли целый день безостановочно, сменяя друг друга.

Прошло уже несколько часов с тех пор, как они оставили левый берег и плыли вдоль правого в надежде обмануть возможную погоню.

— Остановимся здесь! — сказал вдруг Лаеннек. — Неблагоразумно будет продолжать плавание.

— Почему? — спросил удивленный Барте. — Не потеряем ли мы дорогое время?

— Это необходимо, — отвечал бретонец. — Дальнейшее плавание неблагоприятно, потому что укажет нашу позицию зоркому глазу негров. Если они нустились в погоню с утра, то через час нагонят нас; слишком хорошо мне известно, как ничтожно проплытое нами пространство для этих неутомимых ходоков. Они, вероятно, идут по самому берегу, потому что дальше — сплошная чаща переплетшихся лиан, бамбука и кустарников. Если же по истечении нескольких часов мы ничего не услышим, то опять пустимся в путь с еще большей энергией...

Маленькое судно было спрятано в чаще корненусков и тростника, стебли которого плавным сводом подымались над рекой; вблизи от этого места находилась громадная скала, вроде пирамиды возвышавшаяся на пятнадцать или двадцать метров над уровнем моря.

— Еще при закате солнца я заметил этого гранитного зверя, — сказал Лаеннек, — и мне пришло в голову остановиться здесь, чтобы посмотреть, не может ли он послужить нам естественной крепостью. Если мы найдем здесь защиту и убежище, то ни один негр не осмелится атаковать нас.

Кунье, уныло напевая, отправился на разведку.

Через несколько минут он вернулся с известием, что каменная глыба кончается на вершине довольно обширной площадкой, на которой могут свободно поместиться двенадцать человек, и что эта площадка покрыта густыми кустарниками, в которых легко спрятаться.

— Ну, — сказал Лаеннек повелительно, — поспешим отнести туда оружие и съестные припасы. Там наше спасение, или же придется отказаться от всякой надежды спастись! Эта местность изменяет мои планы, и мы останемся здесь до восхода солнца, чтобы узнать наверное, осмелился ли мой друг Гобби нарушить погребальный обряд!

Каждый молча повиновался бретонцу, и несколько минут спустя маленький отряд с трудом взобрался на самую вершину.

Никто не думал спать, но в течение долгого времени молчание нарушалось только однообразным ропотом волн. Вдруг Кунье вздрогнул.

— Что там такое? — спросил Лаеннек тихо.

— Заставь молчать Уале! — отвечал негр. — Я слышу шум с верховья реки — это Гобби со своими воинами...

Бретонец мигом надел ошейник на собаку и приказал ей лежать тихо.

— Смотри, — сказал негр, присматриваясь к течению реки, — вон черные точки на воде: одна, две, три, четыре... Всего шесть черных точек... Они плывут на военных пирогах.

— Не более того? — спросил Лаеннек, ничего не различавший во тьме ночи.

— Да, только шесть... Вот они приближаются...

Европейцы напрягли слух, стараясь заменить им недостаток зрения, и вскоре ясно различили удары весел по воде.

— Точно ли ты уверен, что всего шесть судов? — спросил Лаеннек.

— Наверно говорю!

Из широкой груди бывшего матроса вырвался вздох облегчения.

— Что с вами? — спросил Барте.

— А то, что мы спасены... или близки к спасению.

— Спасены! — прошептали молодые люди.

— Да, спасены... Гобби, вероятно, чересчур хватил, если решился нуститься за нами в погоню, иначе он никогда не осмелился бы преследовать нас только пятью десятками солдат на шести пирогах — ведь на шести пирогах больше не поместишь.

— Мне кажется, и этого слишком достаточно...

— Да, если бы меня тут не было, — перебил Лаеннек. — Запомните хорошенько: никогда пятьдесят негров не осмелятся напасть на судно, на котором плывет Момту-Самбу. Я так уверен в этом предположении, что завтра утром, при первых лучах рассвета, мы опять сядем в пирогу и спокойно пойдем вниз по реке, не заботясь ни о Гобби, ни о его войнах.

— Почему же не сегодня вечером?

— Потому что негры хорошо увидят, что я с вами, и, кроме того, могут пустить в нас несколько залпов, на которые мы не сумеем отвечать с уверенностью. Положитесь на меня... Ни один из этих красавцев не захочет быть под прицелом моего карабина. Если бы они подошли к нам в числе шестисот и пешком, как я предполагал, ну, тогда было бы другое дело: всюду ведь количество есть сила, а у негров тем более... Они поощряли бы друг друга и, мертвых или живых, непременно возвратили бы нас в Матта-Замбу.

После этого предостережения ничто не тревожило спокойствия беглецов.

Рано утром маленькая пирога бодро продолжала свое плавание, следуя правым берегом реки, потому что надо было сохранять готовность, в случае чего, быстро улепетнуть на берег.

Час снуя после их отплытия флотилия Гобби ясно обозначилась.

Не видя никаких следов, Гобби приказал остановиться в маленькой бухте и готов был уже отказаться от погони. По правде сказать, он совсем не собирался далеко преследовать беглецов, потому что бросился в погоню в первую минуту гнева и пьяный до одурения; за ним последовало не более тридцати человек. Поуспокоившись несколько, Гобби и сам рассудил, что с тридцатью солдатами не одолеть ни Момту-

Самбу, ни глупого суеверного страха, который он внушает воинам.

С быстрой сообразительностью дикаря король принял приличный обстоятельствам вид и скорее с печалью, чем с яростью заговорил со своим генералиссимусом, когда пирога последнего была уже на близком расстоянии. Прежде всего он окинул глазами свою свиту и понял, что нельзя ожидать от нее большой помощи в борьбе с «неуязвимым человеком».

— Зачем ты покинул друга своего, не предупредив о том? — заговорил Гобби жалобным голосом, — Не осыпали ли я тебя почестями и богатствами?.. Достоин ли тебе бежать, как преступнику?..

Видя, какой оборот принимают обстоятельства, Лаеннек отвечал в том же тоне:

— Вероятно, тафия сильно омрачила твою голову, о великодушнейший властелин Матта-Замбы, если ты решился покинуть тело твоего знаменитого племянника и сделаться посмешищем народа без всяких причин! Кто тебе сказал, что я бежал? Неужели свободный человек не имеет права идти, куда хочет, и не двадцать ли раз прежде я уходил в далекие страны, а ты не думал гнаться за мной?

— Правда, но ты всегда возвращался через несколько дней!

— А кто тебе сказал, что я теперь не возвращусь?

— Один?

— Нет, с Буаной, Кунье и Уале.

— А белые невольники тоже участвуют в твоём странствии?

— Послушай, королевская морда! — отвечал Лаеннек, понижая голос, чтобы не слышали люди, сидевшие на задних пяти пирогах. — Воспользуйся тем, что я скажу тебе. Белые возвратятся на свою родину, потому что Момту-Самбу не хочет, чтобы хорошие люди были невольниками у такого злобного паренька, как ты... А теперь, если хочешь, чтобы мы расстались друзьями и чтобы я скорее вернулся к тебе, прикажи немедленно же солдатам отдать мне честь и не мешай нам продолжать дорогу, потому что отсюда еще далеко до Банкоры!

— Правду ли ты говоришь? Вернешься ли ты? — спросил Гобби на этот раз с непритворной печалью. — Подумай,

что мне делать без тебя? Ты один стоишь целой армии! Ведь ты сам знаешь это.

— Даю тебе слово вернуться!

— Так поклянись же на этом фетише, который у тебя на шее и который ты так часто целуешь.

То был портрет матери Лаеннека.

Бретонец пережил тяжелую минуту: в одно мгновение все прошлое пронеслось перед его глазами... но он не долго колебался.

— К чему? — прошептал он. — Она умерла... я никогда не увижу земли, где она покойся...

И он поклялся.

По приказанию Гобби все негры отдали ему честь с криками:

— Ме-Сава! Ме-Сава Момту-Самбу! Да здравствует Момту-Самбу еще десять раз по десять лет!

Под дружными усилиями Буаны и негра, которые налегали на весла, маленькая пирога полетела по течению.

— А теперь, друзья, — сказал Лаеннек двум друзьям, находившимся под его защитой, — посмотрим, труднее ли справиться с девственным лесом, чем с первобытными людьми...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЛЕСА КОНГО

1. Верхнее Конго. — Ночь тревоги

— Ну, господа, — сказал Ив Лаеннек, — трапеза наша кончена, скоро солнце закатится, и с первыми тенями ночи голодные звери займут берега реки. Пора возвратиться к нашей лодке.

В Биге, Бенгеле, Пукангаме, близ экватора, на протяжении девятисот или тысячи миль Лаеннека знали под именем Момту-Самбу — «человека неуязвимого» и Момту-Мамани — «человека пустыни».

То, что рассказывали о нем по вечерам в деревнях, превосходило самые баснословные легенды; и молодые негритянки нугали его именем своих малюток.

На продолжительном совещании мнение Кунье, Буаны и Лаеннека, естественно, взяло перевес над мнением Барте, намеревавшегося было следовать по течению Конго до

устья и затем подняться вверх до Габона на первом появившемся судне. Несмотря на то что речной путь был прямее, пришлось от него отказаться и, покинув лодку при слиянии Конго с рекою Банкора, идти в глубь страны.

Негр Кунье, который в детстве исходил все страны со своим отцом, погонщиком невольников, утверждал, что, следуя вверх по течению Банкоры до Маконгамы и затем по прямой линии в направлении озера Замба, они должны будут встретить на нути целый ряд достаточно возвышенных плато, поросших густыми лесами, через которые, однако, пролегают тропы, проложенные невольничьими караванами.

Таким образом являлась возможность пройти там, где проходили эти караваны.

Правда, путешественники рисковали встретить таких страшных врагов, как гориллы, дикие слоны, громадные безгривые экваториальные львы, пантеры, леопарды и тигровые кошки, свирепые, коварные и сильные, нападающие всегда исподтишка. Но ведь все эти враги человека обитают точно так же по берегам Конго.

Здесь зато было то преимущество, что путешественники избегали болот и страшных злокачественных лихорадок, распространяемых испарениями реки.

Гиллуа упомянул о печальной участи экспедиции Такки; все члены которой погибли один за другим в течение нескольких дней на берегах нижнего Конго, а также о всех попытках подняться до истоков этой реки, оставшихся бесплодными.

Не переставая совещаться, все уселись в маленький туземный челнок, род пироги, выдолбленной из древесного ствола. Кунье собирался уже оттолкнуть лодку от берега, как Лаеннек остановил его, напомнив, что нет еще Уале.

Человек нустыни, как называли его африканцы, свистнул. В ответ послышался собачий лай; несколько минут спустя в высокой траве появилось громадное животное с окровавленной пастью и обглоданной костью в зубах. Одним, прыжком собака очутилась в лодке, которая покачнулась от ее тяжести, и ворча легла у ног своего хозяина.

— Ну, Уале, — сказал Лаеннек, лаская ее, — кажется, охота была удачна сегодня.

Собака опять глухо заворчала.

— Она, должно быть, встретила зеленого сенона, обезьяну, до которой она очень лакома, — продолжал Лаеннек, как бы объясняя своим товарищам странные ухватки Уале.

— Вы разве всегда предоставляете вашей собаке самой искать себе пищу? — спросил Барте.

— Когда мы останавливаемся в деревнях, она питается около нас, и Буана приготовляет ей кашу из проса с кислым молоком, которую Уале очень любит. Но когда мы путешествуем, собака должна сама добывать себе обед; я это делаю не без цели: привычка воевать с дикими зверями, чтобы прокормить себя, делает Уале до того свирепым, что он не боится ни зверей, ни людей и будет защищать нас и от львов, и от кумиров.

— Это еще что такое?

— Кумирами называют негров, прогнанных из всех деревень за какие-нибудь преступления; они собираются бандами, грабят караваны и нападают на искателей пальмового масла, словом, разбойничают в лесах, и могу уверить вас, что Уале питает особую ненависть к людям этого рода.

— Неужели вы думаете, что мы можем встретить этих кумиров на дороге?

— Их самих нам опасаться нечего. Это раса шакалов, которую я презираю, и, кроме того, они меня знают очень хорошо и не решатся напасть на мне навстречу, но они могут зато поднять против нас какое-нибудь племя.

Лаеннек закончил фразу по привычке нервным движением головы.

— И тогда? — спросил Барте.

— Мы будем вынуждены взяться за карабины, и вы увидите, что Уале сделает свое дело; он известен так же, как и я, на берегах Кванго. Во всех негритянских деревнях мою собаку называют Соле Явуа — «чертова собака»; Уале спасал мне жизнь раз двенадцать.

— Он очень опасен?

— Посмотрите на его необыкновенный рост, сильные мускулы, воловью шею, голову, круглую, как шар, глаза, налитые кровью, широкий нос, острые клыки и скажите мне: не нарочно ли создана эта собака для того, чтобы нападать на врагов? Я уже вам сказал, что в своем ошейнике с железными шипами она не боится льва.

— Я никогда не видал такой собаки, — сказал Гиллуа, который, оставаясь в задумчивости до сих пор, вмешался

теперь в разговор. — Это, должно быть, один из последних потомков той породы собак, обладая которыми древние сражались с тиграми.

— Я не знаю происхождения Уале, — продолжал бывший моряк, — его мне дали щенком португальские торговцы невольниками, которым я оказал услугу. В обыкновенное время это самое кроткое животное, оно позволит ребенку теребить себя, но, когда мы странствуем, горе злоумышленникам. Человек никогда не освобождался из ее лап живым.

Во время этого разговора Кунье, ждавший сигнала к отъезду, небрежно поднял кость, которую собака уронила на дно лодки, и хотел бросить ее в реку, но вдруг подал кость Лаеннеку.

— Что такое? — спросил тот.

— Узнаете вы, какого зверя растерзал Уале сегодня?

— Что мне за нужда? Бери весло, пора выбраться на середину реки, нехорошо оставаться у этих берегов, когда настанет ночь!

— Друг, — продолжал негр, — это человечья кость.

При этих словах Гиллуа и Барте задрожали от ужаса.

— Кость человечья... — сказал тихим голосом начальник маленького каравана. — Если так, пора отсюда убираться! Опасность ближе к нам, нежели я думал, потому что Уале никогда не нападает по-пустому...

Лодка отчалила от берега и быстро выдвинулась на середину реки.

Настала ночь... Одна из тех безлунных ночей на экваторе, которые не позволяют даже самому зоркому глазу различить малейший предмет. Каждый нутешественник занял свое обычное место: Лаеннек — у руля, молодые люди — на середине лодки, Буана и ее товарищ поочередно гребли, сменяясь каждый час.

Под влиянием волнения, вызванного загадкой Кунье и словами Лаеннека, никто не прерывал тишины, и странник по африканским лесам, которому следовало бы успокоить всеобщие опасения, казался погруженным в себя до такой степени, что не заботился даже о движении пироги.

— Он разговаривает с духами своих предков, — сказала Буана на ухо Барте, — не будем ему мешать.

Молодая негритянка тихо встала, взяла весло, оставленное ее другом, и через несколько секунд подвела лодку к

песчаной отмели, которую ее рысьи глаза приметили среди реки.

Прекращение движения заставило опомниться Лаеннека.

— Где мы? — спросил он, удивляясь, что не качается на волнах.

— За четверть мили от нашей стоянки, — ответила Буана.

— Зачем ты остановила пирогу?

— Она не должна идти, когда ты советуешься со своими мыслями.

— Она, пожалуй, права, — сказал Лаеннек, говоря сам с собою. — Благоразумнее ждать... На восходе солнца мы будем знать, в чем дело. Извините меня, господа, — обратился он к молодым людям, — что я забыл вас на несколько минут, но жизнь, которую я веду много лет в этих опасных странах, научила меня во всех важных случаях держать совет с самим собою; привычка к одиночеству заставляет меня иногда не обращать внимания на тех, кто меня окружает. Вы должны понять меня: поставленный часто лицом к лицу с опасностью, принужденный быстро решать, я должен совещаться с Собой, потому что в конце этой цепи мыслей встанет роковой вопрос о жизни или смерти.

— Вам нечего извиняться, любезный руководитель, — перебил Гиллуа, — мы здесь находимся под вашим начальством, и мы можем ожидать спасения только от слепого повиновения всему, что вы решите. Едва прошли сутки, как вы вырвали нас из когтей Гобби, и мы не забыли данную нами клятву считать вас нашим начальником.

— Благодарю, друзья, за ваше доверие к искателю приключений и клянусь вам, что это доверие не будет обмануто.

Вместо ответа Гиллуа и Барте протянули руки Лаеннеку, он горячо пожал их. Не будь темноты, молодые люди могли бы увидеть слезу на бронзовом лице дезертира. Он быстро оправился и после вздоха, вырванного каким-то горестным воспоминанием, продолжал излагать твердым голосом свои размышления:

— Я всегда замечал, что в пустыне и в девственных лесах не надо пропускать происшествия, как бы ни было оно ничтожно, не отдав себе в нем отчета; малейшие события имеют важное значение и почти всегда служат предостережением, тайну которого надо разгадать, если не хочешь не

сегодня завтра оставить свои кости в каких-нибудь зарослях. Перейдем к делу. Неоспоримо, что Уале загрыз сегодня человека, которого нашел в кустах, и вы поймете, что это происшествие имеет для меня исключительную важность, когда узнаете, что, с одной стороны, моя собака никогда не нападает сама, если я не подстрекну ее, а с другой — что места, проезжаемые нами, совершенно необитаемы.

— Уверены ли вы, — перебил Барте, — что, когда вы добились сегодня утром от Гобби, чтобы он перестал нас преследовать, он через несколько минут не раскаялся в своем благородстве и не послал сухим путем кого-нибудь из воинов расставить нам засаду?

— Вы забываете, какое влияние я имею на людей его свиты; могу вас уверить, что ни один из них не осмелится взять это на себя. А если это не солдат Гобби, то с каким лее человеком имел дело Уале? Здесь может находиться только какой-нибудь негр, заблудившийся в поисках пальмового масла, но это предположение кажется мне невероятным: я уверен, что собака прошла бы мимо бедняги, не причинив ему никакого вреда! Спросите у Кунье — он здешний, — слышал ли он когда-нибудь, что эти леса обитаемы?

— Здесь живут только львы и большие змеи, — отозвался негр.

Лаеннек продолжал:

— Вы видите, вся эта часть реки на протяжении пяти или шести сот миль окружена лесами и болотами, вот почему мы не могли бы странствовать сухим путем до того места, где Банкора впадает в Конго. И чем больше я думаю, тем меньше могу объяснить себе это необыкновенное приключение. Уале непременно встретил врага... Но какого?

— Не думаете ли вы, — отважился заметить Гиллуа, — что мы теряем здесь драгоценные минуты и что предпочтительнее было бы поскорее оставить самое большое расстояние между нами и...

— Ваша юная голова еще неопытна, — коротко перебил Лаеннек. — В этих ужасных странах никогда не теряешь времени, когда стараешься избавиться от опасности. Подумайте, ведь мы можем делать на пироге только семь-восемь миль в день, а те, которые захотели бы нас преследовать, следуя берегом реки, опередили бы нас очень легко. Помните, что Гобби нагнал нас на следующий же день после нашего отъезда. Следовательно, мы должны двигаться с

большой осторожностью; медлительность здесь полезнее необдуманной быстроты.

— Прошу вас не принять дурно мое замечание, любезный Лаеннек, оно не имело другой цели, как узнать ваше мнение. Еще одно слово, если вы позволите...

— Я слушаю вас, господа, мы можем целую ночь держать совет.

— Если сухой нуть быстрее для тех, кто захотел бы нас преследовать, то почему бы и нам не сделать того же?

— Потому что вы не перенесете путешествия пешком в подобном климате и, прежде чем дойдете до берегов Банкоры, умрете от кровавого поноса, лесной лихорадки или солнечного удара!

— А вы? — вмешался Барте.

— О, я — другое дело. Я теперь истый африканец, и, путешествуя я только с двумя неграми, мы через две педели были бы у слияния Конго и Банкоры.

— И вы уверены, что мы не могли бы следовать за вами?

— Положительно, друзья! И это вопрос не самолюбия, а привычки к климату... Возвращаясь к моим рассуждениям, я повторяю, что было бы чрезвычайно неблагоприятно продолжать наш нуть, не разузнав, с кем встретился Уале. Поэтому я нахожу, что Буана и ее товарищ хорошо сделали, подведя лодку к этой песчаной мели; они поняли, что мы не должны удаляться от этих мест после сегодняшнего приключения.

В ту же минуту, как бы оправдывая предчувствие Лаеннека, блеснул на левом берегу огонь, почти на том самом месте, которое путешественники недавно покинули.

Очевидно, положение усложнялось. Бывший моряк вздрогнул и, не говоря ни слова, протянул руку по направлению к странному сигналу.

В продолжение нескольких минут маленький караван рассматривал в глубочайшем молчании пламя, которое, постепенно увеличиваясь, скоро осветило реку на протяжении двухсот метров.

Среди всеобщего беспокойства Лаеннек первый возвратил себе обычное хладнокровие.

— Я не думал, — шепнул он на ухо своим спутникам, — что мы будем принуждены действовать так скоро... Очевидно, нас преследуют, но кто? Если Уале загрыз какого-нибудь кумира или искателя масла, мы отделаемся, заплатив

обыкновенную пеню за смерть человека, но если жертва принадлежала к воинственному отряду охотников за невольниками, надо остерегаться, потому что законодательство в этих странах еще находится в первобытном состоянии: око за око и зуб за зуб.

— Вы говорите, что мы будем действовать, — воскликнули молодые люди, — но что же мы можем сделать при подобных обстоятельствах?

— Положитесь на Кунье и на меня; пока опасность еще не более как скрытая угроза, я не могу не чувствовать нервного беспокойства, но, очутившись в присутствии голого факта, я прямо подойду к нему, не колеблясь.

— Что же вы намерены делать?

— Мы спустим пирогу на воду и вернемся к берегу, от которого отъехали, напротив этой отмели. Мы так далеко, что ни одно из наших движений не может быть замечено. Вы останетесь в лодке, которую Буана искусно спрячет между корненусков, и, пока вы будете нас ждать с карабином в руке, мы с Кунье отправимся ползком в высокой траве узнать, с кем имеем дело. Что бы вы ни услышали, не стреляйте, никого не надо привлекать к лодке, она — наше единственное спасение. Если опасность приблизится, вы должны положиться на инстинкт Буаны и немедленно выехать на середину реки... Если мы не вернемся в ночь, не беспокойтесь о нас, мы привыкли к этой жизни засад и неожиданных нападений... Если не услышите ничего больше о нас, потому что в этом краю, по негритянской поговорке, смерть прячется под каждой травинкой, вы положитесь во всем на молодую негритянку, которая проводит вас так же хорошо, как и я, к берегам Банкоры, где вы подождете случая отправиться дальше.

— Мы не можем согласиться! — сказал Барте решительным тоном. — Если вы подвергаете опасности вашу жизнь, справедливость требует, чтобы мы в свою очередь...

— Я требую от вас полного повиновения, в котором вы мне поклялись! — перебил Лаеннек с важным видом. — Я знаю все, что вы мне скажете, и не сомневаюсь в вашем мужестве, но вы не можете отправиться с нами: разве вы привыкли к зарослям? Как вы проскользнете без шума в высокой траве? Сумеете ли вы оставаться по целым часам, спрятавшись в нескольких шагах от вашего врага, не возбуждая его внимания? Вы заставите убить нас всех без всякой поль-

зы!.. Я подвергаю опасности мою жизнь, говорите вы, но я делаю это каждый день в течение десяти лет, и вы видите, что до сих пор я умел защитить ее! Для пользы всех нас я требую, чтобы вы остались в лодке! Не опасайтесь: не будет недостатка в случаях выказать вашу дружбу.

Через десять минут легкая лодочка подошла к тростникам, и Лаеннек со своим негром, вооруженный с ног до головы, без шума проскользнул в лес.

Уале, хорошо выдрессированный для этих экспедиций, замыкал шествие, ожидая, чтобы сигнал хозяина вызвал его вперед.

Только что высокая трава закрылась за ними, как Гиллуа и Барте принялись напрасно прислушиваться: никакой шум не долетал до них.

Огонь все сиял так же ярко, бросая красноватый отблеск на берег и листья больших деревьев, и ничто не нарушало ночной тишины, кроме легкого плеска воды около берега и вопля хищных зверей, время от времени раздававшегося вдали звучно и протяжно...

Часы проходили медленно и однообразно, не внося никакой перемены в положение путешественников, оставшихся в лодке. Незадолго до рассвета таинственное пламя мало-помалу угасло. И когда взошло солнце, облив нурпуром и золотом воды Конго, Лаеннека и его спутника еще не было в лодке.

2. Борьба. — Страшный пир

Беспокойство молодых людей дошло до крайней степени, и, только вспоминая последние слова Лаеннека, они могли кое-как сдерживать свое нетерпение. Им хотелось броситься в лес и отыскивать ушедших.

С того места, где они находились, из чащи тростника и корненусков, они могли следить за течением реки только в самом ограниченном районе; на берегу же высокая трава и ветви деревьев представляли между ними и лесом непроницаемый лиственный занавес.

Когда, вне себя от волнения, юноши обратились к Буане, молодая негритянка отвечала им, самоуверенно улыбаясь:

— Господин бодрствует, он придет, я всю ночь слышала его сигнал.

— Сигнал? — спросил Барте, вне себя от изумления.

— Да, белый человек разве не слышал криков тано?

— Как! Этого зловещего пения могильщика (ночная птица, пожирающая трупы)!..

— Кунье и Момту-Самбу подражали ей по очереди, чтобы показать нам, что все идет хорошо.

— Зачем же ты не предупредила нас?

— Два белых человека разговаривали между собой, они ни о чем не спрашивали Буану, и она думала, что господин научил их лесному языку.

— Итак, ты думаешь, что он скоро к нам придет?

— Да, потому что уже более часа, как я...

В эту минуту слова замерли на губах молодой негритянки.

Послышался жалобный крик, но такой слабый и далекий, что только тонкий слух Буаны мог уловить его.

— Что там такое? — спросил Барте, удивленный этим внезапным молчанием.

— Послушайте, тано говорит.

Пронеслись два звука, на этот раз несколько громче, но второй крик еще не затих, как молодая негритянка бросилась с необыкновенной быстротой к веслу и оттолкнула лодку на шесть метров от берега.

— К карабинам! К карабинам! — вскричала она.

Молодые люди схватились за оружие. Как раз вовремя.

Дикий вой раздался на берегу, и какой-то негр, бросившись в воду с копьём в руке, уцепился за пирогу. В мгновение ока Буана схватила топор, которым Кунье прежде резал лианы и хворост, и раскроила череп негру.

Второй негр бросился вслед за своим товарищем, но, прежде чем успел подоспеть к нему на помощь, был убит из карабина Барте. Гиллуа готовился оказать такой же прием третьему разбойнику, но негритянка сильно гребла, и негры, оставшиеся на берегу, уstraшенные ли участью своих товарищей или рассудив, что расстояние от пироги было теперь слишком велико, только усилили свои крики и нускали стрелы, падавшие в воду около беглецов.

Предупрежденная двумя криками тано, которые по своему звуку означали «берегись», Буана спасла жизнь своим двум спутникам и себе.

Сигнал был дан Кунье.

Лодка продолжала продвигаться на середину реки, как вдруг сцена переменилась. Два выстрела из леса положили

конец бессильным демонстрациям негров, и громкий голос Лаеннека приказал собаке:

— Геп! Геп, Уале! Геп!

Собака бросилась прыжками через высокую траву; за собакой бежали ее хозяин и Кунье.

Радостные «ура», раздавшиеся с лодки, приветствовали их появление, а Гиллуа и Барте приготовились играть свою партию в начинавшейся борьбе.

Увидев новых врагов, преградивших им дорогу в лес, испуганные смертью своих товарищей, негры потеряли голову и бросились в реку, чтобы попытаться ускользнуть вплавь. Их оставалось только шестеро, а когда Лаеннек и Кунье скрестили выстрелы с выстрелами из лодки, только двое.

Буана гребла так искусно, что перерезала им дорогу.

— Ни один не должен спастись, — кричал Лаеннек своим друзьям, — или мы погибли!

Тогда произошла страшная сцена.

Уале бросился в реку; один из беглецов нырнул, но собака последовала за ним под воду, и несколько минут снуя вода на значительном пространстве окрасилась кровью... Потом громадная голова дога высунулась из воды; приметив последнего негра, делавшего отчаянные усилия, чтобы добраться прежде пироги до противоположного берега, собака решительно бросилась за ним в погоню.

Несчастный принялся испускать умоляющие крики и, переменив тактику, поплыл прямо к лодке, надеясь доплыть до нее, прежде чем его догонит собака.

Выстрел из карабина мог бы прекратить это страшное зрелище, но Барте и Гиллуа и не подумали об этом; стрелять в человека, который не мог им вредить, казалось им убийством, а сам Лаеннек отодвинул ствол ружья, направленный Кунье в беглеца, и дал своей собаке сигнал остановиться.

Собака была так хорошо выдрессирована, что, несмотря на горячий пыл преследования, не подумала послушаться.

В эту минуту негра принял на лодку Барте, а осторожная Буана связала ему руки за спиной веревкой из волокон растений.

Через несколько минут пирога опять пристала к берегу, и все члены маленького каравана соединились.

Кунье занял свое обычное место, и четыре друга обменялись горячим рукопожатием.

— Вы нас спасли во второй раз! — сказал Барте.

— Не будем говорить об этом, — просто ответил Ланнек, — мы все исполнили наш дружеский долг; но мы поддались великодушию, которое может стоить нам дорого.

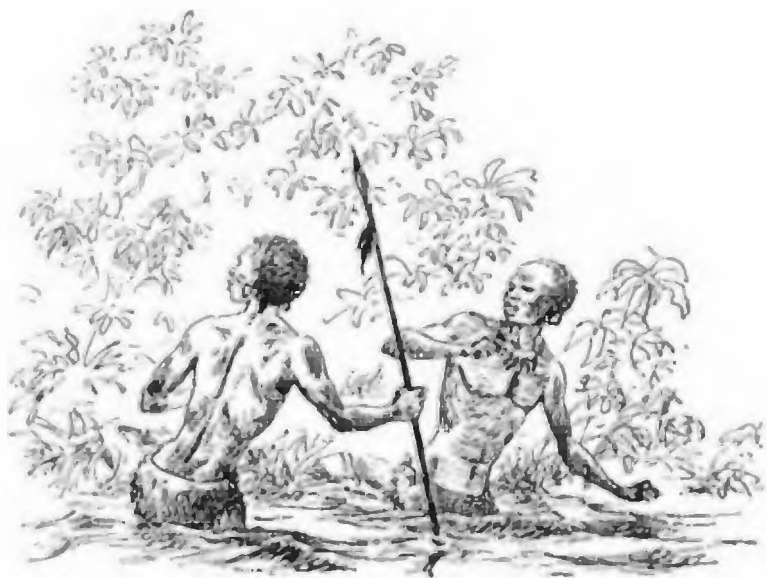
— Как это?

— Если вы выпустите этого молодца, не пройдет и двух суток, как все разбойничье племя сядет нам на шею. Маленькая шайка, которую мы уничтожили, только авангард фанов, или фантов, переселяющихся в эту минуту к верхнему Конго. Через два или три дня они наткнутся на Гобби, но, если узнают об участии своих товарищей, немедленно свернут с дороги и будут преследовать нас до тех пор, пока не отомстят.

— Старший друг, — отважился сказать Кунье умоляющим тоном, — дайте мне убить человека с красной головой (у пленника волосы были обожжены известью)!

— Мы не можем решиться на такой поступок, — ответили молодые люди. — Спасти его для того, чтобы потом холодно убить, — это недостойно человека!

— Вы правы, друзья, и мы этого не сделаем, но мне не следовало останавливать Уале, потому что Кунье говорит языком благоразумия... Пусть будет по-вашему, только я должен вас предупредить, что если мы дорожим жизнью, то

должны по крайней мере десять дней быть наготове размозжить ему голову при малейшей попытке к побегу; по прошествии этого времени мы можем безопасно дать ему свободу, а теперь постараемся удалиться как можно скорее от этих берегов.

Буана и ее товарищ начали грести, лодка летела по воде, и скоро за поворотом реки исчезло место, чуть не ставшее гибельным для беглецов. Первые минуты были посвящены взаимным объяснениям о ночных событиях.

Когда Лаеннек и Кунье вышли из лодки, они направились ползком к таинственному огню, который привлек их внимание, и через четверть часа трудной ходьбы, во время которой они были принуждены избегать малейшего шума, заметили на рубеже леса человек десять негров, склонившихся под темным деревом и, по-видимому, державших совет.

Лаеннек отправил Кунье с приказанием приблизиться к ним как можно ближе и подслушать разговор. Через два часа, во время которых Лаеннек лежал в кустах, не делая ни малейшего движения и удерживая Уале, негр вернулся рассказать своему другу, что маленькая шайка дикарей опередила на один день отряд в четыре или пять тысяч воинов фанов, которые направлялись от реки Огове к верхнему Конго.

Насколько Кунье, научившийся фанскому наречию близ озера Замба, мог понять их, выяснилось, что Уале напал на одного из фанов, ушедшего охотиться, и его соплеменники, привлеченные криками, пришли вовремя, чтобы прогнать собаку, которая, убив уже своего противника, изгрызла ему всю правую руку. Страшный дог хотел было сначала броситься на пришедших, но вдруг повернулся и побежал по направлению к реке. Без сомнения, в эту минуту, несмотря на отдаленность, собака своим тонким слухом уловила, что ее зовет хозяин. Кунье уверял, что фаны, прибыв через несколько минут после этого на берег реки, заметили лодку, удалявшуюся с собакой; темнота, наступающая почти без сумерек в этих широтах, не позволила им далее следовать за путешественниками, и они остановились посоветоваться, как отомстить за смерть своего товарища.

— Они решили, — сказал Кунье, кончив свой доклад, — преследовать нас, спрятавшись в высокой траве берега, и напасть во время одной из наших остановок, так как мы должны, по их соображению, останавливаться, чтобы доставать пищу или отдыхать на земле. А в данную минуту они приготовляются съесть остатки жертвы Уале.

Лаеннек, услышав последние слова, подумал было, что негр шутит, но скоро мог убедиться в справедливости его заявления, потому что мог сам незримо присутствовать при страшном пире и убедиться, что имеет дело с людоедами...

Труп был изжарен и изрублен на его глазах, и хотя чувствительность дезертира значительно притупилась, от обычных опасностей, которым он подвергался столько лет, он чувствовал тошноту, глядя сквозь листья, тихо волнуемые вечерним ветром, на тело фана, окруженное пламенем и дымом.

Лаеннек счел за лучшее сразиться, наконец, с дикарями, чем подвергаться угрозе ежедневных засад. Приходилось, однако, ждать восхода солнца.

План его был очень прост. Ив знал, что можно положиться на бдительность Буаны. Незадолго до рассвета, убежденный, что фаны бросятся преследовать пирогу, он стал с Кунье напротив того места, где его ждали Барте и Гиллуа; таким образом он имел возможность предупредить негритянку об опасности в надлежащую минуту. Он, правда, мог бы сообщить молодым людям о своих намерениях, но, вполне уверенный в том, что они не будут застигнуты врасплох, так

как он караулит, предпочел не увеличивать их беспокойства опасениями новой борьбы. Все произошло, как он предвидел. Фаны на восходе солнца начали преследование. В ту минуту, когда они подошли к корнепускам, под которыми была спрятана пирога, Кунье подал Буане сигнал поскорее отчалить от берега... Ничто не расстроило искусного плана обитателя нустынь...

В продолжение двух дней путники покидали лодку только для того, чтобы изжарить наскоро рыбу, которую Кунье ловил неводом. Птицы, подстреленные на лету, дополняли их провизию. Друзья плыли даже ночью, ни на минуту не переставая грести.

Действительно, можно было предполагать, что фаны, встревоженные участью своего авангарда, пошлют разведчиков и вверх и вниз по реке.

Пленник, видя, что жизнь его не подвергается пока опасности, мало-помалу смягчился; он объявил Кунье, что его зовут Йомби, и даже предложил грести в свою очередь; из осторожности Лаеннек не согласился.

За двое суток путешественники проехали около двадцати миль; несколько раз они встречали по нути большие болота, почти слившиеся с рекой и перерезавшие лес до самого горизонта; погоня теперь стала невозможной, и друзья могли вздохнуть свободно.

Лаеннек решил дать отдохнуть денек своему маленькому отряду. Действительно, все до того устали, что еще накануне решились испытать добрую волю Йомби и дали ему грести, старательно наблюдая, впрочем, за всеми его движениями.

Негр принялся петь странную песню родины и греб всю ночь, не отдыхая ни минуты.

Опять показался лес со своими большими тюльпанниками, баобабами, пальмами и лианами, покрытыми цветами, которые то причудливо обвивались вокруг ветвей, то падали гирляндами в воду; Лаеннек, выбрав песчаный берег, поднимавшийся покато к тенистой рощице тамариндов, велел причалить.

Все тотчас же прыгнули на берег, чтобы насладиться заслуженным отдыхом после необычайных волнений.

Кунье поручили передать Йомби, что он может идти куда хочет, так как никто уже не опасается погони его соотечественников.

Бедняга нерешительно сделал несколько шагов к лесу, потом вдруг передумал, сел на берегу, и нутешественники с удивлением увидели, что из глаз его катятся крупные слезы.

— Ну, — сказал ему Кунье, служа переводчиком Лаеннеку, — разве ты не рад, что можешь возвратиться к твоим?

— Если Йомби воротится в свое племя, Йомби будет съеден.

— Отчего это?!

— Оттого, что Йомби обязан был умереть, стараясь отомстить за своих братьев!

От него нельзя было добиться больше ничего, и, когда спросили, что же он намерен делать, он ответил, что, будучи взят в плен, стал невольником и должен повиноваться.

— Но белые не могут взять тебя с собою!

— Стало быть, если у Йомби нет пироги, чтобы ехать по реке, и нет оружия, чтобы отыскивать себе пищу, Йомби умрет с голоду или будет съеден тиграми!

— Он прав, — вмешался Барте. — Мы не можем бросить его таким образом; позвольте мне взять на себя заботы о нем, Лаеннек.

— Тем охотнее, — ответил Лаеннек, с улыбкой смотревший на эту сцену, — что он может оказаться недурным приобретением. Негры вообще или очень добры, или очень злы, и у них не хватает искусства долго притворяться. Я два дня наблюдал за ним и думаю, что его можно отнести к категории добрых. Умея дружить с ним, а главное, развив в нем человеческое достоинство, вы легко можете сделать из него второго Кунье, то есть настоящего товарища и брата.

Услышав эти слова, Кунье ответил чванно и комично, что не может быть никакого сравнения между ним и красной головой, которая ела человеческое мясо, и что хорошо еще, если ее можно приручить, чтобы сделать товарищем Уале.

Эта выходка рассмешила нутешественников, и Йомби решили оставить.

Рабство побежденного в центре Африки — военный закон, не оспариваемый ни одним племенем, и во многих местах тот, кто даст взять себя в плен и потеряет свою свободу, не может уже воротить ее. Поэтому понятно, что пропитанный предрассудками фан не желал возвращаться к своим. Вернувшись к соплеменникам, бедный Йомби был бы вынужден признаться, что белые как-никак продержали его несколько дней в плену, и этого было бы достаточно, чтобы

наложить на него неизгладимое пятно рабства. Поэтому, когда ему растолковали, что он может остаться, он лег возле Барте, поставил его правую ногу на свою голову и поклялся ловить рыбу и охотиться для него, разводить костер и всегда наливать в его горлянку чистую воду.

Менее чем в час два негра, ставшие почти друзьями, несмотря на гордость Кунье, и негритянка устроили листовенный шалаш, а покончив с этим делом, принялись собирать сухие ветви для ночного костра.

Ужин был великолепен, Барте и Гиллуа давно не имели такой трапезы. Она состояла из раков и рыбы, которых Кунье выловил в Конго, трех маленьких зайцев, найденных Йомби в норе, и разных плодов, которых Буана принесла из леса.

Но больше всего пришлось по вкусу путешественникам, так давно лишенным хлеба, пять или шесть крупных плодов хлебного дерева, испеченные под золой. Это вкусное кушанье, заменяющее даже европейцам картофель и хлеб, было найдено в лесу Лаеннеком.

Во время приготовления пиршества все радостно суетились; Лаеннек и Барте между делом чистили оружие и осматривали состояние зарядов, лежавших в ящике из камфарного дерева. Гиллуа попутно с хозяйством занимался своей любимой естественной историей, он осматривал каждую рыбу, которую Буана готовила к ужину.

Это занятие скоро внушило ему сильную печаль, потому что он ничего не приготовил заранее для того, чтобы сохранить любопытные сорта рыб, проходившие пред его глазами.

Особенно две породы — бишир и четырехзубец — привлекли его внимание.

По мнению Шерубини, который уже наблюдал эти породы в верхнем Ниле, бишир — рыба необыкновенная как по своей величине, так и по форме и по особенностям внутренней организации.

Некоторые экспансивные ученые считают ее существом совсем особого рода; как киты или кашалоты, она снабжена в верхней части черепа дыхалом, выбрасывающим воду; формами и кожей, жесткость которой не поддается острому железу, бишир походит на пресмыкающееся. Только жаря его в печи, можно извлечь из его оболочки, как из футляра, очень белое и довольно вкусное мясо. Широкая пасть, снабженная множеством зубов, заставляет считать его хищником.

Бишир живет в глубокой тине, поймать его трудно. Электрический аппарат, которым он снабжен, причиняет сильное потрясение всякому, кто дотронется до него.

Четырехзубец отличается той особенностью, что у него на брюхе есть нечто вроде нузыря, который он надувает по желанию и который позволяет ему плавать на поверхности воды.

— Какая жалость, — сказал Гиллуа, указывая Барте на рыб, — что мы беглецами странствуем по этим краям! Все продукты ловли Кунье доказывают мне, что есть необыкновенное сходство между фауной областей верхнего Нила и этих стран. Будь мы снаряжены для экспедиции, мы, вместо того чтобы снискаться вниз по Конго, поднялись бы по нему вверх и достигли бы тех больших озер в центре Африки, откуда, вероятно, вытекает Нил, Огове и Конго.

— Я уверен, — ответил молодой офицер, который до страсти любил географические споры, — что если бы мы не успели разрешить эту великую проблему, которая в высшей степени занимает современную науку, то по крайней мере прославили бы наше имя каким-нибудь важным открытием.

Молодые люди принялись развивать план путешествия. Африка привлекала их, как и всех, кто провел уже немного времени в этой таинственной стране. Вдруг веселый голос Лаеннека прервал их разговор.

— И вы начинаете, — сказал он, — привыкать к жизни в зарослях, опасности которой только увеличивают привлекательность! Я уверен, что, если вы доедете благополучно, мы расстанемся не без сожаления и, может быть, не долго останемся в разлуке.

— Мы об этом думаем, — ответил Барте задумчива. — О, если бы у нас были необходимые инструменты для вычисления широт, удобная лодка и хорошее оружие!..

— И средства для сохранения удивительных образцов фауны и флоры этих стран! — продолжал Гиллуа.

— Ну что ж тогда? — спросил Лаеннек шутливо.

— Мы осмотрели бы, — ответил молодой офицер со вздохом сожаления, — те плоскогорья, где три больших африканских реки берут свое начало.

— Я никогда не мог понять, — сказал бывший моряк, вдруг помрачнев, — какие причины могли побуждать людей, любимых в своей стране, оставлять семью и друзей, чтобы путешествовать в этих чуждых странах. Слышал я, что они

едут осматривать реки и изучать растения или животных; но во всем этом нет недостатка и у нас. Растения все растут одинаково, а чтобы узнать, что одни животные едят траву, а другие мясо, нет надобности заезжать так далеко. Разве вы думаете, что вода в Конго не такая, как в наших бретанских ручьях, и что рыбы живут здесь не так, как у нас? Негры уверяют, что все эти путешественники просто торгуют невольниками, и я всегда думал, что негры правы. Что касается меня, то без моего несчастного приключения в Сан-Паолода-Луанда мне никогда не пришло бы в голову жить в этой дьявольской стране, и я должен вам признаться, что ваши последние слова привели меня в глубочайшее недоумение!

— Любезный проводник, — ответил ему Гиллуа со смущенной улыбкой, — кроме любви к науке, есть еще закон природы, толкающий человека вперед и часто без его ведома заставляющий его подготавливать новые области для переселения будущих далеких поколений. Земля, по которой он ступает в продолжение столетий, наконец нуждается в удобрении и отдыхе; лишая землю лесов, мы осушаем наши реки, дожди становятся реже, и земля, лишенная производительных сил, становится мало-помалу песчаной и бесплодной.

Таким образом по необходимости перемещаются великие центры цивилизации; из старой Азии, в которой сосредоточивалась вся жизнь древних, центр культуры мало-помалу удалился: мать пожертвовала собой в пользу своей дочери — Европы... Где теперь народы, населявшие Нововавилонию и большие плоскогорья Центральной Азии? После Европы придет очередь Америки, после Америки — Африки и Океании. Потом когда-нибудь земля поднимет из своих вод новые материки, зальет старые, и племена, спасшиеся от этого потопа, будут продолжать человеческий род на новой и плодородной почве! А мы, их предки, будем являться им сквозь туман преданий, как угасшая раса гигантов. Полюсы ждут среди своих льдов того часа, когда солнце возвратит им вечную весну. В ожидании нового бунта природы, которая разрушит свое создание, для того чтобы омолодить его, которая двинет океан на оскудевшие земли, человек продолжает свое дело и мало-помалу захватывает необитаемые страны... Одни странствуют по земному шару, возбуждаемые приманкой прибыли, — они ищут золото, слоновую кость, черное дерево и перламутр; другие изучают географические условия и

произведения неизвестных стран; третьи, как вы, Лаеннек, брошены сюда случайностью.

Но, как ручьи соединяются для того, чтобы составить реку, настанет день, когда вся эта нестройная деятельность принесет свои плоды: неизвестный край созреет для собственной культуры и переварит культуру старых народов. Вы сами, не подозревая, трудитесь для этого великого дела! Вы — бессознательный Ливингстон, но это не мешает вам класть камень для общего здания!

— Ах! — сказал Лаеннек, восхищенный этими словами, хотя не совсем понимал их смысл. — Будь у меня только маленький, но хорошо вооруженный отряд в триста человек европейцев, я провел бы их через всю Африку!

— В таком случае, — возразил Гиллуа, — вы принесли бы больше вреда, чем пользы.

— Как это?

— В странах, являющихся антиподами нашей цивилизации, среди местных народностей, которые имеют право жить со своими обычаями и привычками на земле, где родились, только преданность одинокого путешественника достойна симпатии! Он должен уважать предрассудки, предания и верования туземцев не меньше, чем уважает глупости своих предков! Путешествуя же с отрядами в триста или четыреста человек, вооруженных с ног до головы, вы распространите ужас на вашем пути и истребите народонаселение, имеющее такое же право, как и вы, жить на своей земле и запрещать врагам доступ к себе. Вы не думаете ведь, чтобы во Франции позволили прогуливаться тремстам неграм, вооруженным, как на войну?

— Против них выслали бы жандармский эскадрон! — перебил со смехом Барте.

— Зачем же требовать от боязливых и суеверных дикарей того, чего вы не можете добиться от цивилизованной нации?.. Сплетем венки тем путешественникам, которые идут одни, это пионеры будущего, но выкинем из рядов человечества те разбойничьи отряды, которые под начальством авантюристов и под предлогом открытий отправляются воевать в центр Африки и сжигают целые деревни только за то, что негры не пускают бандитов на свою землю. Эти люди достигают только одного результата: они готовят верную и справедливую смерть для всякого европейца, который захочет следовать за ними.

— Да, друг мой, — продолжал молодой офицер, с презрением пощипывая нашивки своего мундира, — толпа, восхищающаяся издали этими мнимыми учеными экскурсиями, идущими с карабином и нушкой, не знает, при каких условиях проводятся эти экспедиции. Но нет ни одного жителя в центре Африки, который не понимал бы, что стада невольников предназначаются белым людям, покупающим их для того, чтобы заставлять работать. И надо признаться, к нашему стыду, что до самого последнего времени мы давали знать о себе неграм только как торговцы человеческим мясом. На каждого белого негр смотрит, как на врага, который похищает его у семьи, у полей, у огородов, и этот общий страх делает таким трудным путешествия внутри Африканского материка. Я слышал от старого пионера, который объехал целый свет, что страх попасть в неволю — главная причина ненависти негра к европейцам. «Если вы нутешествуете один, — говорил он мне часто, — вас принимают за шпиона, высматривающего, много ли жителей в краю и прибылен ли торг людьми, и тогда стараются освободиться от вас; если вы являетесь с многочисленным отрядом, все мирные земледельческие племена бегут при вашем приближении, а если в деревне живут воины, все вооружаются и нападают на вас».

Все государства в центре Африки имеют три касты, встречающиеся в колыбели всех народов: воинов, жрецов, крестьян. Люди эти живут, как жили европейцы в первые времена средних веков, но разве то, что они находятся еще на заре цивилизации, дает право бродить по их стране шайкам? Рабство уничтожено на бумаге, я с этим согласен, но в действительности оно продолжает существовать; и разве эти люди могут забыть страшные войны, периодически затеваемые их царьками с единственной целью — достать себе невольников, которых они привозят в гавани для продажи? Европа должна пенять на себя, на способы развращения, которые она употребляла, на постыдный торг, которым она занималась, чтобы достать работников для своих колоний, если весь центр Африки от обоих тропиков до экватора закоснел в грабеже и войнах. Поэтому мы не должны удивляться, если негры обращаются с нами так, как прибрежные народы Средиземного моря обращались когда-то с пиратами, которые являлись из Алжира, Триполи и Туниса похищать жен и детей... Я согласен с вами, Гиллуа, здесь следует путешествовать только одному или втроем или вчетвером, поселиться

сначала, как Ливингстон, в прибрежных деревнях и мало-помалу продвигаться внутрь страны.

— Все, что вы говорите, исполнено здравого смысла. Простого матроса повесили бы за такие слова, — ответил Лаеннек. — И можно подумадь, что вы не впервые нутешествуете в этих странах; черные племена легко допускают к себе белого, если только не видят в нем торговца невольниками; но вы забыли, какое приключение случилось с вами; здесь живут не мирные племена, а воинственные касты, и они будут уважать вас только в том случае, если вы умеете защищаться. Но справедливость требует признать, что на вас не нападут, если нет оснований вас опасаться. Зато здесь есть таинственная раса фанов, которая в эту минуту захватила весь запад Южной Африки, и от этих фанов вы не должны ждать решительно ничего хорошего. Они не щадят ни негров, ни белых.

— Я это знаю, — сказал Барте. — Многие путешественники упоминали об этой интересной народности, и ее происхождение составляет в эту минуту предмет одной из самых любопытных этнографических проблем, которыми занимается ученая Европа. Когда мы будем в состоянии лучше понимать Йомби, мы, конечно, получим от него интересные сведения о нравах его соотечественников.

Ужин кончился за этим интересным разговором. Ночь быстро приближалась. Кунье и Йомби, которые хотели попеременно охранять покой своих хозяев, зажгли костер для отнугивания зверей.

Путешественники удалились в шалаш, где приготовили себе постели из сухих трав, и скоро тишина нарушалась только однообразным журчанием реки и воем шакалов, отыскивавших падаль в высокой траве... Прежде чем заснуть, Лаеннек и его товарищи поговорили еще о своей страшной встрече. Наткнулись ли они на авангард настоящей орды или встретили только странствующее племя... Барте сказал правду, что вопрос о происхождении фанов составляет любопытную этнографическую проблему.

«У фанов страннее всего их стремление к постоянному захвату территории, — говорит Шайю. — Каждый год фаны приближаются к берегу. Они основывают деревню за деревней на берегах Габона и в странах, находящихся между Габоном и Мондо. Они теперь уже на расстоянии нескольких миль от Обендо. Словом, этот народ, который кажется

неугомонным и предприимчивым, гораздо сильнее, чем будемо, бишой и даже понгве; я думаю, что мало-помалу фаны завладеют всем побережьем. Раньше предполагали, что эти фаны, в сущности, джаги или яга, захватившие когда-то королевство Конго и составлявшие большую часть его народонаселения. Однако в последние наши путешествия в Верхний Назарет и внутрь края, к югу настоящего жительства фанов, я не нашел ни одного племени, которое слышало бы об этом древнем народе. Переселения же фанов совершаются так медленно, что деревни, между которыми они поселялись, непременно должны были бы сохранить какое-нибудь воспоминание; и конечно, если бы это были джаги с юга, они непременно оставили бы где-нибудь свои следы. Притом все фаны, когда у них спрашивают, откуда они, указывают на северо-восток. В какой бы деревне ни задали вы этот вопрос, ответ всегда одинаков. У фанов цвет лица не так черен, как у бакале, шекиани и других окрестных племен. Но тип у них негритянский и волосы шерстистые. Они татуируются более всех других народов, которых я видел к северу от экватора, но меньше, чем некоторые южные племена. Этот обычай обезображивает мужчин менее, чем женщин, которые тщеславятся тем, что всю грудь и весь живот покроют линиями и кругами. Щеки их также испещрены всякими рисунками, которые в соединении с громадными медными и железными кольцами, тяжесть которых оттягивает уши, придают фанам самую отвратительную внешность.

Эти племена — людоеды; они едят даже трупы тех, кто умер от болезни».

Тот же путешественник продолжает:

«Однажды я разговаривал с их королем, когда фаны принесли мертвое тело, которое купили в соседней деревне и которое надо было разделить. Я заметил, что этот человек умер от какой-то болезни. Признаюсь, я не мог присутствовать при том, как его рубили. Мне сделалось дурно. Я ушел, как только эта адская сцена началась, и издали мог еще слышать, как они ссорились из-за раздела.

Есть тело умерших от болезни — это утонченность людоедства, и я никогда об этом не слышал. Я пожелал узнать, принят ли вообще этот обычай у фанов или это была только чистая прихоть. Мне ответили, что они покупают все мертвые тела племени осгебы, которое взамен покупает у них их

трупы... А в своем племени они едят мертвецов лишь из других семейств...

Кроме того, фаны доставали тела невольников у бишои и будемо за слоновую кость, по маленькому кусочку за каждый труп.

До тех пор я никак не хотел верить двум случаям, которые покажутся невозможными всякому, кто еще недостаточно знаком с этим народом. Мне рассказывали об этом в Габоне. Шайка фанов, прибывшая на берег, украла однажды труп, только что похороненный на кладбище, изжарила его и съела. В другой раз люди того же племени похитили другой труп, перенесенный в лес, разрезали его, выкопали и принесли его к себе.

Я видел у фанов ножи, покрытые человеческой кровью, которым они придают большую цену. Фаны, впрочем, самые красивые негры, каких я видел, и их страшный обычай идет им в пользу. Живя в горах, они сохраняют смелую и гордую наружность типичных горцев.

Следует заметить, что, когда людоеды встречаются с племенами неканибальскими, они не выказывают страшного обычая, даже стыдятся его, и это подает повод надеяться, что рано или поздно относительная культурность других негров преодолеет страшное варварство фанов».

По словам того же нутешественника, фаны очень искусны в изготовлении железа. В торговле они ищут предпочтительно белые бусы и сосуды из желтой или красной меди.

Железо имеется в стране фанов в значительном количестве и разрабатывается на поверхности земли. Рудников не роют, а берут только то, что находится вровень с землей. Для извлечения железа из породы фаны разводят громадный костер, на который насыпают большое количество истолченного булыжника; последний в свою очередь покрывают дровами, и «завод» готов. Пока костер горит, в него постоянно подбрасывают дрова, до тех пор, пока приметят по некоторым признакам, что железо расплавилось. Тогда дают массе остыть. Чтобы сделать металл ковким, его подвергают разным операциям: греют на углях, бьют молотком и получают железо едва ли не высшего качества, нежели то, которое привозят им из Европы.

Для того чтобы улучшить качество ножей и арматуры стрел, фаны употребляют не американское железо, а свое собственное. Их копья, по большей части сделанные очень

хорошо, украшены резьбой, красота которой удивляет не только этнографов, но и художников Европы.

Как кузнецы они превосходят все племена тех областей, в которые белые занесли это искусство. Благодаря воинственным привычкам фанов железо стало для них первой необходимостью; если их инструменты просты, то терпение велико. Кузница помещается везде, где можно развести огонь. Они изобрели мех странного сорта: этот мех двойной и состоит из двух пустых деревянных цилиндров, обтянутых кожей, в которых сделана отдушина, приспособленная к деревянной ручке. Человек, раздувающий мех, садится наземь и приводит его в быстрое движение. Воздух прогоняется сквозь легкие деревянные цилиндры в трубы, проведенные к огню.

Наковальня фанов — большая железная масса, а молотки — куски того же металла весом от трех до шести фунтов, имеющие форму усеченного конуса. У такого молотка ручки нет, его держат за тонкий конец, а это, конечно, требует большой затраты сил. Довольно любопытно, что при всем своем искусстве они не умели придумать такую простую штуку, как ручка к молотку.

Время не имеет никакой цены в глазах фанов. Старательный кузнец часто употребит несколько дней и даже недель на изготовление маленького молотка, а для военного ножа, роскошного копья или топора требуются месяцы. Легкие узоры, украшающие оружие, делаются от руки при помощи инструмента, похожего на резец нашего скульптора. Эта работа обличает большую верность глаза и острое художественное чутье.

Фаны довольно искусно делают также глиняную посуду, хотя употребляют при этом только трубки и котлы, которые, в свою очередь, делают просто от руки, потому что фанам неизвестно гончарное искусство.

Они носят и сохраняют воду в тыквенных бутылках или кружках из тростника, обмазанных камедью. Камедь эта сначала растапливается на огне, потом ею покрывают всю поверхность сосуда. Таким образом горлянка становится водонепроницаемой. Ее необходимо только продержать в воде две недели, чтобы лишить неприятного запаха камеди.

Фаны курят дикий табак, которым изобилует страна. Мясо слона — их главная пища, а слоновая кость — единственный предмет отпусковой торговли, предмет чрезвычайно важный, потому что в обмен на слоновую кость они достают

красную или желтую медь, котлы, зеркала, кремни и бусы; все эти предметы уже стали для них необходимы. Более всего фаны дорожат медью.

Их система земледелия очень груба. Они вырубают деревья и кусты, чтобы сделать прогалины, жгут все, что срубили, и разводят плантации на вычищенном месте. Единственное земледельческое орудие, известное фанам, это род очень тяжелого ножа, который заменяет сошник у плуга, чтобы вспахивать землю и вырывать ямочки, в которых сажают маниок и банан.

После мяса самое любимое их кушанье маниок. Его рассаживают черенками; маленькая ветвь, старательно посаженная в землю, дает два или три крепких корня толщиной с иньям. Листья кипятят и едят; это превосходный овощ.

Кроме маниока, у них есть банан, два или три сорта иньяма, великолепный сахарный тростник и тыква.

Из зерен тыквы они умеют готовить нечто вроде теста, которое кажется недурным даже европейцам. Когда тыква поспевает, зерна собирают, сушат, завертывают в листья и вешают над огнем, в дыму, чтобы охранить от какого-то насекомого, которое очень лакомо до них. Процесс приготовления очень длинен. Часть зерен очищают от скорлупы, кипятят, потом всю массу растирают в деревянной ступке, куда прибавляют некоторое количество растительного масла. Эту смесь жарят на углях в глиняном сосуде или на банановом листе. Получается вкусное и питательное кушанье.

Каждая семья фанов имеет такую ступку. Это нечто вроде деревянной лохани длиной в два фута, глубиной в два или три дюйма, шириной — в восемь. Деревня владеет сообща громадными деревянными ступками, в которых толкут корень маниока.

Фаны не едят и не продают трупов своих начальников, а, напротив, воздают им большие почести.

У них существует обычай, весьма любопытный тем, что существовал также у всех первых народов Азии, и, кажется, происхождения не совсем африканского: всякий должник, всякий обвиненный в колдовстве или прелюбодеянии, всякий возмущающийся против власти начальника продается в неволю.

Как все народы, занимающиеся набегами, фаны мужественны на войне и с редким искусством стреляют из лука.

Большие стрелы, которые они употребляют, покрыты железной арматурой, похожей на зубцы гарпуна; эти стрелы длиною почти в два фута незаменимы на охоте. Другое оружие еще опаснее: это бамбуковая палочка, очень тонкая, длиною в один фут и заостренная на одном конце. Стрелы эти так легки, что, позволь им только, они сами вылетали бы из лука; чтобы удержать их, лук покрывают камедью; кроме того, для этой же цели длинная ручка лука раздвоена наверху; когда обе части сближаются, слетает маленькая затычка, удерживающая веревку, которая крепко натягивается и выбрасывает стрелу на большое расстояние. Эта стрела поражает смертью все живое, к чему прикоснется, — она отравлена.

Яд состоит из сока неизвестного растения. Острые стрелы несколько раз обмакивают в эту жидкость; высохнув, стрелы принимают красный цвет.

Стрелы, приготовленные таким образом, старательно сохраняются в небольшом мешочке из звериной шкуры. Для ран, нанесенных ими, нет никакого лекарства. Смерть наступает через несколько минут.

В военное время фаны втыкают в землю на дорогах, ведущих в их лагерь, очень большое количество отравленных стрел таким образом, что острия едва выступают из земли. Как ни легки раны, нанесенные голым ступням врагов, смерть почти мгновенна.

Когда начальник бывает убит в сражении, все племя бреет волосы, царапает грудь и три дня наемные плакальщики наполняют воздух своими стонами.

Любопытно вспомнить, в каком почете этот обычай был в древности.

Фаны имеют понятие о высшем существе, вернее, о высшем предрассудке; по их мифологии, оно, к счастью, занимается людьми только после их смерти; фаны также поклоняются множеству добрых и злых духов, которые, по их мнению, населяют леса, воды, пустыни, а по ночам — даже человеческие жилища.

Брачные церемонии у фанов грубы, обычно сопровождаются большим увеселением. Муж покупает себе жену. Отец же стремится выгоднее отдать дочь и назначает за нее высокую цену, особенно если видит, что жених очень прельщен.

Часто проходят годы, прежде чем муж может купить жену, потому что вещи, которыми он платит за нее отцу, относятся к редким европейским товарам; он принужден набрать большое количество слоновой кости и ждать, чтобы пришли караваны с берега с предметами меновой торговли.

Этим объясняется храбрость охотников и ярость, с какой они нападают на слонов.

Когда должна праздноваться свадьба, родители и друзья жениха и невесты несколько дней заготавливают провизию, а именно — копченое мясо слона и пальмовое вино.

Когда приготовления закончены, вся деревня собирается и без всяких обрядов отец, заранее получивший условленную плату, отдает свою дочь жениху в присутствии начальников и старшин.

Жених и невеста наряжаются для этой церемонии. Жених надевает на голову яркие перья, тело его намазано свежим маслом, зубы черны и гладки, как эбен; большой боевой нож заткнут за пояс, а если этому счастливцу еще удалось убить тигра или леопарда, он грациозно драпируется в его шкуру.

Невеста наряжена изысканнее жениха: на ней надет только один передник. Но на руках и на ногах ее — железные и медные браслеты, а в курчавых волосах — бусы и белые стеклышки.

Как только все собралось и невесту отдали жениху, начинается праздник, который длится несколько дней.

Едят, пьют, напиваются, насколько хватает запасов.

Рождение не сопровождается никакими обрядами; однако женщины после родов, так же как у евреев и во всей Азии, считаются несколько времени нечистыми.

Таковы главные обычаи и самые выдающиеся черты характера этой странной народности фанов, которая захватывает Южную Африку, а колыбель которой указать наука еще не умеет.

Рассуждая об этом таинственном народе и об опасности, от которой они избавились только случайно, наши беглецы не скрывали от себя, что дорога, выбранная ими, может привести в самое сердце страны фанов. Однако усталость сомкнула друзьям глаза и губы, сон застал их врасплох среди тревоги.

3. Бегемоты. — Приготовление к отъезду

На восходе солнца наши нутешественники были разбужены криками негров и Буаны, сопровождаемыми каким-то странным аккомпанементом. Барте выбежал из шалаша и приметил всего в нескольких шагах от берега десятка два бегемотов, которые, собираясь взлезть на берег и испугавшись шума, которым была встречена их попытка, старались найти место поспокойнее.

Гиллуа и Барте поспешно побежали к берегу, потому что в первый раз могли свободно рассмотреть этих колоссов экваториальных рек.

Бегемот («речная лошадь» — так названная древними, которые нашли некоторое сходство между его криком и ржанием лошади) нисколько на лошадь не походит.

Племена Центральной Африки называют бегемота барауаду — речным быком.

Это животное — настоящий речной царь; оно походит по громадной толщине на слона, по длине же уступает слону и носорогу; впрочем, в некоторых областях бегемот достигает величины носорога.

Бегемот имеет около тридцати футов длины, а иногда даже более, от конца морды до начала хвоста; пятнадцать футов в окружности и шесть с половиною — в высоту; пасть его более двух футов величины. У бегемота особенно замечательны зубы; у него их тридцать шесть, кроме четырех глазных; эти последние достигают дюймов пятнадцати длины и остры, как кабаньи клыки; каждый весит около тринадцати фунтов; кость так жестка, что удар стали может высечь из нее искру; кроме того, она замечательно яркой белизны: слоновая кость всегда желтеет со временем, поэтому зубы бегемота предпочитают слоновой кости.

Кожа бегемота черного или коричневого цвета, иногда рыжеватая, сморщенная и без шерсти, как у слона, недоступна пуле. В ней от одного до трех дюймов толщины, впрочем, на голове кожа его не так толста и приросла к костным частям; только тут и под мышками можно смертельно ранить бегемота.

Вес этого животного обыкновенной величины считается от трех до четырех тысяч фунтов.

Бегемот может жить и в воде, и на вольном воздухе, эти две стихии одинаково необходимы для его существования. Днем он остается обычно в воде реки или озера; ночью выходит есть траву, тростник и разные другие растения, как бык. Некоторые нутешественники утверждают, что бегемот питается также рыбами, но ничто до сих пор не подтвердило такого наблюдения; скорее, напротив, все доказывает, что это животное — травоядное. За неимением трав или растений оно ищет пищу в древесных корнях, которые перегрызает своими четырьмя глазными зубами.

Бегемоты — настоящий бич во всех земледельческих странах Центральной Африки. В одну ночь они опустошают целые плантации риса, маиса, сахарного тростника; можно себе представить, сколько может съесть этот зверь, когда он голоден. У земледельцев нет другого средства против этих ночных нашествий, кроме постоянной охраны своих полей; достаточно криков людей, звуков тамтамов и разведенного огня, чтобы принудить его отступить.

На суше он боязлив, потому что не может показать так, как в воде, свое проворство и силу. Его очень короткие ноги препятствуют быстроте бега. Поэтому он редко удаляется от тех мест, где может в случае внезапного нападения тотчас же исчезнуть в воде. Он предпочитает эту стихию, потому что там может пользоваться своими преимуществами; он плавает гораздо быстрее, чем бегаёт. В воде основал он свое нормальное местопребывание, потому что там он чувствует себя в безопасности. Там ему нечего опасаться никаких врагов, даже крокодила, который не может успешно бороться с этим чудовищем, кожа которого непроницаема, а сила ужасна. Замечено, что в тех местах, где водятся бегемоты, не бывает крокодилов.

Суда, плавающие на поверхности воды, тревожат бегемота, и часто случается, что он нападает на них, как на опасного врага.

Вообще он от охотника бежит, но рана раздражает его, тогда он оборачивается и с яростью бросается на судно, на котором находится зачинщик. Схватив во всю ширину открытой пасти борт лодки, он вонзает свои страшные зубы и благодаря необыкновенной силе своих челюстей пронзает доски насквозь, так, что вода заливают его врага.

Есть несколько способов охотиться на бегемота. Эта охота требует большого числа людей на нескольких лодках,

соединенных вместе. В чудовище бросают гарпун и отпускают веревку до тех пор, пока бегемот, истекая кровью, не лишится сил.

В некоторых странах Африки, например на берегах верхнего Нила, негры ловят бегемота сетями, такими крепкими, что они не могут рваться; когда бегемот попадает в плен, его умертвить легко.

Самка бегемота немножко меньше самца. Она приносит одного детеныша, как слон и все большие звери. Большая плодовитость была бы бедствием для стран, в которых живет этот колосс.

Поимка бегемота — большое счастье для негра, потому что доставляет несколько тысяч фунтов превосходного жира для приготовления пищи, в растопленном виде превосходно сохраняющегося. Мясо его очень вкусно.

Это животное водится только в Африке. Страбон, опираясь на свидетельство Неарха и Эратосфена, отрицал существование бегемота в Индии и во всей Азии. Но Онезикрит и Филостранд доказывали противное. Вопрос о том, принадлежит ли бегемот исключительно Африканскому матерiku, горячо обсуждался в древности, но не получил окончательного решения. Описания этой породы древними писателями мало согласуются между собой и по большей части очень ошибочны.

Так, по словам Аристотеля: «Он ростом с осла, грива и голос лошадиные, копыта как у быка, зубы выдающиеся, хвост как у свиньи».

Геродот описывает его почти так же; он мало ошибается, говоря, что бегемота можно сравнить по величине с очень большим быком. Но доказательством того, что он сам не видал бегемота, служит то, что он приписывает ему хвост, похожий на лошадиный.

Плиний почти воспроизводит описание Аристотеля, прибавляя новую неточность: он говорит, что бегемот покрыт шерстью, как тюлень. Однако Плиний должен был бы иметь более точные познания, потому что в Риме показывали этих животных в различные эпохи.

Так, по словам Диона, Август, победив Клеопатру, привез с собою бегемота. Император Коммод показывал пять бегемотов в Риме и убил одного собственной рукой. Бегемотов видали в Риме в царствование Гелиогабала и Гордиана.

Геродот, Аристотель и Диодор Сицилийский согласно считают бегемота принадлежащим исключительно Египту и Нилу; отсюда происходит название «речная лошадь»; последний из этих писателей вернее всех описал бегемота.

Арабский врач Абдуллатиф также дал в двенадцатом столетии превосходное описание бегемота.

В последнее время снова подняли вопрос о том, есть ли бегемоты в Азии, а именно в реках Индии, Явы и Суматры, но все исследования дали до сих пор отрицательный результат.

Теперь они довольно редки в Египте; по-видимому, они перешли в большие внутренние озера и в реки Абиссинии, Сенегала, Конго и Южной Африки.

Предметом торговли служат теперь их зубы, шкуры и жир.

В то время как Гиллуа и Барте по привычке обратились к научным воспоминаниям о бегемотах, Лаеннек и Кунье здраво сообразили, что следовало бы захватить одного из этих громадных животных, которое может доставить обильный запас свежего мяса.

— Мы прокоптили бы большую часть, — сообщил Лаеннек свою мысль молодым людям, — и таким образом у нас на несколько недель хватило бы здоровой и вкусной пищи!

— Может быть, — ответил Барте, встряхиваясь, — стадо вышло на берег не слишком далеко от нас. Но можем ли мы с некоторой осторожностью подойти так близко, чтобы убить одного из карабинов?

— Почти невозможно!

— Я знаю, что это животное уязвимо только в некоторых частях, но...

— Не в этом затруднение, — перебил Лаеннек. — Стоит только всадить ему пулю между глаз, и бегемот повалится, как убитый бык; но днем он редко выходит из реки, и если выйдет случайно пощипать травку, то при малейшем шуме погружается в воду.

— Но как же тогда туземцы охотятся за ним?

— В каждой стране свой обычай. В верхнем Конго ставят крепкие сети или капканы на дороге, ведущей на поле сорго или сахарного тростника, которое он уже начал опустошать; ловят его и другими способами; иногда его преследуют в лодках с гарпуном. Но из всех этих способов, испытанных мною, ни один не может сравниться с засадой. Стоит спрятаться вечером на плантации, которую он любит посещать, и бить в упор без промаха.

— Не можем ли мы попытаться в эту ночь?

— Для этого надо знать привычки стада, приблизившегося к нашему берегу. Я уверен, что Кунье и Буана уже построили план охоты на бегемотов, которые обыкновенно выходят на этот маленький песчаный берег. В таком случае нам стоит только послать Кунье и Йомби в лес; они скоро разузнают место, где эти животные привыкли насыщаться.

Когда Кунье, каждый день становившийся искуснее в наречии фанов, успел рассказать Йомби, что требовалось от него, последний отвечал, что нет необходимости принимать столько предосторожностей для поимки бегемота и что если Лаеннек даст ему пирогу и кого-нибудь, кто мог бы грести, то бегемот будет убит через час.

Это предложение было передано Лаеннеку, который немедленно спросил фана, как он намерен действовать.

Йомби отвечал через своего переводчика, что он знает очень простой способ заставить бегемотов подняться из воды, а в ту минуту, когда одно из этих животных покажется на поверхности, он раскроит ему череп топором.

Путешественники держали совет.

— Я не думаю, — сказал Гиллуа, — чтобы мы вправе были доверять Йомби; опасно дать ему и лодку и топор.

— Возможно, что ваши опасения неосновательны, — ответил Лаеннек. — Я знаю характер негров и уверен, что наш фан отдался душою и телом своему спасителю Барте. Но

лодка — наше единственное богатство, а топор может послужить Йомби, чтобы отделаться от Кунье. Поэтому я думаю, что благоразумие требует держаться вашего мнения.

— Вот если бы нам поехать с ним, — предложил Барте.

— Ваше предложение довольно опасно, — ответил Лаеннек. — Умеете ли вы плавать?

— Достаточно для того, чтобы не бояться переплыть Конго, — ответили молодые люди.

— В таком случае можно попытаться.

Йомби, узнав, что просьба его исполнена и что, сверх того, он выкажет свое искусство перед белыми, немедленно начал одну из тех плясок, перемешанных с криками, хлопанием и топотом, в которых негры дают исход радости, доведенной до высшего предела.

Этот пример оказался заразителен. Кунье нустился в пляс визави с фаном. В свою очередь и Буана не могла отстать от них, и трио представило полную картину выразительных гримас и кривляний, в которых заключается искусство африканского танца.

Вдруг Йомби, как бы пораженный внезапной мыслью, бросился в лес, оторвал длинную ветвь железняка и вернулся так же быстро. Путешественники подумали, что этот жест составляет часть программы и что они увидят новую фигуру странной пляски, когда фан объявил с торжествующим видом:

— Вот этим Йомби заставит плясать речного быка!

Интермедия заставила на минуту забыть охоту за

бегемотом, но негр ни за что на свете не отказался бы от своей идеи, он хотел показать белым и двум другим неграм, как фанский воин охотится за царем африканских рек.

Когда сели в пирогу, Кунье пустил ее по течению, Буана осталась на берегу с Уале готовить завтрак. Как только лодка отошла на четыреста метров, Йомби сделал знак Кунье грести тише.

— Бара-уаду (речные быки) тут, — сказал он, указав рукой на изгиб реки, похожий на маленькую бухту, вода в которой стояла неподвижно, как в озере.

— Спроси у него, — сказал Лаеннек Кунье, который всегда служил переводчиком, — как он мог узнать так далеко присутствие этих животных?

На вопрос немедленно был дан напыщенный ответ:

— Никакое животное ни в лесах, ни в воздухе, ни в воде не может ускользнуть от глаз фана. Йомби примечает барауаду, потому что они не могут скрыть свое дыхание.

Действительно, присмотревшись внимательно, путешественники заметили в том месте, на которое указывал Йомби, тысячи воздушных пузырьков, лопавшихся на поверхности воды.

Фан стал на носу с веткой железняка в руке; Кунье начал медленно грести по указаниям своего товарища. Лаеннек и молодые люди на всякий случай приготовили карабины.

В ту минуту, когда лодка вошла в бухту, Йомби вдруг смело погрузил в воду свою длинную ветвь, потом с быстротою молнии бросил ее и схватил топор, лежавший у его ног. Только что он успел стать в позицию человека, собирающегося ударить, как громадная голова бегемота высунулась из воды около самой пироги, и в то же мгновение топор опустился между глаз животного, так что наполовину исчез в черепе. Смертельно раненный бросился на нападающих и опрокинул лодку, но это было его единственное и последнее усилие; он скоро растянулся в потоке черной крови, лившейся из его раны, и остался неподвижен под водой.

В это время путешественники, находившиеся только в тридцати метрах от берега, добрались до него благополучно, не оставляя своих карабинов; к счастью, все стадо, испуганное шумом, поспешило на середину реки, не думая мстить за убитого товарища.

Между тем как Кунье вплавь тащил лодку к берегу, Йомби длинной веревкой привязывал бегемота за один из его зубов и почти в одно время со своим товарищем вышел на берег. Наши путешественники могли только довести животное до берега; вытащить его из воды совсем было невозможно. Бегемот был крупен и тяжел. Лаеннек полагал, что вес его должен превзойти пять тысяч фунтов.

После короткого совещания решили разрубить тушу на месте, но для этого необходимо было переменить стоянку.

Переселение потребовало совсем немного времени, потому что запасов с ними не было никаких, кроме пороха и пуль; для пропитания путешественники должны были полагаться только на свое искусство, а из кухонной утвари хранили только чугунный котел, который Лаеннек брал с собой во все свои экскурсии и который был отдан на руки Буане.

Весь день рубили бегемота длинными полосами; прежде чем коптить, их сушили на огне, вытапливали жир, который Буана сливала в тыквенные бутылки, приготовленные Кунье и Йомби.

Увидев уже вечером, что запас превосходит весом то, что пирога может вместить, путешественники бросили свое дело и начали строить на ночь шалаш и разводить костер для защиты от хищных зверей.

За этим занятием им показалось, что остатки бегемота на берегу зашевелились. Барте и Гиллуа хотели уже пойти узнать, что значит это странное явление, когда Лаеннек остановил их.

— Берегитесь! — сказал он. — Это, может быть, крокодилы. Конго ими наводнен.

Лаеннек сказал правду, потому что через несколько минут остатки бегемота исчезли под водой.

Крокодил оспаривает у бегемота владычество над большими африканскими реками. Справедливость требует сказать, что ни тот ни другой не может успешно бороться с противником, поэтому они имеют обыкновение избегать друг друга, и довольно редко можно встретить их в одних и тех же местах, если только, как в настоящем случае, крокодила не привлечет труп его врага.

Это величайшее из всех пресмыкающихся трудно захватить, особенно когда с годами в крокодиле развивается вся находчивость самого недоверчивого инстинкта. Часть его существования, скрытого в недрах вод, ускользает от наблюдения; многие его привычки составляют еще тайну для науки.

Геродот, который в древности сообщил об этом животном сведения, узнанные от жрецов и жителей Египта, описал его лучше, чем бегемота, потому что большая часть его описаний подтверждена современной наукой.

Крокодил, очень маленький, когда он рождается и вылупляется из яйца, не превышающего величину гусяного, достигает в старости необыкновенных размеров — от десяти до одиннадцати метров.

Когда он вырастает совсем, его кожа, покрытая сверху чешуей, приобретает такую жесткость, что недоступна пуле; живот и подмышки — единственные места, уязвимые для выстрела. Пасть проходит во всю длину головы и вооружена страшными зубами, из которых многие выходят наружу;

только верхняя челюсть обладает подвижностью, язык мало развит, если только можно назвать языком перепонку, едва заметную на дне пасти.

Как все амфибии, крокодил выходит на берег, чтобы спать и отдыхать от деятельной жизни, которую ведет под водой. На берегу же самка кладет яйца, из которых вылупляются через месяц от солнечного жара детеныши.

Если крокодилы ведут непримиримую и вечную борьбу почти со всеми животными, даже самыми большими, то между собой они живут, по-видимому, согласно и, так сказать, семейно; нередко можно видеть и больших и маленьких в числе от десяти до двенадцати, а часто и более на песчаных островках среди рек.

Но к крокодилам приблизиться нельзя; при малейшей тревоге, поднятой самым бдительным из них, вся стая исчезает под водой.

Достаточно далекого паруса лодки, чтобы встревожить крокодила, особенно когда он разлучен со своими и наслаждается жизнью в одиночку; поэтому очень трудно поймать крокодила, если только он не в глубоком сне, которого был давно лишен.

Некоторые животные также служат ему передовыми часовыми. Долго существовал предрассудок, будто все живое в природе бежит при его приближении. Это не так. Напротив, несколько водяных птиц живут постоянно в его соседстве. Одна из них, очень маленькая — трошил, — сделалась даже его товарищем.

Во время сна крокодила эта птичка забирается в полуотверстную и окровавленную пасть чудовища и выклевывает насекомых, обыкновенно наполняющих ее.

Ихневмон, напротив, ожесточенный враг крокодила; он все время отыскивает крокодиловы яйца в песке и пожирает их, ограничивая таким образом размножение и инстинктивно занимаясь уничтожением, более полезным для человека, чем для него.

Слишком большое размножение крокодилов было бы бичом для человека; его соседство очень часто пагубно для прибрежных жителей Экваториальной Африки.

Иногда случается, что это животное, побуждаемое голодом, нападает на домашний скот, утоляющий жажду возле его жилища. Крокодил даже выходит из воды, когда приме-

чает добычу, которая кажется ему легка и беззащитна, например ребенка или человека, спящего на берегу.

Это страшный враг, особенно для женщин, которые несколько раз в день ходят на реку за водой или для омовений, которые во всей Центральной Африке, так же как и на Востоке, составляют религиозный обряд для всего мусульманского населения.

В обычные часы крокодил подстерегает свою добычу, тихо подплывает, опрокидывает своим могучим хвостом и увлекает далеко под воду, чтобы там пожрать ее на свободе.

В тех местах, в которых он часто встречается, его прожорливость, не знающая никаких пределов, естественно, привлекает к крокодилу внимание и внушает ужас жителям.

Какой-нибудь крокодил, давно известный в деревнях по своим разбойничьим привычкам и многочисленным жертвам его прожорливости, обыкновенно обозначается населением под прозвищем, которое служит выражением силы и могущества и напоминает кровавые убийства и казни — атрибут власти африканцев.

На берегах Конго его называют: ула (король), монду (страшный воин), момтуану (людоед); на берегах Нила его называют визирь или султан. Если он пережил несколько поколений, то получает за свои преклонные лета прозвание шейха, то есть патриарха, старшины кантона.

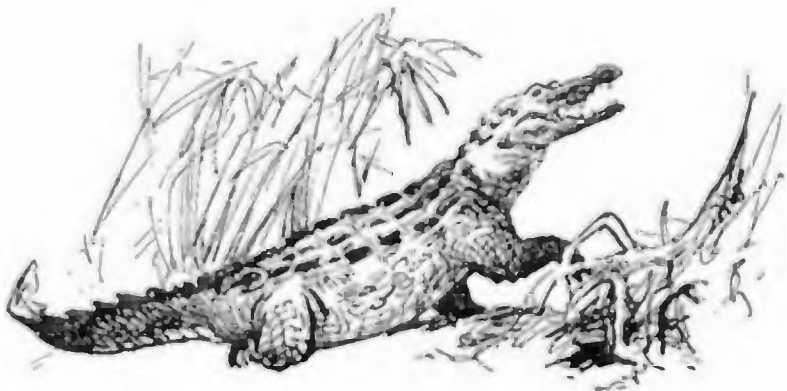
В Экваториальной Африке он называется гимса; название очень странное, когда подумаешь, что в египетской древности его называли тимса — прозвище, сохранным преданием до наших дней на берегах Нила.

По словам Геродота, древние ловили крокодила удочкой или железным крючком, к которому был привязан кусок свиного мяса.

Способ этот еще ныне практикуется на берегах Конго вместе с другим способом, который состоит в том, что вырывают глубокую яму, покрывают листьями и привлекают туда крокодила посредством приманки.

Путешественник Кальяр указывает другой способ, употребляемый жителями больших озер Центральной Африки.

«Они занимаются охотой за крокодилом на песчаных берегах, окаймляющих ложе реки, и на островах, — говорит он. — Во время отлива эти люди, знающие место, куда крокодилы имеют обыкновение приходить дышать воздухом, строят маленькие глиняные стены фута в два или три вышиной. Выйдя из реки, крокодилы ложатся за этой стеной и

засыпают. Охотник, заметив крокодила в этом положении, приближается тихо, чтобы не разбудить его, и, укрываясь за маленькой стеной, вонзает ему в пасть или сбоку шеи, где нет ни костей, ни чешуи, гарпун, на который навита длинная веревка. Если прожорливое чудовище не умрет сразу и бросится в реку, гарпунщик разматывает веревку до тех пор, пока крокодил не ослабеет, а потом вытаскивает его из воды».

Верхняя кожа крокодила употребляется на щиты; кожа с живота, менее жесткая и более гибкая, идет на рукоятки кинжалов и мечей.

Почти во всех странах, где водятся крокодилы, зубы его считаются у туземцев талисманом против укусов крокодилов, а жир употребляется при болезнях врачами и колдунами.

Когда Гиллуа сообщил своим товарищам все подробности о страшном животном, Буана позвала путешественников к ужину, главные кушанья которого составляли мясо бегемота во всех видах — и вареное и жареное. Мясо было признано превосходным и чрезвычайно похожим по вкусу на говядину.

Когда настала ночь, Кунье и Йомби занялись около костра завертыванием в банановые листья узких полос бегемотового мяса, которое высушили и выкоптили еще днем. Белые принялись чистить карабины, вымоченные при падении в воду.

Осмотрели запас пороха и ящик, в котором он лежал, завернутый в толстый слой сухих листьев. Набрали корней таро, иньяма и плодов хлебного дерева, сколько могло уме-

ститься в лодке; и прежде чем созвездие Южного Креста прошло первую четверть своего пути по золотистому небу экватора, все было готово к застрашному отъезду.

— Воспользуемся хорошенько этой ночью, ребята, — сказал Лаеннек своим товарищам, — это последняя ночь, которую мы проведем на твердой земле до берегов Банкоры.

Кунье, не спавший первую половину ночи, заснул у костра, передав Йомби заботу об огне, как вдруг товарищ разбудил его и сказал шепотом:

— Слушай, злые духи потрясают небо и реку; Йомби боится.

— Что там такое? — спросил Кунье, немедленно вскочивший на ноги.

— Слушай и смотри, — продолжал фан.

Кунье прислушался... Река глухо ревела, воздух был тяжел и густ, время от времени его прорезывала молния без грома, как это бывает при приближении грозы.

Молнии сверкали у горизонта, над лесом, черные массы которого вспыхивали в темноте, но весь берег Конго оставался погруженным в глубокую темноту.

— Стоило тревожить мой сон, — сказал Кунье. — Йомби скучал и хотел разбудить Кунье, чтобы поговорить с ним.

— Это все, что понял Кунье?

— Я понял, что пойдет дождь, вот и все.

— Негр у белых людей лишился чутья своей расы; он говорит, как ребенок.

— Кунье не дикарь, он не ест человеческого мяса, он не...

Разговор уже переходил в ссору, когда ворчанье Кунье было прервано жалобным воем Уале, который протянул морду к реке, как будто угадывая опасность.

— Собака понимает язык реки, — сказал Йомби нравоучительно, — надо слушать собаку.

— Что нового? — спросил Лаеннек, которого вой Уале вызвал из шалаша.

Тут рев реки усилился до такой степени, что вопрос Лаеннека остался без ответа; все трое принялись напряженно слушать, желая во что бы то ни стало разобраться в этом многоголосом шуме, тем более странном, что в воздухе не было ни малейшего ветерка.

Йомби, успокоенный присутствием того, кого считал начальником маленького каравана, поспешно обратился к Кунье со словами:

— Скажи Момту-Момани, что водяной смерч разразился в верхних землях, откуда течет река, и что мы едва успеем укрыться в лесу, чтобы избежать наводнения.

Как только Лаеннек услышал эти слова, он сразу понял всю важность предостережений и, бросившись в шалаш, разбудил своих товарищей.

— Проворнее, друзья, проворнее, — кричал он, — будет наводнение!

Гиллуа и Барте тотчас были на ногах и по приказанию Лаеннека захватили всю провизию, какую могли унести.

— В лес! — скомандовал Лаеннек отрывисто...

Ночь кончалась, и свет, сначала тусклый, но усиливавшийся с быстротой, обычной в южных широтах, дал возможность беглецам пуститься в путь. Они инстинктивно обернулись и заметили, что вода Конго уже залила шалаш, который они оставили пять минут тому назад.

В эту минуту Лаеннек вскрикнул с отчаянием:

— Наша пирога, наше единственное спасение...

Лодка, о которой они забыли в своей поспешности

и которую, впрочем, все равно не успели бы унести, неслась по волнам, как древесный ствол, уносимый течением.

Храбрый Йомби, видя уныние, вдруг овладевшее теми, кто сохранил ему жизнь, бросил наземь свою ношу и, крикнув, чтобы продолжали бежать, кинулся в ревущие волны реки за лодкой... Ни приказания, ни просьбы не могли заставить его вернуться.

Пятеро беглецов поспешно достигли рубежа леса, который хотя отстоял только на полтора-два метра от реки, но находился на таком возвышении, что вода не могла достигнуть его.

Очутившись в безопасности, они жадно устремили глаза на Конго, в эту минуту походившее на разъярившееся море, и заметили вдали человеческую фигуру, державшуюся за что-то темное и борющуюся с волнами.

Это был Йомби с пирогой.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

БОЛОТА КОНГО И БАНКОРЫ

1. Постройка пироги. — Прогулка по девственному лесу

Через два дня после рокового события на закате солнца Лаеннек и его товарищи сидели около огня, который были припуждены разводить каждый вечер, и держали совет, что предпринять в том скверном положении, в которое их поставила потеря лодки.

Река Конго вернулась в свое русло, и необходимо было на что-нибудь решиться.

— У нас есть только два способа выпутаться из затруднения, — продолжал Лаеннек. — Или спуститься до негритянской деревни в Банкоре, несмотря на затруднения, или выстроить новую пирогу.

— А по-вашему, Лаеннек, — спросил Барте, — какой способ удобнее?

— Я остаюсь при том же мнении, что для европейцев, не привыкших к местному климату, путешествие по суше и болотам среди хищных зверей совершенно невозможно.

— Вы думаете, что нам надо построить лодку?

— Думаю, но и здесь есть затруднение, которое мы едва ли преодолеем.

— Какое?

— У нас нет никаких инструментов, кроме топора для обрезывания ветвей, а мы должны срубить и выдолбить дерево достаточно большое, чтобы вместить всех нас. Мы не можем это сделать быстрее пятнадцати или двадцати дней.

— Мы будем работать попеременно...

— Да. Но слабый инструмент может сломаться, и тогда мы будем припуждены вернуться к первому плапу...

— Слушай! — перебил негр. — Кунье сумеет отомстить злым духам, укравшим нашу пирогу. Он построит плот, и Момту-Самбу может спуститься на нем по реке со своими друзьями.

Едва негр произнес эти слова, как послышался шелест в кустах; Уале, спокойно спавший у ног своего хозяина, поднялся, ворча, а путешественники схватили оружие... Но им не пришлось пустить его в дело, потому что громкий голос закричал среди зарослей:

— Друг! Друг!

В ту же минуту негр высокого роста показался в кругу света, отбрасываемого костром.

— Йомби! — воскликнул Кунье, вне себя от радости.

— Йомби! — повторили путешественники, увидев фана, которого все считали умершим.

Негр в двух словах рассказал историю своего спасения.

Принужденный после нескольких часов борьбы бросить лодку и думать о собственной безопасности, он доплыл до ветвей громадного баньяна, торчавших из воды и давших ему верное убежище до тех пор, пока река войдет в свое русло. Как только он мог пуститься в путь, он направился к месту стоянки, полагая, что оно еще не брошено белыми.

Узнав о затруднениях путешественников, негр объявил, что берется построить в неделю, с единственным имеющимся инструментом, большую и прочную пирогу, которая вполне заменит потерянную.

Это положило конец колебаниям. Было условлено, что с завтрашнего же дня с рассвета отправятся в лес выбрать подходящее дерево.

Радость надежды и молодость взяли свое, и восходящее солнце застало путешественников в лесу; оба негра и Ланнек осматривали деревья, Буана собирала корни и плоды,

а Гиллуа, по своему обыкновению, читал курс ботаники Барте, который со своей стороны находил каждую минуту способ применять познания своего друга к географии.

— Большая часть растений тропической Африки, особенно в Конго, — говорил своему другу бывший воспитанник Центральной школы, — встречается также в Бразилии. Это объясняли колонизацией португальцев, распространившейся на обе страны. Но я не думаю, чтобы этого было достаточно для полного объяснения сходства, наблюдаемого в флоре обеих стран. Смит, ботаник знаменитой экспедиции Такки, который задолго до нас безуспешно пытался проникнуть в центр этой живописной, но опасной страны, привез с берегов Конго более шестисот видов растений, из которых двести пятьдесят были совершенно новые, семьдесят видов общи другим странам, находящимся между тропиками, и более двухсот — Бразилии. Эта любопытная коллекция Смита была приведена в порядок после его смерти Робертом Брауном. Сравнение гербария Смита с теми, которые собраны в других странах Африки и во всех частях света, позволило заключить, что наибольшее количество видов находится не между тропиками, но на параллели мыса Доброй Надежды, то есть под 34° южной широты.

— Не может ли это, — перебил Барте, — быть применено и к Северному полушарию?

— Да, можно вообще сказать, что пояс, самый богатый растительными видами, находится близ 34° широты и северной, и южной. Пользуясь документами, собранными Смитом и другими путешественниками, Браун установил важный факт, который мы можем проверить здесь, именно — большое однообразие в растительности всего западного африканского берега, начиная от реки Сенегал в 16° северной широты до Конго в 6° южной широты. Самые обыкновенные деревья на всем этом берегу, кроме пальм, адансония, баобаб...

— Не это ли дерево открыл Адансон, приписывающий ему значительную долговечность — более шести тысяч лет, кажется?

— Это самое. Впрочем, рассматривая ежегодные слои ствола и ветвей молодой адансонии, можно убедиться в неосновательности этого мнения. Притом его губчатая древесина, наполненная соком, достаточно доказывает, что это дерево не долговечное... Вот три дерева, самые любопытные в этих странах: бомбакс куба, пандапус канделабрум,

стеркулио акумината; они растут так близко друг от друга, что в нескольких метрах от земли смешивают свои листья; особенно стеркулио знаменит свойствами, которые туземцы и португальцы приписывают его плоду, ореху кола.

— Я слышал об этом плоде, но слава о его достоинствах до меня не достигла, — сказал Барте, улыбаясь.

— Орех кола, как вы можете сами убедиться, достигает величины плода хлебного дерева. Сорвем один, разобьем. Посмотрите: в нем под шелухой находится плод, похожий на каштан, розовая мякоть которого разделяется на четыре доли. Его очень много в этом краю, и он в большом употреблении. Между прочим, ему приписывают свойство очищать испорченную воду, а также излечивать болезни печени. Португальцы так дорожат этим орехом, что если встречают на улице даму, то первая вежливость состоит в том, чтобы предложить ей кола. Обычно насчитывают от десяти до двенадцати орехов на одном стручке.

— Но вообще-то здесь, кажется, не очень много таких гастрономических подарков флоры? — перебил молодой офицер, к которому среди этой улыбающейся природы вернулась вся его веселость.

— Питательных растений здесь гораздо больше, чем вы думаете, любезный Барте. Во-первых, знаменитый маниок, составляющий основу пищи жителей Конго.

— Не это ли растение любезный король Гобби хотел заставить нас обрабатывать?

— Именно. Достойно замечания то, что каждая часть света доставляет человеку растение, составляющее главную основу его питания. Так, Азия имеет рис, Европа — пшеницу, Северная Америка — картофель и маис, Западная Африка — различные сорта проса и сорго, Океания — хлебное дерево, Южная Америка и Южная Африка — маниок. Точно так же, как и растения отвечают условиям климата, в которых развиваются, человек должен всегда подчиняться пище той страны, где он живет, и оставаться, таким образом, в постоянной гармонии с почвой и солнцем, греющим ее. Не напрасно эти факторы производительности, земля и теплота, соединяются, чтобы сосредоточить питательную силу в том или другом растении, и человек ничего не может сделать лучше, как преклониться перед мудростью природы. Маниоку жители Конго обязаны своей пищей, и любопытно, что этот корень растет почти без обработки.

— Я думал, что негры обрабатывают большие плантации маниока.

— Да, но их метод не требует большого искусства. Приготовив землю, взрыв ее и разделив на бугорки, они втыкают на семь или восемь дюймов глубины маленькие черенки длиною в один фут, а толщиною в один дюйм, по два и по три на каждом бугорке, так, чтобы они не возвышались более пяти дюймов над землей. Они почти тотчас принимаются и через десять месяцев вырастают на двенадцать и пятнадцать футов со стволом около десяти дюймов в диаметре и с большим числом ветвей. Потом, чтобы сделать корень толще, землю кругом старательно вычищают и, когда растение созрело, ствол обрезают — он годится только в огонь, — а веточки сохраняют для будущей плантации. Корень отрывают, снимают с него кору и превращают в муку на мельнице. Эта операция требует нескольких невольников: одни бросают корень в мельницу и следят за движением колеса, другие вынимают муку, третьи сушат ее на огне и в котлах. Обыкновенно собираются сообща две деревни для приготовления своей жатвы. Приготовленную муку едят или в лепешках, или сухою с говядиной и рыбой или разводят в воде или теплом молоке. Обрабатывают еще для пищи маис, иньям, просо, земляные орехи, фисташки, фасоль. Сладкий батат, который некоторые португальские путешественники считали растущим в Конго, до сих пор не встречался там. У нас теперь большое количество плодов, из которых самые главные — разные сорта бананов, лимоны, апельсины, ананасы, папайя, тыква, тамаринд, сахарный тростник и сафу — маленький фрукт величиной со сливу, по вкусу напоминающий виноград и тем более ценимый, что созревает в то время, когда другие плоды редки. Следует заметить, что большая часть этих питательных растений нетуземные, но были ввезены в Африку из других частей света. По крайней мере, можно с уверенностью сказать, что маис, маниок и ананас привезены из Америки, а банан, лимон, апельсин, тамаринд и сахарный тростник происхождения азиатского.

— На чем вы основываете ваше мнение?

— Браун доказал, что вообще следует считать растение присущим краю лишь тогда, когда и все другие виды того же рода туземны. Основываясь на этом принципе, он думает, что все мнимые виды бананов, например не дающие съедобных плодов, не что иное, как простая разновидность; потом, соединяя их в один вид, присущий Индии, он старается

доказать, что бананы, находящиеся в Америке, были привезены туда из Конго, хотя многие португальские писатели уверяли, что это растение обрабатывалось в Перу, Мексике и на Панамском перешейке до прибытия португальцев.

На том же основании папайя — американского происхождения, потому что ни один вид этого рода, кроме обрабатываемого, не встречается ни в Африке, ни в Индии. Верно то, что это растение не имеет названия на санскритском языке. По словам Румфиуса, жители Малезии утверждают, что получили это растение от португальцев. Тот же принцип должен относиться ко многим другим растениям, например к табаку. Он, однако, не может распространяться на все... Да, подумать только, что мы находимся в центре Экваториальной Африки, что нам стоит сделать несколько шагов, чтобы прогуляться среди богатейшего гербария на свете, — и мы принуждены бежать, не имея возможности этим воспользоваться. Какая это будет чудная страна, если когда-нибудь климат позволит европейцам занять ее. Во всех странах верхнего Конго, где мы были, почва дает две жатвы в год. Сеют в январе и собирают в апреле; потом наступает зима, но такая теплая, как итальянская весна; потом начинается жара, земля отдыхает под огнем экваториального солнца, как в условиях других климатов она отдыхает подолдом. В сентябре наступают дожди, земли снова засевают, и жатва опять готова в декабре. Женщины, обрабатывающие землю, не употребляют ни плуга, ни заступа. Как только небо возвестит малейший дождь, они взрывают землю легкой лопаточкой. По мере того как открывают борозду одной рукой, другою сыплют семена, которые носят в мешочке на боку. Помните ли, Барте, сколько долгих часов провели мы, смотря на них в печальные мипуты плена?

— Помню очень хорошо. На спине несли они своих детей. Бедные крошки, запятанные в какой-то гамак, привязанные к плечам, играли волосами матерей, пока те работали, наклоняясь к земле.

— Жалкая страна, где женщина исполняет самые трудные работы и в награду получает одни побои. Она и жнет, и молотит, собирает зерно, и тогда только мужчины удостоят собраться и разделить плоды общих трудов своих жен, соразмерно числу жителей в каждой хижине.

— Это общий закон, право сильного, и европейские народы еще не совсем отказались от первобытных нравов в

этом отношении... Как вы думаете, в африканской почве могли бы приняться наши северные зерновые хлеба?

— Да, попытка была сделана. В таких же широтах, например, пшеница очень хорошо растет под тропиками, достигает громадного роста, но дает только длинные пустые колосья. Солома пшеницы под тропиками превосходит вышину человека, сидящего на лошади; кроме того, доказали, что наши зерновые хлеба, растения однолетние, под тропиками имеют склонность становиться многолетними.

— Наблюдение это в высшей степени интересно, потому что приводит к заключению, что эти растения в конце концов акклиматизируются и образуют новые виды.

Друзья шли таким образом несколько часов, рассуждая о самых различных предметах, оставляя ботанику для геологии, касаясь вопросов естественной философии, как вдруг разговор их прервал странный шум, похожий на топот лошади, скачущей галопом по густой чаще. Они оторопели, остановились; прежде чем они успели обменяться мыслями, в восьми метрах от них промчался, как ураган, черный буйвол, увлекая в своем беге гориллу, прицепившуюся к его боку... Это обьяло их ужасом; они поняли, что поступили неблагоразумно, зайдя слишком далеко, и бегом пустились к берегу.

К счастью для них, почва, очень возвышенная в этом месте, позволяла им время от времени видеть сквозь лес реку, и они скоро отыскивали дорогу.

На опушке леса они заметили своих товарищей, которые рубили великолепное дерево, что должно было превратиться в широкую и удобную пиругу.

— Вы видите, — радостно встретил их Лаеннек, — что в ваше отсутствие мы исполнили самую опасную часть нашего труда, потому что этот слабый топор легко мог сломаться об узловатый ствол.

— Чем мы можем помочь вам, любезный проводник? — сказал Барте.

— Ба! Каждому — свое ремесло; неопытные руки сразу сломали бы этот слабый инструмент. Теперь, друзья, ручаюсь вам, что не пройдет и недели, как лодка будет сделана, и мы в состоянии будем продолжать путешествие.

— Каким образом вы справитесь с этим громадным деревом?

— Наружная форма не играет роли, а выдолбить его взялись Йомби и Кунье с помощью могучего помощника, о котором мы не подумали.

— Какого?

— Огня.

— Любезный Лаеннек, вы, право, прпучили нас к чудесам.

— Тут нет никакого чуда, друзья. Йомби и Кунье просто употребляют способ туземцев. Они сгладят одну сторону ствола горизонтально, а потом день и ночь будут поддерживать костер, брать из него раскаленные уголья и покрывать ими пространство, которое надо выдолбить. Угасший уголь будет немедленно заменен раскаленным, и, искусно управляя операцией, чтобы не сжечь боков, мы получим через неделю прочную и удобную лодку. Самое главное — не отходить от нашей будущей пироги, пока работа не окончится, потому что необходимо поддерживать огонь всегда в середине и на пространстве вдвое меньшем того, которое надо выдолбить. Потом очень легко отнять топором боковые выгоревшие части. Йомби в этом опытен; мы можем положиться на него.

— В самом деле, мужество, которое он выказал, с опасностью для жизни спасая лодку, доказывает нам, что мы можем положиться на его преданность.

— Еще сегодня утром я сомневался, но теперь ручаюсь честью, если только роковая судьба не вздумает воздвигнуть нам препятствия, что не пройдет и пяти месяцев, как вы вернетесь в наше отечество... ваше отечество, — сказал со вздохом бывший дезертир.

— Зачем поправлять ваше выражение, любезный Лаеннек? — ответил взволнованный Гиллуа. — Мы вернемся туда вместе, и будьте уверены, что вам зачтут десять лет страданий в этой стране, где вы оказали большие услуги, способствуя уничтожению предрассудков негров, видящих во всех белых торговцев людьми.

— Это невозможно, господа, — сказал побледневший Лаеннек, склонив голову, — я был осужден на смерть военным судом.

— Ваш проступок был не из таких, которые навсегда пятнают человека; теперь он заглажен. Разве вы ни во что не ставите услугу, которую оказываете в эту минуту? Поверьте, суд нашего отечества сумеет оценить это. Притом ведь тот, кого вы ударили в минуту помешательства, не умер.

— Я был осужден на смерть, — сказал Лаеннек еще с большей энергией, — и никогда не увижу Бретани!.. Притом я обещал Гобби вернуться, а «странник пустынь» не изменяет своему слову.

— Как только мы вернемся, мы выхлопочем вам помилование. Оставьте нам надежду, что ваше решение изменится.

— Надежду? Какое прекрасное слово вы произнесли, друзья! Если желаете, мы так назовем лодку, которая позволит нам оставить этот негостеприимный берег.

Молодые люди не настаивали более, но обещали себе, как только придут к берегам Банкоры, употребить все усилия, чтобы уговорить Лаеннека следовать за ними во Францию.

На закате солнца кедровый ствол, с которого сняли все ветви, был готов для долбления; Кунье и Йомби развели костер.

Чтобы не прекращались работы, путешественники переселились на опушку леса; и когда Буана позвала их ужинать, отесанная поверхность будущей пироги уже дымилась от раскаленных угольев.

2. Двенадцать дней плавания. — Берега Банкоры

Разговор о страшной встрече Барте и Гиллуа во время прогулки занял весь вечер, и Йомби, который провел часть своей жизни в габонских лесах, где водятся гориллы, несколько не сомневался в победе этого зверя над буйволом.

Горилла, рост которой далеко превосходит человеческий, самое сильное животное в Центральной Африке; не вполне изученное и до сих пор, оно впервые послужило предметом серьезного наблюдения для неустрашимого Шайю; и, несмотря на пристрастные рассказы некоторых путешественников, завидовавших великому исследователю Габона, ему мы и обязаны самыми подробными сведениями об этом странном животном.

Нельзя читать без трепетного любопытства о первой встрече мужественного путешественника с гориллой среди неизвестных развалин у источников Ютамбенне:

«Мы начали рассматривать руины, возле которых остановились; густой сахарный тростник рос там, где прежде были дома; я сорвал несколько стеблей, чтобы попробовать их, как вдруг мои люди указали мне на одно обстоятельство,

приведшее их в чрезвычайное смятение. Там и сям тростник был изломан на кусочки, которые валялись на земле изжеванные. Я узнал свежие следы гориллы, и сердце мое наполнилось радостью. Люди мои переглянулись и прошептали:

— Горилла...

Идя по ее следам, мы скоро нашли четкие отпечатки ног животного. Впервые видел я эти следы, и то, что я испытывал, не поддается описанию. Итак, я увижу это чудовище, свирепость, сила и хитрость которого давали обильную пищу сказкам и рассказам туземцев, животное, едва известное цивилизованному миру, за которым никогда не охотились белые люди. Сердце мое билось так сильно, что я боялся, как бы его звук не встревожил гориллу, и волнение мое дошло до такой степени, что превратилось в боль.

По следам можно было угадать, что здесь было несколько горилл. Мы решились идти их отыскивать.

Как только мы вышли из стана, оставшиеся мужчины и женщины собрались в кучку. Ужас изображался на их лицах. Мионге, Макпуда и Нголле составили одну группу охотников, я и Ява — другую. Было условлено, что мы будем держаться недалеко друг от друга.

Идя по следам, мы узнали, что животных четыре или пять, и ни одно не казалось очень велико. Все они шли на четвереньках — обыкновенная походка гориллы; время от времени гориллы садились жевать сорванный тростник.

Мы условились вернуться к женщинам и их караульным и посоветоваться, как быть дальше, когда узнаем, по какому направлению идти. Чтобы не привлечь внимания наших врагов, мы отвели женщин на небольшую дорогу, где караваны выстроили несколько шалашей, могущих служить убежищем. Туда спрятали женщин. Последние чрезвычайно боятся гориллы — так страшны рассказы, которые ходят между племенами о похищениях, совершаемых этим свирепым животным.

Осмотрев еще раз наше оружие, мы пошли. Признаюсь, никогда в жизни не испытывал я такого нетерпения. Сколько лет слышал я о страшном реве гориллы, о ее изумительной силе и мужестве, когда она ранена выстрелом. Я знал, что мы идем нападать на зверя, который опаснее леопарда.

Горилла-самец и лев Атласских гор — два самых свирепых и самых сильных животных на всем континенте. Южный лев не может сравниться ни с тем ни с другим по силе и

мужеству. Кто знает, не горилла ли прогнала льва из той страны, где мы находились? Этот царь зверей, столь распространенный в других частях Африки, никогда не показывается в тех местах, где живет горилла.

Мы спустились с горы, перешли ручей по упавшему древесному стволу и приблизились к гранитным глыбам. У подножия их лежало сухое дерево громадной величины, мы заметили около него следы недавнего присутствия горилл.

Приблизившись с большими предосторожностями, мы разделились на две группы. Макиуда вел одну, я — другую. Нужно было обойти гранитную глыбу, за которой, как предполагал Макпуда, спрятались гориллы. С ружьем в руке, готовые стрелять, мы подвигались по густой чаще. Взглянув на моих людей, я удостоверился, что их одушевление было еще сильнее моего.

Мы шли медленно среди кустарника, почти не смея дышать, чтобы не обнаружить нашего приближения. Макиуда повернул направо, я — налево. К несчастью, он слишком расширил круг, и звери приметили его. Вдруг я услышал странный пронзительный, получеловеческий, полудьявольский крик и увидел четырех молодых горилл, которые бежали в чаще леса. Мы выстрелили, но пули не задели их. Мы бросились за ними в погоню, но они знали лес лучше нашего. Раз я опять увидел одну гориллу, но она скрылась за деревом, и я не мог прицелиться. Мы бежали опрометью, но напрасно: проворные звери ускользали от нас. Не будучи в состоянии догнать их, мы медленно вернулись в лагерь, где женщины ждали нас с беспокойством.

Признаюсь, я чувствовал волнение человека, совершающего убийство, когда в первый раз увидал горилл. Они страшно походили на мохнатых людей. Все в них имело вид человека, убегающего от смертельной опасности. Страшный и дикий крик имеет, однако, что-то человеческое в своей пронзительности, и потому нечего удивляться суеверию туземцев относительно «лесных людей».

В наше отсутствие женщины развели большие костры и приготовили ночлег, который хотя и был не так удобен, как в прошлую ночь, но все-таки защищал нас от дождя. Я переоделся, потому что платье мое было промочено ручейками, через которые мы проходили в пылу наших преследований, и потом мы сели за трапезу.

Лежа у костра, мы разговорились о нашем приключении и стали рассказывать любопытные истории о гориллах; я

молча слушал рассказы, не относившиеся ко мне, и имел удовольствие слышать то, что иностранцу трудно было бы узнать, расспрашивая.

Один рассказал историю о двух женщинах, которые вместе гуляли в лесу; вдруг появилась громадная горилла, схватила одну из женщин и унесла ее, несмотря на крики. Другая вернулась в деревню, дрожа от страха, и рассказала об этом приключении. Ее подругу считали погибшей. Каково же было всеобщее удивление, когда через несколько дней она нашла возможность бежать и вернулась в деревню.

Несколько лет тому назад из деревни внезапно исчез человек, вероятно унесенный леопардом, и так как о нем не было никаких известий, то суеверие туземцев выдумало причину для этого отсутствия. Рассказывали, что, прогуливаясь однажды в лесу, он превратился в громадную и отвратительную гориллу, которую негры часто преследовали и никогда не могли убить, хотя она бродила в окрестностях деревни.

На следующий день мы все отправились на охоту. К полудню наша группа разделилась, в надежде окружить логовище одной из горилл, которая оставила очень ясные следы. Я стоял в трехстах шагах от моих товарищей, когда услышал выстрел, потом еще три выстрела, через короткие промежутки времени. Поспешно вернувшись назад, я надеялся присутствовать при смерти одного из этих животных, но обманулся. Мои друзья выстрелили в самку и даже ранили ее, но она убежала. Мы бросились преследовать ее, но чаща была так густа и непроницаема, что погоня за гориллой, даже раненой, имела мало шансов на успех.

Пока мы осматривали кусты, настала ночь; надо было решиться переночевать тут и на другой день попытать счастья. Я вообще был доволен. Мы застрелили несколько обезьян и птиц; наши люди изжарили мясо обезьян на угольях, а я насадил моих птиц на вертел. Провизии на завтра у нас было достаточно.

Мы отправились рано утром и вошли в самую густую и наиболее неприступную часть леса в надежде найти убежище зверя, на которого мне так хотелось напасть. Часы проходили, а ни малейших следов гориллы не было. Вдруг Мионге тихо заклохтал (сигнал, употребляемый туземцами, чтобы обратить внимание на что-нибудь неожиданное); в то же время впереди меня послышался шум ломаемых ветвей.

Это была горилла! Я угадал это сейчас по решительному и довольному виду моих товарищей. Они старательно осмотрели свои ружья, и я также осмотрел свое; все было в порядке; потом мы осторожно двинулись вперед.

Странный шум ломаемых ветвей продолжался. Мы шли очень тихо, соблюдая глубочайшее молчание. Можно было судить по физиономиям людей, что они считали это предприятие чрезвычайно серьезным. Наконец мы увидели качающиеся густые ветви и молодые деревья, которые громадный зверь вырывал, вероятно, для того, чтобы достать себе ягод и плодов.

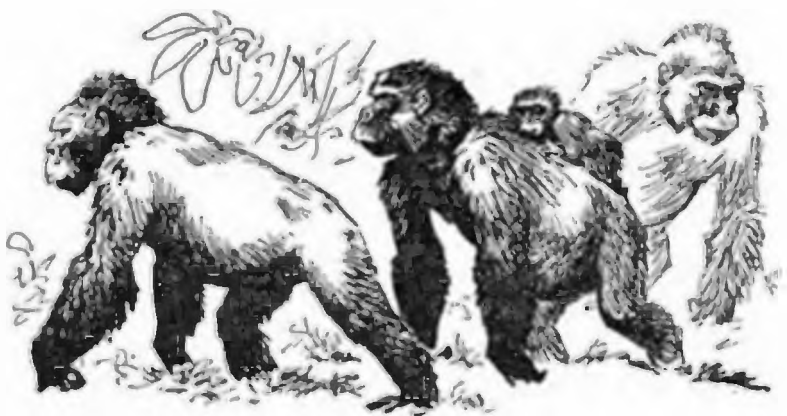
Вдруг в лесу раздался страшный крик. Потом кусты распахнулись — и мы очутились в обществе громадной гориллы-самца. Она шла на четвереньках, но, как только приметила нас, выпрямилась во весь рост и смело на нас посмотрела. Она находилась в пятнадцати шагах от нас. Появления ее я никогда не забуду. Она казалась около шести футов, тело было громадное, грудь чудовищна, руки невероятной мускульной силы; большие серые и впалые глаза сверкали диким блеском, а морда имела дьявольское выражение. Таким явился перед нами царь африканских лесов.

Наш вид не испугал гориллу; она стояла на одном месте, ревела и била грудь кулаками, так что она звучала, как барабан. Это их манера вызывать врага.

Рев гориллы — самый странный и страшный звук, какой только можно услышать в этих лесах. Начинается он чем-то вроде отрывистого лая, как у раздраженной собаки, потом переходит в глухое ворчание, буквально похожее на отдаленный раскат грома, так что мне иногда чудилось, что гремит гром, когда я слышал этот крик, не видя гориллы.

Тембр этого рева так странен, что кажется, будто он выходит не изо рта и горла, а из груди и живота.

Глаза гориллы сверкали ярким блеском, пока мы стояли неподвижно в оборонительном положении. Шерсть на ее макушке стала дыбом и быстро шевелилась, между тем как зверь показывал могучие зубы.

Горилла приблизилась на несколько шагов, потом остановилась и опять страшно заревела, снова подошла и остановилась в десяти шагах от нас; и так как она опять начала реветь и яростно бить себя в грудь, мы решились выстрелить и убили ее.

Послышавшееся хрипение напомнило и человека и зверя; горилла упала ничком, тело судорожно задергалось... Потом все стало неподвижно; смерть сделала свое дело... Я мог свободно рассмотреть громадный труп; в нем было пять футов восемь дюймов, а мускулы рук и груди обличали громадную силу».

Во время своих продолжительных странствований по лесам Лаеннек имел несколько раз случай померяться силами с этими животными, и рассказы моряка долго отвлекали путешественников от сна.

Пирогу не оставляли ни на минуту; через шесть дней окончили работу топором, а на восьмой день, как и предвидел Лаеннек, ее спустили на воду.

Поставленная на два круглых обрубка, лодка без труда скользила до берега, а когда один конец ее опустил в воду, ее приветствовали криками «ура». Ее назвали «Надеждой». Все относительно на этом свете, и скромный ствол дерева был в эту минуту драгоценнее для путешественников, чем самое лучшее судно французского флота.

Барте и Гиллуа употребляли время на охоту и изучение флоры верхнего Конго, не теряя, однако, из виду своего лагеря, потому что знали, какой опасности они подвергались.

Каждый день делали они драгоценные открытия в растительном царстве и убивали какое-нибудь животное, редкое или не совсем известное. Когда уставали идти, садились в тени какой-нибудь гигантской смоковницы и начинали мечтать о своих родных и друзьях, которые, наверное, считали их безвозвратно погибшими.

Накануне отъезда, когда они делали последнюю экскурсию, они вспомнили о тех странных происшествиях, которые привели их в Центральную Африку, и в первый раз с тех пор, как Лаеннек избавил их от неволи, разговор зашел о двух товарищах, оставшихся на рабовладельческом корабле.

— Хотелось бы мне знать, что с ними сделалось? — заметил Гиллуа. — Продолжают ли они жить в мире с капитаном корабля?

— Не тревожьтесь о них, — ответил Барте, улыбаясь, — они из Тулона, родины хитрецов; этого для них достаточно! Они сумеют прожить, приобрести денежки — словом, устроить свои дела и на подводной скале, и на спине кита. Жилиас и Тука принадлежат к категории пройдох, и вы можете быть уверены, что они везде сумеют устроиться. Но если вас тревожит их судьба, я могу вас успокоить: они теперь, наверное, находятся во Франции, восхваляя свое мужество и стараясь получить что-нибудь за это.

— Вы думаете, что Ле Ноэль возвратил им свободу?

— Гораздо вероятнее, что этот дьявол кончил свои подвиги на рее английской мачты и что наших двух товарищей освободил фрегат, блокировавший «Осу» при входе в Риодас-Мортес, в тот вечер, когда Ле Ноэль, чтобы отомстить за наш побег, выдал нас своему другу Гобби.

— Что-то говорит мне, что ваши предвидения не осуществились, любезный Барте! Помните ли, что когда мы оставили «Осу», она развела пары и приготавлилась уйти ночью. Вы знаете, она быстроходна, и я думаю, что ее попытка увенчалась успехом.

— В таком случае они, должно быть, продолжали свою службу как лекарь и комиссар на «Осе», а Ле Ноэль обещал высадить их, как только продаст свой груз живого мяса, на бразильском берегу; теперь они на пути во Францию на каком-нибудь атлантическом пакетботе и приготавливают тот знаменитый доклад морскому министру, который заставлял хохотать капитана «Осы» до слез. Я о них не беспокоюсь, любезный друг, вы увидите, что будущее оправдает мои слова.

Когда молодые люди вернулись в лагерь, Лаеннек с гордостью показал им четырехвесельную «Надежду», готовую к отплытию; она качалась в нескольких метрах от берега, удерживаемая канатом из кокосовых волокон. Дно ее было завалено провизией: хлебными злаками, иньямом и маниоком; захватили также все, что осталось от копченого мяса бегемота.

— Вы видите, что мы ничего не потеряли. Эта пирога гораздо больше той, которую унесло у нас наводнение, и так как мы можем грести все четверо, то поедем вдвое скорее.

— Вы сделали настоящий фокус, любезный проводник, — ответил Барте.

— Благодаря Кунье и Йомби. Их вы особенно должны благодарить... Теперь, друзья, сядем за нашу последнюю трапезу и проведем последнюю ночь на этом берегу, который чуть было не сделался местом нашей гибели.

На другой день на рассвете «Надежда» пустилась по течению Конго. Несмотря на великолепные окрестности, путешественники нигде не думали задерживаться. Останавливались только на один час в день, чтобы изжарить мясо бегемота на угольях и нарвать диких ананасов.

Беглецы совершили плавание самое любопытное и самое странное, какое только можно сделать в мире; на протяжении более трехсот миль река была окаймлена непроницаемыми девственными лесами; корни деревьев доходили до воды, изгибаясь причудливыми спиралями, как тысячи змей; лианы, обвившие ветви, спускались вниз и висели над рекою, как снасти, обвитые цветами. На этих корнях и на этих ветвях порхали, пели, чирикали мириады птиц с разнообразным оперением, а большие пеликаны, стоя на одной ноге на берегу, смотрели на наших путешественников с удивленным видом.

Время от времени, по вечерам, глухой рев заставлял их вздрагивать; это было гневное приветствие какого-нибудь леопарда или льва, утолявшего жажду, спокойствие которого нарушили неизвестные запахи. Тогда Уале приподнимался в лодке и рычал от бессильной ярости, его ноздри дрожали; он словно вызывал на бой скрытого врага, который осмеливался дразнить его.

Через двенадцать дней после отъезда беглецы благополучно достигли устьев Банкоры, темно-зеленая вода которой резко отделялась от воды Конго; последняя, благодаря большим дождям, еще несколько месяцев должна была со-

хранять желтоватый и грязный цвет. Двадцатью милями ниже большая река, уже не окаймленная высокими берегами, орошала равнины более чем на тридцать миль, смешиваясь с громадными болотами, испарения которых, по мнению Лаеннека, делали невозможной всякую попытку добраться сухим путем до берега океана. Ждать конца наводнения было еще неудобнее, потому что Конго, вернувшись в свое русло, оставляло на всей земле, которую покрывало своей водой, такие остатки растительного и животного царства, что даже негров, родившихся в этой стране, заражала гнилая лихорадка.

Следовательно, не было другого пути, кроме того, который Лаеннек и Кунье указывали с самого начала и который позволял добраться до реки Огове, поднимаясь к экватору целым рядом плоскогорий и гор, покрытых лесами.

«Надежда» вошла в Банкору, поднимаясь вверх. Берега реки были покрыты смоковницами.

Известно, что это дерево, родом из Центральной Африки, самое драгоценное из высокоствольных деревьев в тропических странах. Наши путешественники могли восхищаться им во всей его красоте в тех самых местах, где оно родилось. От громадного ствола идут почти всегда в горизонтальном направлении ветви, покрывающие большое пространство своими листьями, непроницаемыми для солнечных лучей. Под этой массой зелени легко может укрыться население целой деревни. Путешественники находят там приятную стоянку, где могут подышать свежим воздухом и утолить жажду плодами этого дерева.

Вечером путешественники приметили густой столб дыма над массой зелени; зрелище это наполнило их радостью от уверенности, что они проехали две трети своего пути.

— Мы подъезжаем к деревне Эмбоза, которую я посещал несколько лет тому назад, — сказал Лаеннек, — и если старый вождь Имбоко не умер, мы можем быть уверены в самом дружелюбном приеме.

Деревня Эмбоза находится почти на границе обитаемой территории; вверх по Банкоре идет пустыня и девственный лес, который служит убежищем нескольким племенам кумиров, или лесных наездников, всегда готовых ограбить караван и одинокого путешественника.

Это маленькое местечко с полсотней хижин принадлежит племени мосиконго, главное занятие которого состоит в собирании пальмового масла. Все живут вместе, и после

каждой добычи прибыль делится начальником между всеми жителями. Для того чтобы защищаться от разбойников, они содержат отряд в двадцать пять человек, хорошо вооруженных оружием, привезенным из Малимбы; отряд этот охраняет деревню в то время, когда население занимается собиранием масла.

Лаеннек не ошибся. Имбоко, несмотря на преклонный возраст, был еще здоров и задолго до того, как пирога подошла к берегу, отправился с частью жителей узнать, кто приехал.

Пора дождей была неблагоприятна для собирания масла, и все население было в деревне.

Когда старый начальник увидел Лаеннека, он выразил большую радость. Узнав в нескольких словах о событиях, которые привели к нему его друга, он понял, что путешественники, изнуренные усталостью и лишениями, уже пять дней не имели другой пищи, кроме диких плодов, и главное — нуждались в отдыхе. Он избавил их от любопытства своих подданных и отвел в свое жилище, которое предоставлял им на все время, пока они пожелают остаться в его деревне. Как только Имбоко ушел за провизией, Гиллуа и Барте, изнемогая от волнения, бросились на шею Лаеннеку. Возвращение не казалось им теперь неосуществимой мечтой!

— Ах, — говорили они, — по вашей милости мы увидим Францию! Каким образом можем мы когда-нибудь отблагодарить вас?!

Эти трогательные выражения признательности взволновали искателя приключений до глубины сердца; целый мир воспоминаний прилил к его мозгу. Францию, Бретань, деревеньку, где он родился и которую он не надеялся увидеть, свою мать, умершую вдали от него, — все это он увидел, как во сне. Склонив голову на свою широкую грудь, он упал на землю и начал рыдать...

Барте и Гиллуа с уважением отнеслись к этой глубокой горести. Уале, услышав, что хозяин его плачет, начал печально визжать.

Но Лаеннек быстро оправился; это была железная натура; и нравственные страдания не могли ее долго подавлять.

— Извините меня! — порывисто сказал он молодым людям. — Есть часы, когда я изнемогаю, как женщина!.. Наши лишения и наша борьба еще не кончились, и я буду счастлив, только когда увижу вас на корабле, который возвратит

вас на родину... Тогда я в свою очередь попрошу вас исполнить одну мою просьбу.

— Не беспокойтесь, мы добьемся вашего помилования!

— Благодарю. Но не об этом идет дело. Там, в Плуаре, есть одинокая могила, к которой никто не приходит. Это могила моей матери, умершей от горести, когда она услышала о моем осуждении; пред вашим отъездом я отдам вам пальмовую ветвь, которую сорвал на берегу... Тут... — Голос скитальца начал дрожать до такой степени, что он был припужден остановиться. Лаеннек сделал усилие и продолжал умоляющим тоном, но так тихо, что едва можно было расслышать: — И вы... не правда ли, вы это сделаете для меня... Вы положите эту ветвь на землю, где покоится бедная старушка, которой я не мог закрыть глаза...

Последние слова замерли в сдавленном рыдании... И прежде чем молодые люди успели ему ответить, он выбежал из хижины.

Спустя несколько минут он верпулся и был опять спокоен, как всегда. Имбоко с торжеством следовал за ним, а двенадцать человек несли козленка, шесть жареных цыплят, маниок, маис, хлебные плоды, бананы. Всем этим можно было накормить сто человек.

Добряк воображал, что никогда не будет в состоянии накормить своих гостей.

3. Праздник. — Озеро Уффа

Наши путешественники отдыхали уже несколько часов, как вдруг их разбудил страшный шум и Имбоко вошел в хижину с музыкантами и певцами, которые пришли устроить серенаду приезжим. Несмотря на желание начальника дать отдохнуть гостям, он не смел нарушить обычный этикет, потому что в глазах его подданных это не согласовывалось бы с законами гостеприимства.

Лаецнек и его товарищи должны были волей-неволей присутствовать при странном концерте, которым их угостили.

Мосиконго, как и все другие племена в Африке, имеют своеобразный музыкальный вкус. Колотить в тамтамы, свистеть в дудки, словом, делать как можно больше шума — это для них высшая степень искусства.

Теперь Имбоко превзошел самого себя: он созвал всех своих артистов, и больше двух часов на берегах Банкоры раздавалась африканская музыка.

Как почти всегда бывает у первобытных народов, начальник запевал куплет, который потом повторялся всеми певцами. Музыканты играли, как кому вздумалось, и можно себе представить, как это должно быть приятно для европейских ушей.

Разумеется, пение восхваляло, по обычаю древних, добродетели белых. Таким образом, благородные чужестранцы, удостоившие своим присутствием в эту минуту деревню Эмбоза, были сначала представлены как воины, знаменитые в своей стране, обладающие громадным количеством ружей и пороха и поразившие великое множество врагов. Через несколько минут шум сделался так велик, а нервы двух товарищей Лаеннека до того раздражены, что он пытался прекратить музыку, но напрасно. Негры начали тогда воспевать достоинства искателей пальмового масла и их добродетель. А кончили, расхвалив их ловкость отыскивать яйца черепахи, убивать кайманов и заклинать духов. Они остановились только тогда, когда не могли уже ни кричать, ни колотить в инструменты, и старшины деревни объявили, что никогда не видали такого прекрасного приема.

Инструменты, употребляемые в этом странном концерте, заслуживают особенного описания. Их было пять. Первый, без которого не может происходить никакое празднество, походит на лютню по форме и ручке, но построен он из очень тонкой кожи, струны сделаны из волос хвоста слона и из пальмовых волокон, натянутых от одного конца инструмента до другого и прикрепленных к нескольким кольцам; в различных местах от этих колец висят маленькие железные и медные пластинки, издающие различные звуки. Стоит дотропнуться до струн, кольца шевелятся, приводят в движение пластинки, и из всех этих звуков выходит самая странная какофония, которая восхищает всех дилетантов-негров.

Второй инструмент употребляется для семейных церемоний, как, например, брак, рождение, похороны, и состоит из тонкой деревянной доски, которую стягивают, как лук, к ней привешивают пятнадцать длинных и сухих тыквенных бутылок различной величины, каждая из которых имеет сверху и внизу отверстие. Нижнее отверстие наполовину закупорено, а верхнее прикрыто деревянной пластинкой.

Играющие привязывают к обоим концам инструмента небольшую веревку, которую надевают себе на шею, и с помощью двух палочек, конец которых покрыт материей, колотят по доске; звук сообщается тыквенным бутылкам и производит гармонию, столь же приятную, как и предыдущая.

Потом идет инструмент, составляющий привилегию воинов. Он состоит из куска дерева длиной в один метр и покрыт рамой в виде лестницы с маленькими дощечками, расположенными в промежутках; на нем играют палкой. Этот инструмент имеет дар возбуждать мужество солдат, и было бы невозможно вести их на неприятеля без этого инструмента. Часто преобразователи — они бывают везде — пытались в государствах верхнего Конго уничтожить этот инструмент предков, но армия восставала с единодушным криком: «Отдайте нам инструмент наших предков!» Вопрос этот, несколько раз едва не породивший восстаний и даже перемепу династий, был предан забвению, и инструмент продолжал составлять радость военного сословия Конго.

Духовенство также имеет свой музыкальный инструмент; он состоит из большой тыквенной бутылки с широким дном и очень узким горлышком; ее наполняют кусочками железа и меди, и каждое утро ганги, или священники, встряхивают ее в продолжение получаса пред великим богом Марамбой, который будто бы находит в этом чрезвычайное удовольствие.

Наконец, инструмент королей и начальников состоит из двух тростников, входящих один в другой, с носиком вроде кларнета.

На праздниках, смотря по важности пиршества, берут два, три, даже четыре музыкальных инструмента, но только большие церемонии и королевские празднества имеют право на пять инструментов.

С нашими путешественниками поступили как с Имбоко или самим великим Марамбой. Этикет после этого требовал угощения ромом. Все негры уверены, что белые всегда носят с собою крепкие напитки. Лаеннек заменил ром речью, в которой расхваливал мужество и добродетели эмбозских жителей, клялся великим Марамбой, что, вернувшись сюда, привезет бочонок драгоценного напитка. Громкие крики «ура» встретили это обещание. Старый король объявил вечер конченным и пинками выгнал своих подданных. Прежде

чем расстаться с друзьями, он повесил у входа леопардовую шкуру, касавшуюся ног статуи знаменитого Марамбы и имевшую дар привлекать расположение добрых гениев и удалять злых. Путешественники могли наконец насладиться покоем.

Все негры этой страны очень суеверны и очень привязаны к религии своих фетишей, или мокиссо. Эти божества напоминают древнюю мифологию Востока; одни властвуют над ветрами и громом, другие — над лесами, реками, прудами, скотом, здоровьем, счастьем, сохранением слуха, зрения, рук и ног; божества предвещают об опасности при помощи признаков, которые ганги должны объяснить; они дают победу, поражают врагов и воскрешают мертвых. Каждый обладает властью, лишь ему принадлежащей и сосредоточенной в известных границах.

Мокиссо имеют статуи; одни представляют человеческие лица, другие — только палки, убранные наверху или украшенные грубой резьбой.

Негры приписывают этим мокиссо такие же страсти, как и людям, и находят, что им следует всем оказывать одинаковое поклонение, чтобы не прогневать ни одного.

Начальник добрых духов и самый могущественный из всех — Марамба; начальник злых духов — Мевуа, но так как эти два могущественных бога постоянно враждуют между собой (Мевуа хочет уничтожить Землю и Луну, а Марамба их защищает), то выходит, что они не имеют времени слушать своих поклонников, а потому низшие мокиссо пользуются этим, чтобы привлекать к себе все молитвы; но справедливость требует сказать, что они принимают их только как посредники и передают своим начальникам молитвы смертных.

Священникам, или гангам, поручено делать и поддерживать статуи мокиссо. Для привлечения толпы, а с нею многочисленных приношений, ганги совершают суеверные обряды, сопровождаемые конвульсиями и гримасами.

Каждая местность имеет своего мокиссо, но некоторые пользуются большою славою, чем другие. Ганги наперерыв стараются выставить своего бога, наперерыв привлекают легковверных самыми искусными штуками.

В Эмбозе был знаменитый мокиссо, который привлекал каждый год после периода дождей тысячи людей более чем за сто миль; приходили с нижнего Конго, даже из Малимбы.

Этот мокиссо, по народному верованию, основал свое жилище в дупле старого дерева, корни которого входили в воду Банкоры; два раза в год этот мокиссо удостаивал изрекать предсказания и излечивать всех больных, приходивших к нему. Из дупла слышались странные слова, кончавшиеся всегда требованиями маниока, пальмового масла и слоновой кости. Приношения накоплялись около жилища бога, и добрые ганги набирали столько товару, что посылали караваны, приносившие им большие выгоды.

Вода в реке, протекавшая мимо этого дерева, считалась священной: она имела дар излечивать все болезни, и ганги рассылали ее повсюду в горлянках; когда наступала пора пилигримств, они не успевали сами раздавать воду и брали на помощь жителей деревни. Поэтому жрецы банкорского мокиссо были богаты и возбуждали зависть своих собратьев.

Бесполезно добавлять, что из дупла говорил гангачревовещатель и что, когда мокиссо удостаивал являться глазам своих поклонников, это опять ганга переодевался более или менее странным образом. Но он показывался только немногим, между которыми всегда находились два или три сообщника.

Негры Центральной Африки никогда не путешествуют без мешка с талисманами, который иногда весит десять — двенадцать фунтов. Это смесь самых странных предметов: кусочков дерева, камешков, зубов кайманов, старого железа; все годится для этого, только бы ганга освятил их. Хотя эта тяжесть иногда истощает их силы, они не хотят сознаться, что чувствуют малейшую усталость; напротив, они уверяют, что эта драгоценная ноша делает легче ту, которую они несут.

Освящение этих предметов начинается всегда тем, что кладут мешок со священными вещами на землю; потом ганга садится на циновку, бьет себя по коленям ремнем из кожи бегемота, бренчит железными погремушками, которые всегда носит между пальцами, потом бьет себя в грудь, красит себе веки, лицо и другие части тела синей и красной краской со странными движениями и гримасами, то возвышая, то понижая голос и повторяя таинственные слова, на которые присутствующие отвечают восклицаниями.

После этого обряда, который длится довольно долго, ганга приходит в исступление; надо держать ему руки, что-

бы охладить его пыл; но когда его опрыснут водой, настоящей на некоторых растениях, этот экстаз мало-помалу прекращается; ганга уверяет, что мокиссо явился ему и удостоил освятить вещи. Все это оканчивается обильными приношениями.

На другой день по прибытии Лаеннек и его товарищи были свидетелями этих странных обрядов. Король хотел вести их на охоту за кайманами и сначала велел освятить амулеты, предназначенные защищать его отряд от зверей. Волей-неволей Гиллуа, Барте и Лаеннек принуждены были положить в карман по камешку, а к поясу привесить буйволовый рог.

Они согласились на это, чтобы не прогневить своего старого друга, который уверял, что без этого он не ручается за их безопасность.

По окончании церемонии они отправились с Имбоко и двенадцатью воинами, хорошо вооруженными, к маленькому озеру Уффа, проехали по реке в пироге и вошли в лес. Уже несколько месяцев жители Эмбозы не были там, и вследствие дождей лианы и кустарники до того заглушили маленькую тропинку, прежде проложенную, что они не могли идти и, повернув налево, добрались до прогалины, которая могла скорее довести их до цели.

Вдруг Уале прыгнул, вытянул шею, наострил уши и, по видимому, прислушивался к отдаленному шуму, которого охотники еще слышать не могли.

— Будьте внимательны, — сказал Лаеннек, — Уале чувствует хищного зверя.

Чтобы собака не бросилась вперед, Лаеннек крепко держал ее на шнуре.

Скоро послышался шум раздвигаемых ветвей.

— Понго! Понго! — закричали туземцы, дрожа от страха.

— Что это? — спросили Гиллуа и Барте с беспокойством.

— Горилла, — коротко ответил Лаеннек. — Приготовьте ваше оружие, я выпущу Уале.

Собака бросилась в кусты.

Вдруг страшный отрывистый рев, похожий на рев льва и человеческий крик, послышался за спиной охотников; животное обошло своих врагов.

Мосиконго не ошиблись, это была горилла.

Испуганные негры бросились наземь ничком. Лишь старый вождь и три европейца остались на ногах. В то мгновение, когда горилла бросилась на маленький отряд, Уале, следовавший за нею, прыгнул на нее и схватил ее за горло. Оба врага повалились на землю, и между ними началась страшная борьба, сопровождаемая свирепым воем.

Стрелять было нельзя из опасения попасть в собаку; Лаеннек ни за что на свете не позволил бы убить доброго Уале. Собака вонзила свои могучие зубы в шею гориллы, а та старалась задушить ее, прижимая к своей груди. Бедный Уале уже с трудом переводил дух, и борьба, может быть, кончилась бы не в его пользу, если бы Лаеннек не бросился вперед и не вонзил свой охотничий нож в грудь гориллы.

Руки животного, пораженного насмерть, тотчас опустились, тихая жалоба сменилась болезненным криком, и, испуская последний вздох, страшное четверорукое бросило на своих врагов взгляд, выражавший почти человеческое страдание. Путешественники, растроганные, отвернулись, и даже Уале, получивший легкие раны, оставил в покое своего врага.

Мосиконго, напротив, выказавшие такую храбрость в час опасности, немедленно прибежали, разорвали гориллу на куски и вымазали себе тело ее кровью; народное верование приписывает ей силу делать неуязвимым тело человека.

Это приключение расстроило все планы, и хотя через несколько мипут маленький отряд пришел к озеру, Лаеннек и его спутники видели по тревожным взглядам, которыми люди Имбоко осматривали кусты, что они боялись нового врага — может быть, самки убитого. Поэтому, когда Лаеннек, не доверявший мужеству негров, предложил им воротиться в Эмбозу, они тотчас бросились по направлению к Банкоре.

Имбоко, хотя и чувствовал к горилле такой же суеверный страх, как и его люди, не хотел оставлять своих гостей; но можно было видеть, что он далеко не был спокоен и время от времени, чтобы внушить себе мужество, дотрагивался до амулетов, висевших на его поясе, и бормотал какое-то заклинание, которому его научили ганги. Нечего было сомневаться, что его воины и он мужественно дрались бы с разбойниками или с каким бы то ни было хищным зверем, слоном или носорогом, но горилла внушала им таинственный страх, имеющий начало в их религиозных идеях; ганги

убедили Имбоко, что в теле этого животного обитают злые духи, которые мучают тех, кто попадает в их власть.

Приготовленные приманки для кайманов негры забыли оставить, когда убежали; следовательно, ничего нельзя было предпринять, и после прогулки около озера Имбоко и его гости вернулись к Банкоре. Не успели они еще выйти из леса, как увидели Кунье и Йомби, которых оставили в Эмбозе приготовиться к отъезду. Эти brave люди, увидев, что негры бегут врассыпную, взяли ружья и поспешили на помощь к своим господам.

Найдя их здоровыми и невредимыми, они выказали свою радость разными способами, и это доказательство привязанности и мужества еще больше увеличило доверие к ним Лаеннека и обоих молодых людей.

Возвращение в Эмбозу было обставлено торжественно. Все жители деревни — мужчины, женщины и дети — приветствовали чужестранцев и своего короля громкими восклицаниями, и старый Имбоко за то, что имел мужество остаться с белыми, вырос на сто локтей в глазах его подданных.

Ганги пришли поздравить их и не преминули лицемерно приписать амулетам всю заслугу их спасения.

Лаеннек не мог удержаться, чтобы не показать с улыбкой начальнику гангов свою собаку Уале и большой охотничий нож.

— Вот лучшие мокиссо, — сказал он.

Плут, которого никогда нельзя было застигнуть врасплох, ответил хитрым и сладеньким тоном:

— Все зависит от великого Марамбы, это он дал доброму белому храбрую собаку и большой нож.

Барте и Гиллуа, которым этот ответ был переведен, смеясь, обменялись взглядом, который означал: «Недурно для негра Конго...»

Среди всеобщей радости чуть было не принялись за вчерашнюю трескотню; музыканты непременно хотели воспользоваться этим обстоятельством, чтобы дать новый образец своего таланта, и народу, который был рад позабавиться, очень понравилась эта идея.

Но путешественники решили, что отправятся в путь завтра утром, и Лаеннек употребил свое влияние на короля, чтобы ему и его друзьям дали время заняться своими делами. Им повиновались с сожалением; но ганги, никогда не

пропускавшие удобного случая, немедленно устроили религиозную церемонию, чтобы поблагодарить фетишей за чудесное спасение короля и его именитых гостей; негры с музыкантами во главе устремились к статуе Марамбы; ему навалили подарков, к великой радости его служителей, набравших в этот день почти столько же, как во время богослужения. Ганга-чревоушастый время от времени прерывал музыку, заставляя говорить идола, который давал предсказания всем, кто выделялся из толпы ценностью своих подарков.

Таким образом, в дикой Центральной Африке, как и в культурной Европе, спекулируют на человеческой глупости. Живут трудом других и благоденствуют в ленивой и святой праздности...

В это время Кунье, Йомби и Буана заготавливали провизию и относили ее в пирогу, потому что еще пятьдесят миль предстояло проплыть по Бангоре, прежде чем отправиться сухим путем и навсегда бросить «Надежду», которая спасла им жизнь.

На другой день, после церемониального завтрака, на котором присутствовала вся деревня, под тенью гигантской смоковницы путешественники простились со своими хозяевами, чтобы предпринять последнее путешествие, хотя и не столь продолжительное, чем первое, тем не менее тающее много опасностей.

Имбоко отправил шесть своих воинов проводить путешественников по лесу, наполненному разбойниками и кумирами, с приказанием вернутся лишь тогда, когда белые им сами скажут, что они более не нужны. Лаеннек принял это подкрепление с тем большим удовольствием, что Йомби передал ему (он узнал от жителей деревни), что в лесах за пятьдесят миль от Эмбозы видели негров странной наружности, в которых верный слуга по описанию узнал своих одноплеменников.

Лаеннек, задумавшись, спрашивал себя, не прислали ли сюда фаны лазутчиков, которых они встретили на верхнем Конго через два дня после своего отъезда из владений Гобби. Он решил, однако, ничего не говорить своим спутникам, чтобы не нарушить их спокойствия, намереваясь предупредить их только ввиду неизбежной опасности.

Когда все было готово, Лаеннек и его два спутника с искренним чувством пожали руку старому королю и заняли на

«Надежде» обычные места. Шесть мозиконджских воинов, вооруженных с ног до головы, сели в свою очередь в лодку и отчалили.

— Прощай, Имбоко! — закричал ему в последний раз Лаеннек. — Твои люди приведут тебе нашу пирогу — вот все, что мы можем предложить тебе на память; когда вернусь, я привезу тебе подарок, более достойный тебя.

— Привези мне костюм белого короля, — сказал Имбоко, дрожа от радости при мысли, что, может быть, осуществит мечту всей своей жизни.

Все царьки Центральной Африки не имеют более горячего желания, как показаться своим изумленным подданным в костюме швейцара или английского адмирала.

Пирога быстро удалилась. Лаеннек сложил руки рупором и крикнул:

— Кляпуть тебе головою твоих гангов, что у тебя будет самый красивый костюм во всем Конго!

Он сел, смеясь. Но он мог видеть издали, что его поняли, потому что старый король, несмотря на королевское величие, принялся плясать по берегу довольно энергично для своих лет.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

РАЗБОЙНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

1. Путь к Мукангаме и экватору. — Исчезновение Буаны

На другой день наши путешественники прибыли благополучно в Гамбу. Перед ними необозримо расстился лес, и они должны были подготовиться покинуть «Надежду». Снова им пужно было проходить по неизведанным, обширным областям, руководствуясь только довольно смутными воспоминаниями Кунье, который в детстве бывал в этих местах со своим отцом, вожакom невольников, и инстинктом Йомби.

Шесть воинов Имбоко знали эти таинственные пустыни только по рассказам своего племени, потому что даже в периоды собирания масла они оставались охранять родную деревню, вместо того чтобы идти в лес. Сказки, которыми набивали их головы в темные вечера дождевой поры, принуждавшей всех к бездействию, изображали леса, наполненные лютыми гориллами, слонами, пантерами, леопарда-

ми и разбойниками. Рассказам эмбозских жителей придавало вес то обстоятельство, что каждый год по возвращении из леса Имбоко недосчитывался одного или двух из своих подданных.

Прежде чем идти дальше, Лаеннек, желавший знать, может ли он положиться на преданность людей, которым старый банкорский король поручил защищать его, предложил им вернуться обратно.

— Вы теперь находитесь в двух днях пути от Эмбозы, — сказал он им, — советую вам не идти дальше. Передайте мою признательность вашему королю и отвезите ему лодку, которую мы обещали оставить на память.

— Мы останемся с тобой, — ответил Нияди, начальник банкорских воинов. — Имбоко велел нам проводить вас до большой реки озер (так они называли Огове), и мы исполним приказание Имбоко.

— Вы не боитесь кумиров?

— Эмбозские жители храбры, они убьют кумиров.

— А горилл? — прибавил Лаеннек, который не мог удержаться от улыбки при воспоминании о приключении у озера Уффа.

Услышав имя страшного животного, Нияди немножко смутился, но ответил довольно самоуверенно:

— Мы не можем бороться со злыми духами, но ганги дали нам этот мокиссо, и нам нечего их бояться.

Произнося эти слова, мафук (военный начальник) показал Лаеннеку ожерелье из старых зубов каймана и две куклы из перьев, имевшие, по его словам, силу обращать в бегство страшного понго.

Каждый из воинов был снабжен большим количеством амулетов особого назначения: один предохранял от укусов змей, другой — от лихорадки и так далее.

Лаеннек больше не настаивал: его единственной целью было узнать, как будут держаться банкорцы перед опасностью, и теперь он был убежден, что может на них положиться.

Итак, маленький караван состоял из трех европейцев, их двух слуг и воинов Имбоко — всего из одиннадцати человек; с таким союзником, как Уале, они могли надеяться благополучно окончить свое опасное путешествие.

Спрятав лодку под тростником, чтобы по возвращении Нияди и его воины могли легко ее отыскать, решили пере-

ночевать на берегу Банкоры, чтобы войти в лес на восходе солнца.

По обыкновению, был разведен большой костер.

Вечер был исполнен прелести. Малейшие шумы повторялись могучим эхом на высоких берегах реки; со всех сторон раздавались удесятеренные крики попугаев и хищных птиц, любопытство которых привлекал свет костра; крики обезьян, осыпавших путешественников дождем плодов и листьев, неясное журчание Банкоры, плеск рыбы, выплывшей на поверхность, жужжание тысячи насекомых... К этому пронзительному треску, ко всей этой грозе звуков присоединялся рев зверей, шум тяжелых бегемотов, погружавшихся в воду, и стоны кайманов, прятавшихся в высокой прибрежной траве. Ночные птицы прилетали к огню и тотчас же улетали с зловещим криком.

В два часа утра Уале начал глухо ворчать, выказывая признаки гнева. Лаеннек, проснувшись, заметил одного из людей Нияди, ползком пробирающегося в лес.

— Что нового? — спросил он у Нияди, который ни на миг не переставал караулить.

— Йомби и один из моих людей пошли разузнать.

— Ты опасаясь чего-нибудь?

— Один из караульных пошел напиться у ручейка, несколько ниже впадающего в Банкору, и вернулся сказать, что видал кумиров.

— Ты не думаешь, что от страха он принял какой-нибудь ствол дерева за разбойника?

— Иненга убил больше кумиров, чем в этом мокиссо каймановых зубов. Иненга начальствует, когда Нияди в отсуствии; ты можешь спокойно спать — нечего опасаться, когда Иненга на ногах.

Через час оба вернулись, они не видали ничего, что могло бы оправдать подозрение; однако Иненга принес сломанную стрелу, которая, по-видимому, очень недолго пролежала в траве, и этот признак, достаточный для того, чтобы обнаружить присутствие человеческих существ, побудил путешественников действовать чрезвычайно осторожно.

На рассвете, захватив провизию, оставшуюся в лодке, они мужественно вошли в лес. Кунье утверждал, что надо держаться солнца с правой стороны в продолжение четырнадцати дней; по крайней мере, так поступал караван, в котором он некогда участвовал. Через три-четыре дня они

должны были прибыть в страну, населенную земледельческим племенем, которое Кунье называл ассары или ассиры и среди которых он провел три месяца, излечиваясь от раны в ноге.

По описанию страны и ее жителей Йомби догадался, что проходил уже там вместе со своими во время похода, который привел их в Конго, и что оттуда понадобится не более пяти-шести дней, чтобы добраться до Огове. С большой радостью Гиллуа и Барте узнали новые подробности и стали ожидать конца своего продолжительного и опасного путешествия.

Пять первых дней прошли для путешественников довольно спокойно. Путники должны были только держаться постоянно правой стороны солнца и хорошенько караулить по ночам, чтобы не быть застигнутыми разбойниками; каждый вечер они выбирали прогалицу для ночлега и закутывались в свои одеяла недалеко от костра, который поддерживался стоявшим на карауле.

Но ничто не могло выбить из головы Нияди уверенности, что издали за ними следят кумиры, и наместник Имбоко приписывал то, что разбойники оставляют их в покое, сначала мокиссо, которыми он снабдил себя, потом присутствию белых, которые всегда впускают суеверный страх жителям Африки.

Уале, по-видимому, разделял его мнение, потому что часть ночи ворочался и ворчал, и даже хозяин не всегда мог заставить его молчать. Но поведение Уале объяснялось соседством крупных зверей, едкие испарения которых собака воспринимала нюхом, несмотря на дальность расстояния.

Как бы то ни было, Нияди зорко караулил по ночам, отдыхая лишь часа два на закате солнца, а днем распоряжался путем, выбор направления которого Лаеннек вполне предоставил ему.

Таким образом Нияди спас тех, которые были ему поручены, от верной смерти.

Утром на шестой день они шли уже несколько часов, когда увидели огромное болото, казавшееся озером зелени среди леса.

Если в лесу дорога караванов обозначалась время от времени деревьями, срубленными на восемь или десять футов от земли, то на берегу болота все следы исчезли. Путешественники решили обогнуть болото с левой стороны. Ед-

ва сделали они несколько шагов, как Нияди, шедший впереди, попятился и закричал громким голосом:

— Остановитесь, мы попадем в засаду!

Все немедленно повиновались.

— Посмотрите! — продолжал Нияди. — Я вижу, там, где тропинка суживается между лесом и речкой, трава не совсем густа и не совсем зелена! Эта трава, уже начинающая высыхать, брошена тут не далее как час тому назад и прикрывает слоновью ловушку, вырытую кумирами, чтобы мы попали туда!

— Почему ты предполагаешь, — перебил Лаеннек, — что эта ловушка приготовлена для нас? Мы не караван купцов, у нас нет ничего, чем прельстить лесных разбойников!

— У вас хорошее оружие, — ответил Нияди, — и если кумиры видели это, то они употребят все на свете, чтобы захватить его! А ловушка, если только она не вырыта разбойниками, обозначает присутствие охотников за слонами, и тогда мы недалеко от их стана!

Произнося эти слова, Нияди, чтобы доказать свою проныцательность, схватил обеими руками ствол сухого дерева и бросил вперед; ствол, падая, увлек за собой бамбук, листья и траву, прикрывавшие ловушку, и путешественники увидели перед собой большую яму.

Это была ловушка для слонов.

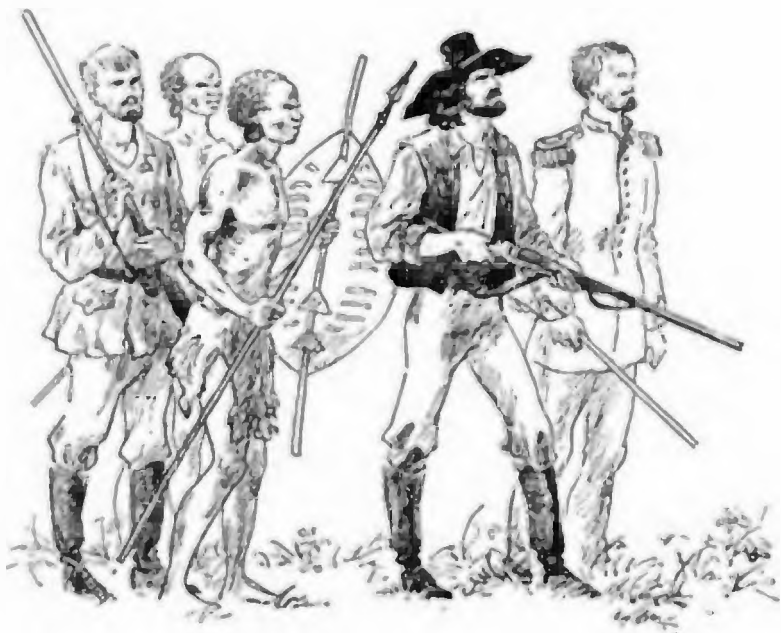
— Я думаю, что твое последнее предположение справедливо, — сказал Лаеннек, — в этих местах есть охотники за слонами. Кумиры не так глупы, чтобы расставлять нам подобные ловушки; они знают очень хорошо, что одиннадцать человек не могут идти рядом по этой тропинке и что если бы один из нас упал в яму, то другие немедленно вытащили бы его.

В эту минуту, как бы подтверждая его мнение, послышался глухой и болезненный, как жалоба, крик.

— Во вторую ловушку попался слон, — сказал Йомби, которому была известна охота за этими животными.

Прежде чем путешественники могли опомниться, человек сто негров, совершенно голых и вооруженных копьями и стрелами, вышли из чащи и побежали навстречу, крича и размахивая руками.

Путешественники прицелились, но, вовремя приметив, что жесты негров выражают скорее удивление, чем угрозу, стрелять не стали.

Нияди немедленно узнал в неграх жителей Уади, охотников за слонами и бегемотами, и закричал, чтобы они приблизились без опасения.

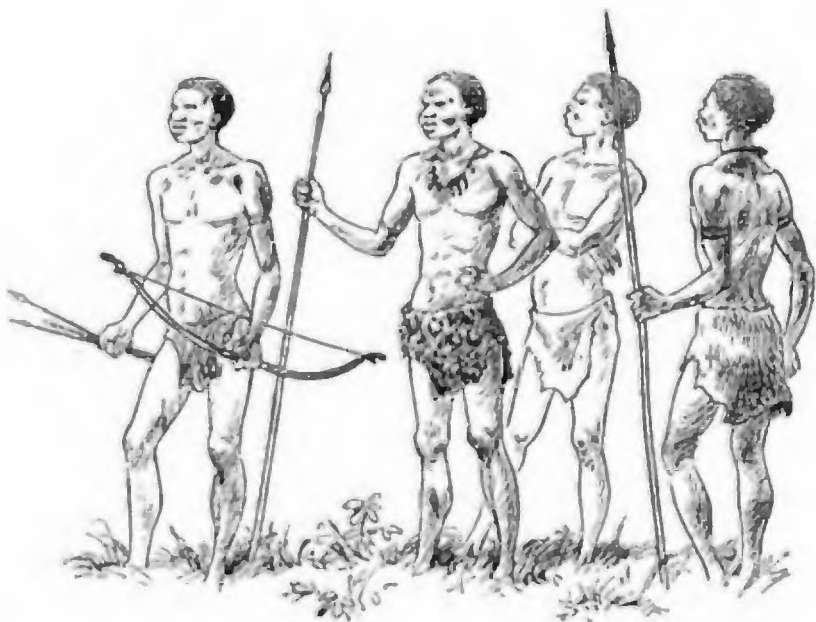
Они прибежали с пением и плясками; они думали, что имеют дело с купцами, а так как около двух лет тут не проходил никто, то у них накопилось громадное количество слоновой кости, которую они не знали, куда девать.

Увидев белых, они остановились в изумлении; некоторые даже выказывали признаки глубокого страха. Они никогда не видели людей другой расы; пустынная и удаленная от берега страна посещалась только купцами-неграми.

— Не бойтесь! — сказал им Иненга. — Эти честные белые хотят посетить вашу страну.

Успокоенные такими словами, добрые туземцы бросились в объятия белых и стали умолять их навестить здешнего короля.

Предложение было принято. Проходя мимо второй ямы, откуда раздался стон, Лаеннек и его спутники увидели великолепного черного слона, испускавшего последний вздох. Он был весь утыкан стрелами, и, чтобы ускорить его кончи-

ну, жители Уади, проходя мимо, пустили в него еще тучу стрел.

Деревня, в которой жило племя Уади, называлась Иноа. Прибытие белых вызвало там большое волнение, и король, такой же голый и такой же убогий, как его подданные, удостоил выйти навстречу чужестранцам.

Велико было его разочарование, когда он узнал, что имеет дело не с купцами и что ему придется ждать другого случая, чтобы возобновить свои запасы рома, пороха и мелкого стеклянного товара, но, несмотря на это, он принял их хорошо и дал на другой день утром столько иньяму и маниоковой муки, сколько они могли взять с собою.

Эта остановка доставила путешественникам драгоценные сведения. Они действительно убедились — это делало немалую честь проницательности Нияди, — что эти места были переполнены кумирами; не проходило и дня, чтобы жители Иноа не имели дела с ними. Кроме того, путешественники узнали, что, прежде чем прибыть в страну Ассира, они должны встретить еще большую деревню фанов, которые поселились в обширной равнине, чтобы мирно заниматься земледелием.

Вечером экспедиция с обычными предосторожностями остановилась на берегу ручья. Местность показалась путникам столь очаровательной, что они прекратили путь за два часа до заката солнца.

Лаеннек воспользовался этим, чтобы пойти с Кунье убить несколько птиц для ужина, между тем как Йомби с двумя солдатами Нияди набирал дров для костра; Буана принялась ловить раков, замеченных ею в речке. Этим занятием молодая негритянка так увлеклась, что забыла держаться поближе к тем, кто мог ее защитить. Наполнив корзину раками, она отправилась в обратный путь.

Солнце быстро склонялось к горизонту, лес принимал странные оттенки и очертания; не слыша более голосов своих товарищей, Буана бросилась бежать, чтобы скорее вернуться к ним. Вдруг четыре негра, странно татуированные, выскочили из чащи и, пригрозив убить негритянку, если она вскрикнет, потащили ее в чащу леса.

Исчезновение Буаны заметили, только когда вернулись Лаеннек и Кунье.

Сначала думали, что она находится в нескольких шагах, черпает воду или собирает дикие плоды; ее принялись звать

и звали с четверть часа — ответа не было. Путники догадались наконец об ужасной истине.

— Ее похитили кумиры, — сказал Нияди, — а кумиры едят человеческое мясо...

При этих страшных словах Лаеннек не мог удержаться от рыданий: железный человек едва не лишился разума, узнав, какая участь угрожала той, которая спасла ему жизнь.

— Надо решиться на все, чтобы вырвать ее у похитителей! — вскричали Барте и Гиллуа.

— Благодарю, ребята! — ответил Лаеннек, быстро оправившись. — Я именно этого и ожидал от вас... Мы помогли бы всякому в подобных обстоятельствах, но Буану я спасу или умру сам, потому что обязан заплатить ей долг признательности.

— Надо действовать быстро, — перебил Нияди, — завтра будет поздно. Как только солнце закатится, кумиры напьются пальмового сока, и Буапу съедят в нынешнюю же ночь.

— Располагайте нами! — воскликнули молодые люди.

Кунье и Йомби плакали, сжимая с бешенством кулаки.

Уале ворчал.

— Возьми и собаку, — сказал Лаеннек негру, — она скоро понадобится нам.

2. Тревожная ночь. — Мищение Уале

— Друзья, — сказал Лаеннек молодым людям, — я принужден потребовать от вас полного повиновения.

— Даем вам слово.

— Мы отправимся сейчас, и вы с нами не пойдете.

— Вы думаете, что у нас не хватит мужества бороться с лесными врагами? — ответили Барте и его товарищ, почти обидевшись.

— Прошу вас, выслушайте меня и повируйтесь; мы не можем терять ни одной мипуты. Хорошо знаю ваше мужество, но не имею возможности принять вашу помощь, так как вы стесните нас ночью в девственном лесу. Я даю вам поручение, может быть, еще опаснее.

— Какое?

— Оставаться здесь без огня, чтобы не привлечь разбойников. Не имея другой защиты против хищных зверей, кро-

ме собственной энергии, вы будете охранять провизию во время нашего отсутствия.

— Хорошо, мы остаемся.

— Я подам вам совет. Не удаляйтесь от этого баобаба, ветви которого касаются земли, и при малейшем шуме укройтесь в дупле дерева.

— Спасибо. Мы как-нибудь справимся с обязанностью караульных, — ответили они с оттенком иронии.

— Господа, вы огорчаете меня: вы молоды, пылки, вам кажется унизительным оставаться в бездействии... Но все же, рискуя оскорбить вас, я должен вам сказать, что вы не можете идти с нами, потому что ваша неопытность в лесной жизни навлечет на нас неминуемую смерть, а Буану мы не спасем...

Рыдание заглушило последние слова в горле Лаеннека.

— Извините нас, — сказали молодые люди, опомнившись. — Уходите, мы последуем предписаниям и исполним нашу обязанность.

Лаеннек дал понюхать Уале одну из вещей Буаны и спустил его. Умный пес бросился к ручью и, принюхиваясь к следам молодой негритянки, медленно побежал по берегу, время от времени оборачиваясь посмотреть, идут ли за ним люди. За Уале шли Лаеннек, Кунье и Йомби; Нияди и его пять воинов замыкали шествие.

Через четверть часа маленький отряд дошел до того места, где напали на Буану. Собака тотчас повернула от берега направо, в кустарник, куда ее хозяин пошел за нею со всем своим отрядом...

Оставшись одни, Барте и Гиллуа собрали весь багаж каравана к подножию баобаба, зарядили карабины и сели бок о бок на огромном корне, который совершенно горизонтально выгибался над землей.

Была грозная тропическая ночь, наполненная особым благоуханием цветов. Точно все живые существа — в траве, под листвой, в воде, — прежде чем отдохнуть от дневного зноя, соединились в исступленном хоре, чтобы чествовать ночную прохладу, и если бы время от времени крик леопарда или черной пантеры не напоминал молодым людям об опасном положении, они предались бы странным грезам, которые внушала эта природа.

Часы проходили медленно и тревожно; напрасно прислушивались юноши, не пронесется ли какой-нибудь звук,

который мог бы известить их о судьбе товарищей; ничто не нарушало жизни девственного леса. Одна за другой смолкли певчие птицы, стихло жужжание насекомых, каждый куст принял таинственные очертания; вершины деревьев были еще освещены, но стволы и нижние ветви фантастически кривлялись.

Молодые люди были храбры и готовы ко всем неожиданностям, но среди этого тропического одиночества они не могли освободиться от смутного страха, овладевающего самым мужественным человеком, если он окружен лесом, Африкой и невидимыми врагами.

Вдруг близкий рев заставил их вздрогнуть.

— Точно крик леопарда! — тихо сказал Барте.

Только что он произнес эти слова, как страшное животное снова огласило лес своим ревом.

— Он, кажется, приближается к нам, — сказал Гиллуа.

— Может быть, он идет пить к ручью!.. Послушайте... он теперь от нас не далее чем в ста метрах!

— Он как будто колеблется...

— Он, должно быть, почуял нас и инстинктивно замедлил путь, чтобы отдать себе отчет, какого врага встретил.

— Вы расположены последовать совету Лаеннека?

— Не думаю, — поспешно ответил Барте, — чтобы французам с хорошими карабинами прилично было прятаться на дерево от какой бы то ни было опасности.

— В таком случае приготовим оружие, потому что через две минуты он бросится на нас...

Молодые люди стали на одно колено, чтобы верней прицелиться, и ждали.

В двадцати шагах от них журчал ручеек в тинистом ложе.

— Сначала вы, — сказал Гиллуа своему товарищу, — вы стреляете лучше меня.

Только что он произнес эти слова, как леопард одним скачком очутился на берегу ручья.

Очутившись лицом к лицу с молодыми людьми, зверь на мгновение пришел в замешательство, но это продолжалось недолго; он прыгнул вперед. Барте выстрелил.

Леопард страшно заревел, сделал попытку броситься на своих врагов, но, по-видимому, силы стали оставлять его, и он вернулся в лес, побуждаемый инстинктом самосохранения.

— Он смертельно ранен, — сказал Гиллуа своему другу.

Забыв всякое благоразумие, они побежали осмотреть место, на котором стоял зверь. Берега речки были освещены луной, и большая лужа крови показала молодым людям, что зверь был ранен тяжело.

— Его не надо упускать, — сказал Барте, — я уверен, что он испустит последний вздох в нескольких шагах отсюда.

Оба друга с карабинами в руках вошли в лес, соблюдая все предосторожности: они знали, как ужасна ярость раненого хищника. Сначала они шли довольно легко по следам зверя, но дальше тень от больших деревьев не позволила им ничего видеть. Они колебались идти по лесу, но самолюбие Барте было задето.

— Леопард не может быть далеко, — сказал он своему товарищу, — мы не можем бросить наш трофей... Лаеннек увидит, что рука и голова у нас крепче, чем он думает.

Гиллуа сделал несколько замечаний, но, видя, что его товарищ не обращает на них внимания, решил следовать за ним.

После пяти минут бесполезных поисков чаща сделалась до того густа, что почти невозможно было идти; молодой флотский офицер объявил прямо своему товарищу, что он не пустит его дальше, что преследовать хищного зверя в глубокой темноте — безумие и что благоразумнее будет немедленно вернуться назад.

Барте с сожалением уступил, и оба друга повернули обратно к речке, думая, что они удалились от нее не более как шагов на двести.

Каково же было их удивление, когда через несколько минут они заметили, что лес все сгущается. Густая завеса лиан и ползучих растений, которые переплетались с одного дерева к другому, составляла непреодолимую преграду.

— Мы заблудились... — сказал Гиллуа, вздрогнув.

— Это невозможно, — ответил Барте, — мы едва отошли от берега.

— Вы видите сами, куда мы зашли.

— Прислушаемся, может быть, журчание ручейка позволит нам ориентироваться.

Но они напрасно прислушивались: ничто не нарушало тишины, среди которой было бы слышно даже падение листа.

После двух или трех бесполезных попыток отыскать дорогу они остановились, чтобы посоветоваться, на что решиться.

Рассудив, что они не могли далеко отойти от берега за короткое время, они решили остаться до рассвета на этом месте, будучи уверены, что при первых лучах солнца легко отыщут дорогу.

В нескольких шагах от них находилось старое гигантское дерево; легко взобравшись на него, они удобно расположились на ветвях, чтобы провести ночь.

Было два часа ночи, луна скоро исчезла, унеся с собою скудный свет, пробивавшийся сквозь листву, и оба друга скоро не могли различить ветви, на которой сидели.

Среди этой тишины и темноты в ушах у них жужжало, кровь прилиwała к мозгу; они уже стали было терять сознание, когда вдали послышался шум раздвигаемых кустов и радостный собачий лай, раздавшийся в их ушах приятной музыкой.

— Уале! — воскликнул Барте.

— Мы спасены, — ответил Гиллуа.

Они начали кричать, чтобы указать направление. Им ответил мужественный голос Лаеннека.

— Где вы? — гаркнул он. — Вот уже полчаса, как мы ищем вас!

Молодые люди соскочили наземь и бросились на шею своему спасителю.

В нескольких словах сообщили они ему, что случилось.

— Вы сделали большую неосторожность, — сказал Лаеннек, — вас мог растерзать леопард, который был тем опаснее, что вы его ранили; без Уале, нашедшего ваш след, вы непременно погибли бы. Только туземцы умеют безошибочно находить дорогу в этих густых лесах; мы непременно пошли бы вас отыскивать, но без этой славной собаки только случайность могла направить нас в вашу сторону.

— А Буана? — воскликнули молодые люди.

— Спасена! Уале прямо привел нас к кумирам, и мы успели вовремя, чтобы избавить Буану от ужасной участи, ожидавшей ее... Нияди и его солдаты делали чудеса, а собака загрызла двух разбойников. Костер был уже разведен, и бедную девушку собирались зарезать, когда мы пришли. Она была привязана к дереву, полумертвая от страха. Увидев огонь, я взял Уале на привязь, и мы подходили без шу-

ма, когда Кунье испустил крик тано. Услышав знакомый сигнал, Буана мужественно подняла голову; это была помощь, это было освобождение. Не прошло и двух мипут, как мы накинулись на похитителей. Половина — всех их было человек двадцать — были убиты, остальные убежали. Но пора вернуться в наш лагерь. Со мной пошли только Кунье и Йомби; мы возвращались, когда услышали ваш выстрел, и предположили, что вы должны быть недалеко... Пойдемте, я расскажу вам дорогой подробности нашей экскурсии.

Добрые негры, услышав свои имена, поспешно подошли и, чтобы выразить свою радость, схватили руки молодых людей и приложили их к сердцу.

Через несколько минут маленький караван был опять в полном составе.

3. Король Рембоко. — Прибытие к ассирам

Едва солнце позлатило вершину высоких деревьев, путешественники выступили в дальнейший путь. Они серьезно опасались, чтобы кумиры не явились отомстить за смерть своих товарищей, а опасность была для них тем больше, что они не могли скрыть свой путь в лесу, будучи припуждены постоянно следовать по дороге караванов.

Первые пять дней они останавливались только для того, чтобы принять пищу да отдохнуть несколько часов, и с восходом луны снова продолжали свой путь.

В конце седьмого дня пути путешественники поняли по различным признакам, что заросли кончаются: тропинка сделалась шире, лес не так густ; на каждом шагу попадались деревья, срубленные рукою человека и, вероятно, предназначенные для туземных построек. Все показывало, что скоро путники дойдут до обитаемых мест.

Действительно, на другой день в десять часов утра они увидели обширную равнину, засаженную маниоком, иньямом и бананами и орошаемую широкой, глубокой рекой, которая текла по направлению к западу.

На расстоянии двух ружейных выстрелов группа туземцев нагружала в пироги, прикрепленные к берегу, корни маниока и плоды.

— Это люди моего племени, — сказал Йомби.

В ту же минуту негры заметили путешественников и побежали к ним навстречу с громкими криками. Когда они увидели трех белых, удивление их не знало границ,

и, приняв их за духов, они бросились к их ногам. Очевидно, они никогда еще не видали людей этой расы.

Йомби тотчас рассказал им, что вел посланных великим белым духом Майякомбо, которые захотели посетить страну фанов, и что их прибытие принесет счастье людям этого племени.

Бедняги, вне себя от восторга, предложили белым духам немедленно свезти их к своему королю, живущему в большой деревне Эноге немножко повыше по течению реки.

Предложение было принято; Лаеннека и его спутников усадили в большую пирогу, в которой без труда могло поместиться человек пятьдесят. Все фаны разместились в других пирогах, и флотилия отправилась в путь. В десять часов вечера остановились напротив маленькой деревни, но, вместо того чтобы приблизиться к берегу и выйти на сушу, держались поодаль от берега, потому что эта страна повиновалась многим королям, и фаны боялись, чтобы чужие не заставили белых остановиться, прежде чем те приедут к королю Рембоко.

Течение реки, насколько путешественники могли судить, шло теперь к северо-западу почти по прямой линии, а берега были так низки, что трава точно смешивалась с водой.

На восходе солнца путешественники не могли не восхищаться редким плодородием этих мест. На обоих берегах реки жирели сочные бананы, сорго, иньям, сахарный тростник.

Кунье не мог опомниться от удивления, потому что эти места были необитаемы еще, когда он проходил тут первый раз.

— Вот племена фанов, — сказал Барте, — которые, вместо того чтобы идти вперед с железом и огнем в руках, стали пастухами и земледельцами.

— В этом нет ничего необыкновенного, — ответил Гиллуа, — загляните в историю, и вы увидите, что всюду и всегда свойство почвы решало характер миграции. Кочующие арабы создали в Испании высокую культуру средних веков, норманны-моряки, прельщенные зелеными равнинами Северо-Западной Галлии, отказались от своих странствований, чтобы обрабатывать землю и разводить скот. Африка не из-

бегают этого закона, и повсюду, где есть плодородная земля, мы встретим земледельческое население.

Хотя большая часть прибрежных жителей имела довольно мирную наружность, фаны, взявшие на себя охрану маленького каравана, принимали величайшие предосторожности: часовые бесменно наблюдали за берегами, стоя в лодке с копьём в одной руке, с ножом — в другой.

Утро было пасмурное и печальное, густой туман, поднявшийся после восхода солнца, принудил туземцев остановиться, пока он не рассеялся. Они приближались уже к устью другой реки, на берегу которой находилась деревня Эноге. Когда туман рассеялся, фаны довольно быстро вошли в реку, орошавшую владения Рембоко, и в полдень один из фанов вскричал, указывая на высокие деревья:

— Вот наша страна!

Проехав мимо низкого, плодородного острова, они скоро достигли большого болота, перерезанного маленькими каналами.

Один из этих каналов, расчищенный от тростника и водяных растений, привел их к деревне Эноге. Там стояло на якоре множество судов, к которым присоединились и они, и, послав гонца к королю, стали ждать, чтобы он объявил им свою волю.

По возвращении гонца вся экспедиция вышла на берег, и ее отвели в хижину из желтой глины, довольно хорошо построенную и покрытую пальмовыми листьями. Перед фасадом была маленькая веранда, поддерживаемая деревянными колоннами, а на полу лежали циновки. Опрятный вид этой хижины прельстил путешественников. За ними скоро пришел посланный от короля и вывел их по окольным тропинкам к наружному двору дворца, у дверей которого стояла безобразная статуя фетиша. Они прошли первый двор и очутились на другом дворе, гораздо большем, окруженном галереями, где женщины плели циновки. Напротив входа во дворец возвышалась земляная эстрада, покрытая циновками разного цвета и большим куском красного сукна. На каждом углу стояла на коленях маленькая фигурка, сделанная из глины.

Через несколько мигут король явился перед ними. Это был молодой человек с выразительной физиономией; кроткое и открытое лицо, пылкий взгляд короля обличали скорее

ум и живость, чем свирепость, которую путешественники ожидали встретить.

Он смотрел на них несколько минут с величайшим удивлением и вскричал:

— Вот белые духи, которые носят с собою гром и о которых мой отец столько мне говорил!

Подозвав невольника, он просил путешественников поразить его громом сию же минуту.

— Белые убивают человеческое существо только ради защиты, — ответил Лаеннек через Йомби, который служил переводчиком.

Потом, увидав коршуна, тяжело летавшего над дворцом, Лаеннек быстро прицелился из своего карабина, выстрелил, и птица замертво упала среди стражей Рембоко.

При звуке выстрела все негры, пораженные ужасом, бросились наземь ничком, потому что огнестрельное оружие им было неизвестно. Увидев падающую птицу, они думали, что настала их последняя минута.

Хотя рассказ отца Рембоко, который когда-то ездил в Габон, подготовил Рембоко к звуку и действию выстрела, король все же был более взволнован, чем хотел это выказать, и сказал серьезным голосом:

— Вы те духи, которых видел мой отец. Вы обещали навестить его в Эноге, но слишком медлили: старый король четыре года назад переселился в страпу облаков. Добро пожаловать, вы даете смерть и жизнь...

Потом с тою подвижностью ума, которая составляет отличительную черту его племени, он просил трех белых вернуть здоровье его матери, которая умирала в углу его дворца.

Лаеннек с большим трудом растолковал ему, что они не имеют никакой власти над жизнью людей.

— Твоя мать умирает, вероятно, от старости, — сказал он, — и ничто не может отсрочить этот час, который настает для всех.

— Нет, она умирает не от старости, — ответил Рембоко, — великий жрец фетишей объявил, что ее околдовали, и так как белые не хотят уничтожить колдовство, то сегодня же вечером виновные будут казнены.

Костюм короля фанов был престранный; шапка, имеющая форму сахарной головы, была так украшена рядами кораллов и кусочками разбитого зеркала, что невозможно бы-

ло узнать, из какой материи она сшита; шея и грудь также были покрыты рядами тяжелых кораллов, так что король еле дышал. Пять коралловых четок спускались до колен; костюм дополняли куски красной материи, оберпнутые вокруг бедер в виде пояса, за который были заткнуты сабля и четыре ножа. На руках и икрах блестели браслеты из старых медных пуговиц. Этот костюм возбуждал восторг подданных каждый раз, как Рембоко удостаивал показываться в нем своему народу.

Прием кончился уверением Рембоко, что его белые друзья могут поступать в его владениях, как у самих себя, и упрасивал их как можно долее остаться в Эноге.

Вечером, когда путешественники отдыхали в хижине, отведенной им королем, они услышали громкие крики с аккомпанементом тамтама, раздавшиеся, по-видимому, с главной площади города; любопытство побудило их следовать за толпой, стекавшей туда. О'Конда, мать Рембоко, умерла, и Куенго, великий жрец фетишей, приготовился заставить заговорить статую великого Майякомбо, чтобы узнать тайных врагов, убивших мать короля своим колдовством. Все жители деревни, даже женщины и дети, вооружились, чтобы напасть на виновных.

Раскинув свои палатки на границе лесов Мукаганга, фаны, не оставив своих воинственных нравов, приняли обычаи пастушеских народонаселений этих стран и всем фетишам страны отдавали равную почесть. Поэтому во всей Центральной Африке нельзя было найти ни одного селения, в котором было бы столько фетишей, как в Эноге.

Великий жрец Куенго велел принести на площадь статую великого Майякомбо и всех фетишей, составлявших свиту бога, и объявил толпе, что, если приговоры неба не будут исполнены немедленно, самые великие несчастья обрушатся на деревню.

Толпа единогласно отвечала, что готова отомстить неизвестным колдунам за смерть матери короля.

Но великий жрец, находя толпу недостаточно возбужденной, обещал раздать амулеты против яда, хищных зверей и боли в животе тем, кто более отличится в преследовании преступников.

— Что они будут делать? — спросил Гиллуа Лаеннека.

— Я сто раз видел эту комедию, — ответил Лаеннек. — Великий жрец Майякомбо просто хочет освободиться не

только от своих личных врагов, но и от всех тех, положение которых возле короля может ему вредить, направив на них гнев толпы.

— А мы разве должны присутствовать равнодушно при этой сцене?

— Да. Если дорожите жизнью... Достаточно, чтобы один из этих лицемерных жрецов указал на нас, как на околдовавших О'Конду, и нас убьют. Мы совершенно бессильны остановить убийство.

— Но кто нам мешает в таком случае вернуться в нашу хижину? Вы, вероятно, не более нас, любезный Лаеннек, чувствуете желание присутствовать при таком печальном зрелище?

— Оглянитесь — и вы увидите, что невозможно пробраться сквозь толпу, окружающую нас.

Против воли они припуждены были ждать конца драмы.

Куенго, как предвидел Лаеннек, предал во власть народной ярости пять человек, самых могущественных своих врагов, которых он не посмел бы обвинить, если бы дело шло о смерти человека обыкновенного; но всем казалось естественным, что мать короля была убита колдовством людей, служивших при дворе.

Как только они были названы, их тотчас растерзали на куски.

Обвинение в колдовстве в Центральной Африке — самое тяжкое против человека, и ничто не избавит его от ожидающей его участи. Негры живут в постоянном страхе перед фетишами, а ганги, дудо и прочие мошенники-жрецы пользуются этим суеверием, чтобы упрочить свою власть.

Путешественники вернулись в свою хижину под тягостным впечатлением всего происшедшего.

— О чем вы думаете? — спросил Барте у Гиллуа.

— Я думаю о том, — ответил молодой человек, — что не далее как столетие тому назад даже Европа, столь гордая своей цивилизацией, сжигала заподозренных в колдовстве.

На другой день Рембоко дал большой праздник в честь белых, в котором после пения и плясок, продолжавшихся до заката солнца, велел убить пятьдесят невольников и отдать их на угощение толпы. Жители Эноге, несмотря на значительные перемены в нравах, остались людоедами, как все другие племена фанов.

Все перепились пальмовым вином, и Лаеннек со своими спутниками, принужденные присутствовать возле короля на этом пиру, не смели, из опасения скомпрометировать себя, выказать отвращение, которое впускали им подобные поступки. При первой возможности они верпулись в свою хижину с твердым намерением оставить Эноге на другой же день; они не чувствовали себя в безопасности среди кровавых людей, которых могла направить против них малейшая прихоть короля или главного жреца.

На другой день они с большим трудом добились от Рембоко позволения оставить его владения, и то только под условием вернуться скорее.

Король фанов дал им почетную стражу до страны ассиров, куда они пришли три дня спустя.

Как везде, прибытие их возбудило величайшее удивление, потому что еще ни один белый не отваживался проникнуть в этот край. Несмотря на настойчивые просьбы остаться несколько дней, они объявили, что проведут только одну ночь, потому что спешили добраться до цели своего путешествия.

По их соображениям, они находились только в пятидесяти милях от Габона, и сердца Барте и Гиллуа сильно бились при одной только мысли, что через неделю они смогут отдохнуть на французской земле. Там они найдут известия от родных, друзей, потому что Габон был местом их назначения; они также, наверное, узнают, что сделалось с Жилиасом и Тука, их двумя товарищами на «Осе», так же как и с Ле Нозлем, капитаном судна, торгующего неграми, которого они оставили у устья Рио-дас-Мортес. Все эти воспоминания, на которых иногда останавливались их мысли во время продолжительных странствований по Центральной Африке, возвращались к ним теперь; они клялись самим себе отомстить смелому флибустьеру, которому обязаны были всеми своими страданиями... Тоска по цивилизованным странам давила их до такой степени, что они не видали, как горько было для Лаеннека горячее выражение их радости, и не всегда примечали, какой контраст составляли их излияния с печальным и задумчивым молчанием их проводника.

В тот вечер, однако, когда ассирсы прекратили, наконец, пение, пляски и увеселения, придуманные в честь белых, путешественники могли отдохнуть в одной из самых больших хижин деревни Аcoonга. Молодые люди, занявшись

разговором о своем возвращении, отыскивали глазами Лаеннека и, не найдя его, отправились по указаниям Кунье на берег Рембо Ниуге.

Они нашли Лаеннека сидящим у реки; он рассеянно смотрел на воду, которая походила на широкую серебряную ленту.

— Вы страдаете? — спросил Барте. — Зачем вы уединились?

— Извините меня, друзья, но печаль неразлучна с жизнью, которую я веду, и у меня не всегда хватает силы противодействовать моему настроению... Вы спрашиваете меня, страдаю ли я? Отвечу вам откровенно... Это странно, не правда ли? Я страдаю от вашей радости.

— От нашей радости?

— Да, за пять месяцев я так привык к вашему присутствию, что бывают минуты, когда я чувствую, что неспособен более один вести ту жизнь, которую прежде так любил...

Молодые люди были тропуты до слез.

— Любезный Лаеннек, — ответил Гиллуа, пожимая ему обе руки, — вы никогда не хотели серьезно поговорить с нами об этом, но настала минута сказать вам: мы положительно рассчитываем, что сначала вы поедете с нами в Габон, куда нас призывает наша служба, потом во Францию, где вас ожидает помилование, двадцать раз уже заслуженное вами.

— Не обманывайте себя пустой мечтой, — сказал бывший моряк более твердым голосом, — и будьте уверены, что я вам скажу мое последнее слово. Как ни тягостна для меня наша разлука, я оставляю вас по прибытии в Габон и вернусь в Конго. Вы знаете, я поклялся королю Гобби, а Лаеннек не изменяет своему слову. Пребывание во Франции не уменьшит сожалений о прошлом, а я давно уже потерял и привычку и любовь к цивилизованной жизни, чтобы снова разыгрывать ничтожную роль в чуждой мне среде. Может быть, я обманываюсь, но мне кажется, что люди, рождающиеся в моей среде в Европе, всю жизнь вынуждены трудиться, приносить себя в жертву для других, не совсем понимая общественные законы, которым они покоряются; они умирают моряками, рыбаками или каменотесами, как родились, и кажутся мне несколько не счастливее невольников, которых я заставляю работать на себя в Конго. Я знаю, что

так должно быть, что не все моряки могут быть адмиралами, не все рыбаки — судохозяевами, не все камнеломы — адвокатами или префектами... Но для чего хотите вы, чтобы я опять занял место на таком жизненном пути, где, я это знаю заранее, могу только маршировать и повиноваться?.. Допустим, что приговор военного суда будет отменен, — я все-таки буду принужден подчиняться общественным требованиям, к которым я потерял уважение, между тем как здесь я сам себе господин и с карабином на плече, с беспредельным простором пред собою пользуюсь воздухом, солнцем, свободой...

Барте и Гиллуа смотрели на Лаеннека с искренним изумлением; «степной странник» явился им совершенно в новом свете. Они не подозревали, до какой степени жизнь в лесах и созерцание природы развили индивидуальность бывшего бретонского рыбака.

Задумчиво и с волнением вернулись они в свою хижину, не обменявшись ни одним словом. Но несколько раз, ночью, среди странных звуков, смешивавшихся с однообразным журчанием реки, молодые люди слышали, как Лаеннек вздыхал...

4. Габон. — Прощание с Лаеннеком

Два дня пути провели путешественники на берегу Огове, несколько выше озера Овенге. Они проехали в пироге эту величественную реку, неизвестные источники которой, вероятно, сливаются с большими озерами, и очутились среди племен фанов и бакале, поселившихся на этих берегах.

Они немедленно приняли меры, чтобы добраться до Габона сухим путем, который молодые люди предпочитали поездке по реке, чтобы долее остаться с Лаеннеком и проститься с ним, потому что не надеялись, чтобы он переменил свое намерение даже в виду французской земли.

Готовясь прибыть на место назначения, от которого были удалены странными приключениями, они начали заниматься этой интересной и мало известной страной, где обязанности службы могли удержать их на несколько лет. Барте, который сделал из всеобщей географии свое любимое занятие, был рад отплатить Гиллуа за уроки ботаники и естественной истории, преподанные ему во время их продолжительных странствований.

Габон, по донесению лейтенанта Пижара, был в 1839 году большим центром торговли, где не думала еще поселиться ни одна нация, несмотря на многочисленные выгоды его центрального положения как пункта снабжения провиантом эскадр и торгового пути во внутренние земли.

В феврале «Малучна» — шхуна под командованием Буге — бросила там якорь, и договор, заключенный с Денисом, королем левого берега, дал Франции право основаться на этом берегу.

Однако в 1840 году тот же офицер, пораженный значительной смертностью, обнаружившейся между белыми в невольничьих факториях, расположенных с этой стороны Габона, вздумал выбрать лучшую позицию.

В 1842 году был заключен договор с королем Квабен для приобретения местности и права поселения на правом берегу, и скоро блокгауз, окруженный временными укреплениями, упрочил в этих местах господство Франции.

Внутренний бассейн Габона, начинающийся у островов Кункей и Парро, суживается к востоку и наконец становится рекой шириной в одну милю. В этот бассейн впадают несколько притоков: Коя и Воголей на северном берегу, Комо — на восточном, Мафуга и Дамбо-Уе — на южном берегу.

Эти пять притоков судоходны на некотором расстоянии от своего устья. Далее идут песчаные отмели, и реки суживаются до такой степени, что становятся непроходимыми даже для лодок.

Комо, текущий с востока, судоходен более остальных, это главная артерия бассейна.

Берега залива или, лучше сказать, лимана Габона населены исключительно неграми понго, племенем ленивым и хитрым, сделавшимся посредником между торговлей европейской и внутренней.

Отвращение понго (или понгове, как говорят некоторые путешественники) к ручным работам замечается в одинаковой степени у всех племен, населяющих берега залива. Единственная причина, выводящая их иногда из апатии, это желание достать продукты белых; для этого одни занимаются маклерством, другие охотятся, и все трудятся некоторое время только для того, чтобы иметь возможность потом отдохнуть и пить много алуку. Они презирают земледелие, оттого что страна удовлетворяет почти без труда их малейшие

потребности, а также и потому, что обработка земли предоставляется женщинам и невольникам.

Бананы, иньям, таро и маниок составляют их главную пищу; зажиточные туземцы прибавляют сушеную рыбу, слоновое мясо, копченого кабана, которые охотничьи племена внутренних земель выменивают на побережье.

Кочующие племена, до сих пор отдаленные от моря, ведут почти всю торговлю слоновой костью в Габоне через прибрежных жителей, от которых получают ружья, порох, ром и прочее. Таким образом, фаны предпочтительно обмениваются товарами с бакале, нравы которых схожи с их нравами.

Некоторые операции происходят помимо этого пути; например, разные деревни бакале остались еще верны своим древним обычаям, сами охотятся за слонами и продают продукты, когда найдут случай; но трудности пути и завистливые посредники делают прямые сношения с европейскими факториями ничтожными.

В Габоне начинается и идет вдоль залива Гвинеи длинный берег, называемый Берегом Слоновой Кости; там специально идет торговля этим предметом.

Однако слоновой кости становится все меньше. Не только в Габоне, но и на всем пространстве Берега Слоновой Кости фактории жалуются изо дня в день на уменьшение оборотов.

Действительно, по мере того как охотничьи народы верхней страны знакомятся с белыми и привыкают к их продуктам, они умудряются доставать их как можно легче и находят, как понго, посредничество менее трудным и менее опасным, чем охота.

Отсюда постоянное стремление отдаленных племен приблизиться к берегам моря. Так, булу, жившие прежде в верхней части притока Комо и бывшие неустрашимыми охотниками, были отодвинуты к западу племенем бакале; бакале в свою очередь оттеснены фанами, прибывшими из внутренних земель.

Этой-то склонности охотничьих народов сделаться посредниками торговля обязана уменьшением в ее обороте слоновой кости, а вовсе не убыли слонов, которые, напротив, все еще очень многочисленны.

Пять или шесть племен, различных по названию и языку, живущие в Габоне, почти все имеют один и тот же физический облик; единственную разницу составляют более угло-

ватые черты и менее темная кожа, по мере того как подвигаешься во внутренние земли.

Многоженство, идолопоклонство, хитрость, ловкая алчность — главные черты этих племен. Энергия и склонность к труду уменьшаются.

Женщина, как у всех черных племен Африки, живет в постоянном унижении, и на ней лежит вся тягость семейных забот.

Племена Конго, соседи моря, были соединены интересами своих начальников, между прочим, старым королем Денисом. Булу соединены между собою гораздо менее, а бакале, хотя не воюют между собою, постоянно питают взаимное недоверие.

Самая сильная ненависть существует в деревнях, лежащих у границы между двумя народами; и любопытно то, что эти деревни постоянно ссорятся, а деревни, принадлежащие тем же племенам, но живущие несколько дальше, поддерживают мирные торговые сношения.

Ремесленничество этих народов, главное занятие которых составляет война и которые постоянно кочуют, должно было направиться на способы приспособления к известному месту и защите его. Напрасно было бы искать у них культуру, похожую на культуру народов Океании и Нового Света. Здесь все отзывает большой природной леностью и примитивностью кочевого быта.

Ремесленничество представлено исключительно необходимыми предметами обихода, как, например, грубые пироги, сети, циновки и оружие, фабрикуемое фанами и бакале. Можно прибавить еще изготовление глиняных сосудов, не требующих почти никаких особенных стараний, если вспомнить, что повсюду находится глина, совершенно чистая, без примеси известковых частиц и быстро твердеющая на солнце.

Жители ничего не требуют у этой плодородной земли, но достаточно указать на естественные продукты, встречающиеся там, и на аналогию с соседними землями, чтобы судить о результатах, каких может достигнуть культура.

С другой стороны, легко установить близкую аналогию почвы Габона с почвой Принцевых островов, лежащих за сорок миль к западу, и доказать, что можно с такою же выгодой обрабатывать эту почву. Разумная вырубка леса в частях, соседних с морем, сделала бы воздух здоровее, открыв большие пространства для заселения. Множество высоких

плоскогорий требует немного труда, чтобы сторицей возвратить посаженные семена.

— Пользуясь всеми наблюдениями, сделанными до сих пор в Габоне, — сказал Барте, кончив это изложение, составлявшее два дня главный предмет их разговоров, — можно бы превратить этот край в одну из богатейших колоний, но, к сожалению, это неосуществимо.

— Отчего же? — спросил Гиллуа.

— Европейец не привык к климату и может пробыть там несколько лет, только постоянно принимая хинин и считая себя еще счастливым, если дурной воздух не умертвит его в первые дни приезда.

— Пять месяцев усталости и страданий в странах таких же нездоровых, как и Габон, не сделают разве этот климат сноснее для нас, чем для вновь приезжающих?

— Непременно, но не думаю, чтобы мы так долго остались.

— Почему же? Мы не больны и, как ни желали бы увидеть Францию после стольких испытаний, немедленно должны приступить к исполнению своих обязанностей.

— Да, если не были замещены... Места, которые мы должны были занять, не могли оставаться вакантными так долго, и признаюсь, что это предположение мне приятно. После стольких волнений я не прочь отдохнуть у родных,

которых должно было огорчить мое исчезновение. Я думаю, что и вы также, любезный Гиллуа.

— Меня никто не ждет! — печально перебил молодой человек. — Я один на свете.

— Теперь не один! — горячо возразил Барте. — Вы сделали мне так дороги, как брат. Вас примут все мои родные...

В следующие дни маленький караван прошел ряд невысоких лесистых холмов. Во всех деревнях фанов и бакале путешественников встречали как нельзя лучше; их везде принимали за торговцев, пришедших выбрать лучшие места для своих факторий, и повсюду их упрашивали остаться.

Иметь факторию на своей земле — самое великое счастье, какого может добиться негритянская деревня. Это значит иметь всегда под рукой не только ружья, порох, зеркала, стеклянные изделия, но и «божественный алугу», или негритянский ром, настоящий кумир во всей этой части Африки.

Холмы сменились низменными землями, переходившими в болота, где путешественники не могли пройти без проводника-бакале. Но последний, вместо того чтобы вести их к притоку Дамбо-Уе, который в двадцать четыре часа привел бы их к лиману Габона, повел их в свою родную деревню Ганго, находившуюся почти у истока Комо, на расстоянии четырех дней пути в лодке от Либревиля (главное место французских владений на правом берегу Габона); но они не подозревали этого обмана, который сильно раздосадовал бы их.

В ту минуту, когда они прибыли в Ганго, почти все жители деревни находились на берегу реки, где посредством железной цепи с крючком и приманкой захватили громадного крокодила, который уже несколько месяцев опустошал страну и до сих пор избегал всех расставляемых ему засад. Он пожрал и искалечил такое количество женщин, детей и рыбаков, что никто не смел ходить за водой в ту часть Комо, где он жил.

Эта поимка была настоящим событием. Убитого крокодила разорвала толпа, оспаривая друг у друга его зубы, кусочки когтей, кожи и костей для талисмана против крокодиловых укусов.

Вслушав обычную просьбу и ответив обычным же образом, то есть торжественным обещанием рекомендовать деревню всем прибрежным торговцам, которые захотят ос-

новать фактории, нутешественники достали в Ганго большую пирогу для поездки в Либревиле.

Они проехали мимо больших деревень Пандангои, Дуия, Могюи, Нумбе и Домбия и бросили якорь через день у живописной деревеньки Кобогои. Ни в одной из тех, которые они проходили, не встречали они такого довольства и благосостояния. Хижины были построены правильными рядами по перпендикулярному направлению к реке, а длинная плантация банановых и кокосовых деревьев, простиравшаяся за каждым рядом домов и покрывавшая их тенью, кончалась на берегу реки. Пристань имела не более восьми метров в ширину и была так густо окаймлена кустами, что только вблизи можно было приметить деревню, первые хижины которой почти омывала река.

— Здесь мы расстанемся, — сказал Лаеннек молодым людям, дошедшим благодаря его смелости до места назначения. — В этой деревне начинается французская земля, и я не могу сопутствовать вам далее.

Произнеся эти слова, Лаеннек не старался прикрыть чем-либо свое волнение.

Он был так тверд и решителен, что Барте и Гиллуа поняли совершенную бесполезность попыток уговаривать его переменить намерение и непреклонность его решения вернуться в верхнее Конго.

— Завтра вы будете в Либревиле, — продолжал Лаеннек, — а мы вернемся в лес... Так все идет на свете; и постоянно надо топтать ногами свое сердце, чтобы повиноваться требованиям жизни... — Тут голос Лаеннека начал дрожать. — Вот пальмовый лист для могилы бедной старушки в Плуаре, которая умерла, не увидевшись со мною... Вы сдержите ваше обещание, мне будет приятно думать об этом в пустыне... и... и... — Он сделал усилие над собою и кончил, пролепетав: — Вы мне позвольте вас обнять, если думаете, что бывший дезертир достоин сохранять о вас горячее воспоминание...

Молодые люди бросились к нему на шею, не будучи в состоянии произнести ни слова; они задыхались от волнения...

Вдруг Лаеннек быстро вырвался из их объятий, бросил карабин на плечо и свистнул Уале.

— Прощайте! — сказал он обоим друзьям. — Прощайте! Если когда-нибудь вы будете в Сан-Паоло-да-Луандо, при-

шлите ко мне нарочного к Гобби, и — честное слово бретонца — я приду к берегу, чтобы увидеть вас...

Быстрыми шагами пошел он по дороге, которая должна была привести его к берегу Огове. Кунье, Буана, Нияди, Иненга и мосиконгские воины последовали за своим начальником, призывая на белых друзей своих все благословения мокиссо. Проходя мимо, эти добрые люди отдавали им часть своих талисманов против лихорадки, укусов змей и опасных встреч.

Гиллуа и Барте принимали все это на память. Последний негр давно исчез в лесу, а они не могли еще отвлечь своих мыслей от тех, кто расстался с ними, и глаза их все допрашивали глубины леса.

— Какая внезапная разлука, — вдруг сказал Барте, вздохнув.

— Так лучше, — ответил Гиллуа. — Этот железный человек, насмехающийся над людоедами, стихиями и лютыми зверями, чувствителен, как ребенок. Он не умеет переносить горести сердца.

Вернувшись к своей лодке, друзья с удивлением увидели Йомби, который на берегу наблюдал, как переносили в лодку плоды и пресную воду.

— Ты зачем не пошел за Момту-Самбу? — спросили они у него.

— Невольник следует за своим господином, — ответил добрый фан, — а Йомби — невольник.

5. Либревиль. — Возвращение во Францию

С невыразимым чувством грусти оба друга проехали Комо с гребцами-бакале. Они оставили за собой деревни Атекве, Гомия, Коло, Антобия, Фассоль, островки Шолиу, Нангье и Шика, два притока Комо — Мага и Ачанго — и наконец въехали в лиман Габона.

Через несколько часов они прибыли в Либревиль, где французский флаг, развевавшийся над домом губернатора и на мачте вестового судна, стоявшего в гавани, доставил им живую радость после неприятных происшествий, закинувших их в центр Африки.

Было около одиннадцати часов утра, когда они вышли на пристань; огненное солнце палило берег, и ни на военном корабле, стоявшем на рейде, ни на берегу ни одна душа не

отважилась подвергнуться зною. Все — губернатор, офицеры, администраторы, моряки и солдаты — отдыхали после завтрака.

Барте и его друг немедленно отправились к губернатору, и он их тотчас же принял.

Достаточно было сказать, что его спрашивают двое белых, прибывшие из внутренних земель в самой жалкой одежде, для того чтобы габонский губернатор Сервен счел своим долгом тотчас осведомиться об их национальности и их нуждах.

Это был бравый моряк, обязанный своим чином только собственным заслугам, немножко резкий в обращении, недостаточно честный перед самим собой, чтобы бросить грязную службу, но уважаемый и любимый всеми товарищами за чистосердечие и прямоту.

Он имел только один хорошо известный недостаток, впрочем, извинительный: терпеть не мог членов колониального комиссариата, которых называл писаками, хищниками, мастерами путать цифры и т. п. Его споры с этим корнусом, который он справедливо обвинял в разорении всех колоний, были известны во флоте и различных поселениях, где он был начальником, и редко бывало, чтобы комиссар-распорядитель, находившийся под его начальством, не был отправлен обратно через три месяца по приезде.

Колониальный комиссариат, как все административные корнуса, имеет склонность совать нос во все ведомства, впутываться во всякую службу. Главная цель его — уничтожить последнюю крошку честности, если таковая остается по недоразумению в возмутительном колониальном строе.

Сервен был единственный губернатор, не уставший еще от бесплодной борьбы с бездействием, недоброжелательством и невежеством колониальных бюрократов, он имел особенный способ кончать эту борьбу: немедленно отсылал обратно во Францию всякого администратора, который прятался за вечную стену уставов, чтобы не исполнить данного ему приказа.

Все эти господа были принуждены приходить в назначенное время и работать. Он сажал комиссара под арест каждый раз, как не находил его в канцелярии в часы службы.

Бесполезно говорить, что его ненавидела вся администрация и что его давно «спихнули» бы, как выражались эти господа, если бы у него не было хорошей опоры.

Никто в морском министерстве не смел его коснуться, потому что он был товарищем всех контр- и вице-адмиралов адмиралтейства, а они не позволили бы сделать ему ни малейшей неприятности. Когда он отсылал комиссара, ему присылали другого, и больше ничего.

Не далее как неделю тому назад к нему прибыл новый начальник администрации Жильбер-Пьер Крюшар, более известный под именем Жиб-Пье-Кюша, потому что он не в состоянии был произнести букву «р», как и все антильские креолы.

Его нарочно выбрали за его классическое ничтожество (в чем он, впрочем, мало отличался от других своих товарищей) в расчете, что он не станет вступать в ссору с губернатором. Он заменил знаменитого Тука, который остался на «Осе», когда Гиллуа и Барте были выданы Гобби капитаном Ле Ноэлем. Надо сказать в похвалу ему, что он не затеял еще ни малейшей ссоры со своим начальником.

Сервен был любезный и очаровательный человек, и, когда ему не приходилось ссориться с комиссаром, никто не имел характера приятнее и веселее.

Таков был человек, к которому явились Барте и Гиллуа. Только что они назвали свое имя и чин, губернатор протянул им обе руки и сказал:

— Как, это вы? Пять месяцев назад мне дали знать о прибытии вашем и двух других офицеров, а последний корабль привез мне известие о вашей смерти! Он же привез и других чиновников на ваши места.

Оба друга в нескольких словах рассказали ему о своих приключениях и страданиях, а также и о преданности дезертира, которому были обязаны своим освобождением.

— Вы прошли всю Центральную Африку? — спросил губернатор, который не верил своим ушам.

— Так точно.

— А как зовут того человека, который освободил вас из плена негритянского короля и проводил сюда?

— Ив Лаеннек; это бывший моряк, который бежал в Сан-Паоло-да-Луанда, чтобы избежать осуждения на смерть.

— Лаеннек... Сан-Паоло-да-Луанда... — сказал Сервен, как бы припоминая. — Что же такое он сделал?

— Он поднял руку на офицера.

— Вспомнил! — сказал губернатор, ударив себя по лбу. — Это я был командиром «Тизбы», когда случилось это происшествие. Мы стояли у португальской столицы Анголы... Зачем вы не привезли его сюда?.. Я немедленно заса-дил бы его!

— О!..

— Позвольте, я послал бы его на понтон, который служит нам тюрьмой, и выпросил бы ему помилование со следующей же почтой!

— Мы употребляли все силы, чтобы уговорить его следовать за нами, но он предпочитает жить в зарослях.

— Это его дело... Но с вами-то что будет? Я не могу оставить вас здесь. Как я уже вам сказал, на ваши места назначены другие, и потом, после столь продолжительного путешествия вы должны отдохнуть во Франции.

— Тем более что нам нечего здесь делать.

— Именно. Судно, которое ходит между Сен-Луи, Горей и Габоном, стоит на рейде; оно уходит завтра; я отошлю вас в Горей, а оттуда вас отправят с первым случаем в Бордо или Нант.

— Наша признательность...

— Хорошо, хорошо. Вам надо сейчас же отправиться к этому дур... Жибе-Пье-Кюша, — продолжал Сервен, закусив губу. — Вы скажите ему, что были у меня, что я отправляю вас завтра, и попросите приготовить необходимые бумаги. Сделав это, воротитесь ко мне, я жду вас к завтраку, вы мне расскажете подробнее о ваших любопытных странствованиях.

Молодые люди немедленно отправились в канцелярию комиссара, который принял их со всем достоинством, приличным его должности.

Выслушав с величайшим вниманием рассказ Барте об их приключениях и о визите к губернатору, Жильбер Крюшар ответил тоном, исполненным административной самонадеянности:

— Все, что вы мне рассказываете, очень интересно; но если вы даже действительно Барте и Гиллуа, мне до этого

никакого дела нет. Ведь официально вы умерли и замещены, мне до вас нет никакого дела!

— Однако, — отважился сказать Барте, вне себя от удивления, — чиновники, замененные другими, имеют право вернуться на родину.

— Вы, стало быть, не понимаете, что я вам говорю: вы официально умерли, министерство уведомило нас об этом в своих последних депешах, а в таком случае, — прибавил Жибе-Пье-Кюша с улыбкой удовольствия, — никакая статья в уставе не дает мне права вас воскресить.

— Официально... — начал Барте, начинавший терять терпение.

— Именно. Вы так умерли с административной точки зрения, что молодой человек, сопровождающий вас и который был...

— При жизни... — продолжал Барте.

— При жизни... — подтвердил Жибе-Пье-Кюша, — помощник комиссара, вследствие своей смерти...

— Официально...

— Вы опять правы... избавляется от недельного ареста, к которому я присудил бы его за то, что он, высадившись на этот берег, не явился прямо ко мне, своему непосредственному начальнику!

— Итак, господин комиссар?..

— Мне до вас нет никакого дела.

— Несмотря на приказание губернатора?

— Губернатор, несмотря на свою власть, никогда не заставит меня поступить против устава.

— Разве устав предусматривает случай, подобный нашему?

— Нет.

— Но если так, господин комиссар, если устав ничего не предусматривает в этом отношении, он, значит, и не запрещает ничего, и вы можете тем более принять решение, что оно уже одобрено начальником колонии!

— Милостивый государь, в администрации мы часто поступаем вопреки уставу, все зависит от ловкости и соображения; но когда устав молчит, мы также молчим.

— Стало быть, если бы устав предусмотрел такой случай, запретив, например, возвращать на родину воскресших, наше положение было бы лучше?

— Конечно! Вы существовали бы, вы были бы чем-нибудь с административной точки зрения... Я отправил бы вас к министру.

— А если бы устав это запрещал?

— Вас можно было бы послать с поручением.

— А если и это?..

— Эх! Довольно, милостивый государь, я здесь не затем, чтобы давать вам уроки административного права. Аудиенция, на которую я вас донустил, окончена.

Не говоря более ни слова, Гиллуа и Барте поклонились и вышли. Несмотря на досаду, которую возбуждало в них это положение, ибо они не знали, чем кончится это дело, они не могли удержаться от смеха.

Узнав о происшествии, Сервен страшно рассердился и немедленно призвал к себе комиссара.

— Итак, — сказал он ему, — вы отказываетесь сделать все, что нужно для того, чтобы отослать во Францию этих молодых людей, которые прибыли к нам после пятидесятилетних страданий?

— Да, отказываюсь.

— Даже если я пришлю вам письменное предписание?

— Даже и тогда.

— И только потому, что вы считаете их умершими?

— Официально да, а устав, к моему величайшему сожалению, не дает мне права исполнить ваше требование... Может быть, их можно было бы отправить как туземцев...

— Довольно, — перебил губернатор, который едва сдерживался, чтобы не разразиться страшным гневом. — Габон — колония, слишком маленькая для вашего обширного ума. «Аспид» уходит завтра, вам остается двадцать четыре часа для того, чтобы собраться. Отсылаю вас к министру, который сумеет найти для вас поприще, более достойное вашего просвещенного ума.

— Очень хорошо; кому я должен передать мои обязанности? — ответил Жибе-Пье-Кюша, рассчитывавший на то, что губернатор встретит сопротивление в каждом из своих подчиненных.

— Никому из ваших, милостивый государь! Назначаю капитана де Серьера временным комиссаром.

Так кончилось это дело об «официально умерших», над которым долго смеялись на африканском берегу.

Временный комиссар приготовил вечером необходимые бумаги, и «Аспид» в назначенный час снялся с якоря с тремя пассажирами.

Командир «Аспида» прошел Старый Калабар, берег Ашанти и бросил якорь через десять дней после отплытия из Габона у Большого Бассама, французской фактории, которую адмирал Де Лангль занял несколько времени тому назад от имени Франции и которую потом бросил ввиду ее бесполезности.

Остановившись тут на несколько часов, «Аспид» прямо направился к Горее.

Там путешественникам посчастливилось найти судно, пришедшее за маслом в Дакор и отправлявшееся в Нант; с согласия начальника маленькой колонии они пересели на другое судно, и спустя двадцать шесть дней Барте и Гиллуа с понятным волнением приветствовали дорогие берега отчизны, которую оставили семь месяцев тому назад и не имели надежды когда-нибудь их увидеть...

Высадившись в Сен-Назере, они скорым поездом уехали в Париж.

ЭПЛОГ

Два друга в сопровождении Йомби приехали в пять часов утра на станцию Сен-Лазар. Они немедленно расстались, потому что Барте спешил увидеть своих родных. У Гиллуа был только один старый дядя, эгоист и скряга, который ничего не хотел сделать для него после смерти отца, хотя имел большое состояние. Поэтому Гиллуа решил было остановиться в гостинице, но через несколько минут передумал и поехал к дяде. Расставаясь, молодые люди условились в десять часов встретиться в кофейне «Гельдер» — обычном месте собрания всех приезжих офицеров. Уверенные, что встретят там товарищей, они захотели, прежде чем явиться в морское министерство, узнать, какое впечатление произвели их приключения и известие об их смерти. Им хотелось также узнать об участии Тука и Жилиаса, их товарищей по несчастью. В назначенный час они встретились на бульваре в нескольких шагах от кофейни, знаменитой в летописях армии и флота, и крепко пожали друг другу руки, точно не видались несколько дней.

— Ну, что? — спросил Гиллуа взволнованным голосом.

— Ах, любезный друг, — ответил Барте со слезами на глазах, — я приехал вовремя: мой старый отец и моя мать умирали от горя... Говорят иногда, что великая радость убивает, но мое появление вернуло их к жизни, а моя молоденькая сестра Маргарита, я думал, сойдет с ума от радости! Я забыл уже все мои лишения, все страдания. Когда я пере-

ступил порог родительского дома, я был так взволнован, что не мог сделать и шагу... Потом вдруг, не знаю каким образом, забыв всякую осторожность, я бросился, как сумасшедший, в дом, крича: «Я здесь! Я не умер! Я здесь!..» Ко мне вышла моя мать, и я без чувств упал к ее ногам. Когда я опомнился, отец прижимал меня к сердцу, как ребенка... все трое стояли около меня, и мы плакали... Ах, Гиллуа, я задыхаюсь от счастья! Я еще не оправился, говорю вам только о себе и забыл спросить вас, как вы были приняты?

— Я приехал поздно, — ответил молодой человек серьезным голосом.

— Ваш дядя...

— Умер шесть недель тому назад, оставив мне все состояние, около двадцати пяти тысяч франков годового дохода.

— Перед смертью он понял свою вину перед вами?

— Нет. Он умер в ту самую минуту, когда нотариус, которого он пригласил, чтобы лишить меня наследства в пользу своей экономки, подавал ему перо для подписи. Завещание осталось неподписанным, и я получил наследство не по воле моего дяди, а по закону.

— Это, друг мой, для вас целое состояние!

— И возможность вновь путешествовать по Центральной Африке, которая так прельщала нас.

— Вы еще думаете об этом?

— Да, и самое горячее мое желание...

— Иметь меня спутником?... Я угадал?

Они входили в эту минуту в кофейню «Гельдер». Было еще рано, и не видно было ни одного знакомого лица. Кроме пяти или шести отставных офицеров, которые имели привычку наслаждаться игрой в безик с девяти часов утра до одиннадцати часов вечера, кофейня была почти пуста.

Они сели у стола. Вдруг Гиллуа, машинально взявший газету, вскрикнул.

— Что с вами? — спросил Барте.

— Прочтите, — ответил его друг, указывая пальцем на столбец, в заголовке которого находились слова:

«Доклад Тука, помощника комиссара, и Жилиаса, хирурга второго разряда, его превосходительству морскому министру».

Оба друга весело расхохотались.

— Вот наконец знаменитый доклад, которым Тука постоянно угрожал капитану «Осы». Мы узнаем, каким образом наши товарищи ухитрились оставить «Осу» и что сделалось с капитаном Ле Ноэлем.

Началось чтение, прерываемое каждый раз взрывами смеха, от которого молодые люди не могли удержаться.

Тука и Жилиас, рассказав первую часть своего нутешества на «Осе», дошли до той минуты, когда капитан Ле Ноэль, преследуемый английским фрегатом, был принужден обнаружить свое звание капитана судна, торгующего неграми. Тука и Жилиас, не говоря о своих молодых товарищах Гиллуа и Барте, с этой минуты приняли на себя роль героев. По их словам, они бросились в пороховую камеру с зажженным факелом в руке, чтобы взорвать, пренебрегая своею жизнью, это логовище разбойников. Тогда вся команда бросилась на них; их заковали в кандалы и засадили в тюрьму.

Тут молодые люди принуждены были остановиться, чтобы дать волю своей веселости; они буквально задыхались.

— Я вам говорил, — сказал Барте своему другу, — что эти молодцы сумеют показать себя!

Они продолжали.

Рассказ о прибытии «Осы» в лиман Рио-дас-Мортес был еще интереснее. Тука и его Пилад рассказывали, что, сломав свои кандалы, они пытались овладеть судном и после осады, продолжавшейся двадцать четыре часа, были принуждены сдаться, но их энергичное поведение доставило им военные почести.

Далее молодые люди не нашли уже повода к смеху.

Жилиас и Тука горько жаловались на поведение Барте и Гиллуа и обвиняли их в том, что они воспользовались первым случаем, чтобы бежать на берег Бенгелы, и бросили начальников на произвол пиратов «Осы»... Но им не посчастливилось, потому что они были убиты неграми по выходе на берег.

— Какая гадость! — сказал Гиллуа.

— Если они нас принуждают, — прибавил Барте, — мы обнаружим истину.

Знаменитый доклад кончился самым фантастическим рассказом. Тука и Жилиас, прибывшие на «Осе» к бразильскому берегу, на другой день взорвали судно, воспользо-

вавшись пьяной оргией экипажа. Избавившись от смерти чудом, они добрались до берега на обломке, а оттуда вернулись во Францию, довольные тем, что уничтожили логовище бандитов.

Жилиас, разумеется, восхвалял героизм Тука, а последний в свою очередь превозносил высокие подвиги своего друга.

Затем следовал декрет, награждавший их орденами и назначавший их с повышением в важную колонию.

Газета была уже старая, и оба друга недоумевали, почему она сохранилась еще в кофейне; но, заметив, что она пришта к номеру «Нью-Йоркского вестника» от вчерашнего числа, они поняли все.

В американской газете помещен был в двадцати строках ответ капитана Ле Нозля на доклад Жилиаса и Тука, и Барте тотчас перевел этот ответ своему другу.

«Сплошная ложь, что господа Тука и Жилиас вели себя на моем судне так, как они описывают. Они сражались только за столом и в четыре месяца выпили весь запас моего вина. Отказавшись от торговли неграми, я сам взорвал мое судно, продав последний груз, и эти господа тем более должны знать это, что получили часть суммы от продажи негров за услуги, которые мне оказали. Я не дал бы себе труда опровергать похвалы, которыми они взаимно осыпают друг друга, если бы они не вздумали оклеветать Барте и Гиллуа. Энергический и решительный характер этих молодых людей был так опасен для моего судна, что я принужден был освободиться от них и продать их в неволю моему обычному поставщику, королю Гобби в верхнем Конго... Торговец неграми умеет также ценить мужественных людей!

Нозль, бывший капитан «Осы».

Когда Барте и Гиллуа явились в морское министерство, их принял помощник директора департамента и сделал им упрек в нарушении всех правил дисциплины: как, дескать, они позволяют себе оставаться в живых, несмотря на доклад своих начальников об их смерти. Молодые люди переглянулись, улыбаясь, и не знали, как себя держать.

Но бюрократ не шутил и уверил их, что, пожалуй, будет произведено следствие для разъяснения того, каким образом они могли еще оставаться в живых, когда их убили негры, и по каким причинам они бросили своих товарищей в минуту опасности. Он, однако, внимательно выслушал рассказ Барте и Гиллуа об их приключениях, но время от времени качал головой, пожимал плечами и наконец

сказал:

— Все это очень интересно, но положительно не значит ничего... Вы ведь говорите истинную правду?

— О, конечно...

— Но против вас правда официальная, правда административная, и этим сказано все!

— Как? Истинная правда, как вы ее называете...

— Не имеет отношения к делу. Она нам, впрочем, и не нужна, это было бы против дисциплины... Истинная правда может не всегда быть на стороне начальства, между тем как правда официальная... О, в ней мы уверены! Ведь мы сами ее создаем!.. Послушайте, — продолжал бюрократ самодовольным тоном, — ваша наивность трогает меня, и я, пожалуй, для пользы вашей будущности скажу вам: величие, силу и прочность французской администрации составляет то, что все ее члены знают только официальную правду, а официальная правда — это воля начальства. Мы — орудие правительства. Люди исчезают, а канцелярии остаются. Вернитесь, господа, в свои семейства и ждите там приказаний министра!

— Ну? — спросил Барте своего товарища, уходя. — Чувствуете ли вы себя способным служить официальной правде?

— Нет, — ответил Гиллуа, — и думаю, что моя административная карьера кончена. Но надо признаться, что все это очень печально...

В тот же день молодые люди подали в отставку.

— Мы свободны, Гиллуа, — сказал Барте, — пойдемте же, мои родные с нетерпением желают видеть того, о ком я говорил, как о брате... Но что с вами? Вы задумались?

— Я думаю о Лаеннеке, о больших реках, о бесконечных горизонтах Африки... Я тоскую по девственному лесу...

СОДЕРЖАНИЕ

А. Зубарев. Луи Жаколио — писатель, путешественник, исследователь. 5

Часть первая

ПОСЛЕДНЕЕ НЕВОЛЬНИЧЬЕ СУДНО

1. Шхуна «Оса»	13
2. Братья Ронтонаки и К°	19
3. Пассажиры «Осы»	22
4. В открытом море... — Главный штаб «Осы»	26
5. Битва «Осы» с «Доблестным»... — Прибытие на мыс Негро	33

Часть вторая

КОНГО, — ТОРГОВЛЯ НЕГРАМИ

1. Бенгела. — Описание географическое и этнографическое	51
2. Король Гобби. — Тревога	65
3. Река мертвецов. — Корвет	74
4. Погоня. — Рабы	82

Часть третья

НА БЕРЕГАХ КОНГО

1. Гобби возвращается в свое королевство. — Барте и Гиллуа на службе	91
2. Суд короля Гобби. — Странное посещение	101
3. Незнакомец	106
4. Момту-Самбу. План - побега	109
5. Побег и погоня	114

Часть четвертая

ЛЕСА КОНГО

1. Верхнее Конго. — Ночь тревоги	127
2. Борьба. — Страшный пир	135
3. Бегемоты. — Подготовка к отъезду	155

Часть пятая

БОЛОТА КОНГО И БАНКОРЫ

1. Постройка пироги. — Прогулка по девственному лесу	168
2. Двенадцать дней плавания. — Берега Банкоры	176
3. Праздник. — Озеро Уффа	186

Часть шестая

РАЗБОЙНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

1. Путь к Мукангаме и экватору. — Исчезновение Буаны	197
2. Тревожная ночь. — Мщение Уале	205
3. Король Рембоко. — Прибытие к ассирам	210
4. Габон. — Прощание с Лаеннеком	218
5. Либревиль. — Возвращение во Францию	225
Э п и л о г	232

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Для среднего и старшего
школьного возраста

Жаколио Луи

**БЕРЕГ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА
И СЛОНОВОЙ КОСТИ**

Роман

Ответственный редактор *Т. И. Рудакова*
Художественный редактор *В. А. Горячева*
Технический редактор *Е. М. Захарова*
Корректор *Л. А. Рогова*
Reformatting *ok-language.ru*

ИБ № 11142

Сдано в набор 27.04.88. Подписано к печати 12.12.88. Формат 84X108¹/₃₂ Бум. кп.-журп. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отг. 13,44. Уч.-изд. л. 12,13. Тираж 100 000 экз. Заказ № 8620. Цена 80 к. Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Цептр, М. Черкасский пер., 1. Орден Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Жаколио Л.

Ж23 **Берег черного дерева и слоновой кости: Роман /**
Пер. с фр.; Предисл. А. Зубарева; Худож. С. Яро-
вой. — М.: Дет. лит., 1989. — 238 с.: ил. — (Б-ка при-
ключений и научной фантастики. Библиотечная се-
рия).

ISBN 5—08—000350—2

Действие увлекательной приключенческой повести происходит на западе Африканского континента.

В ней рисуется положение африканских племен в середине XIX в., когда в страну проникали французские колонизаторы.

Ж **4804010100 — 047**
М101(03) — 89 **458 — 89**

ББК 84.4Фр

80 коп.